

2018

22
ДО И ПОСЛЕ

Литературный альманах

ДО И ПОСЛЕ

Литературный альманах

Д и П

№ 22

Берлин 2018

Литературно-художественный
альманах
«ДО И ПОСЛЕ» №22

Редакционная коллегия:
Леонид Бердичевский
(главный редактор),
Генриетта Ляховицкая,
Анжелла Подольская.

Форматирование Иосифа Малкиэля

Альманах иллюстрирован эскибрисами из
монографии «НАРОД КНИГИ» Я.И. Бердичевского,
(см. статью на стр. 238)

На обложке эскибрисы работы художников Ирины
Дмитренко (Москва) и Хедвига Пауэлса (Бельгия) для
Я. Бердичевского и Л. Куриса.

Портреты авторов – членов Клуба выполнены
художником Михаилом Погребинским.

ISBN 978-3-926652-87-4

*Произведения, представленные
на страницах Альманаха,
публикуются в Берлине впервые.*

*Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Права авторов сохранены.
При перепечатке ссылка на Альманах обязательна.*

Альманах создан Берлинским Клубом Литературы и Искусства.
Das Almanah ist vom Berliner Klub der Literatur und der Kunst
geschaffen.

Адрес сайта Клуба в Интернете под названием «Клуб Литературы
и Искусства. Альманах До и После»:
<http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Die Adresse Webseite des Klubs im Internet unter dem Namen
«Der Klub der Literatur und der Kunst. Der Almanach DAVOR UND
NACHDEM»: <http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Der Klub der Literatur und Kunst bedankt
sich ganz herzlich der Jüdischen Gemeinde zu Berlin für die
Unterstützung bei der Herausgabe des
Literarischen Almanachs «Davor und Nachdem» № 22

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

[5]

Д и П / 2018

Литературный Альманах «До и После» №22: число «22» – это «возраст» *Альманаха*. Символично, что и еврейский алфавит содержит 22 буквы. Слово *алфавит* происходит от сплава двух первых букв древнееврейского алфавита – *алеф* и *бет* – *алефбет*. Без алфавита невозможна литература...

Эмиграция – первая волна, вторая, третья... *Жизнераздел, судьбораздел*. Для каждого отдельного эмигранта время его судьбы распадается на «*До*» и «*После*» вне зависимости от названия волн. Нас – немолодых учёных, инженеров, математиков, врачей, художников, музыкантов «донесла» до берегов Шпрее четвёртая волна эмиграции. Многие – были членами творческих союзов. Память о том, что было «*До*», и острота впечатлений «*После*» превращались в строки воспоминаний, рассказов, стихов...

Литературный Альманах «До и После» сыграл в литературе четвёртой волны важную роль своеобразного моста, соединяющего литературу в целом с литературой русского зарубежья и еврейской диаспоры. Это позволило *Альманашу* найти широкую читательскую аудиторию, как в Германии, так и в России, Израиле, Америке и в других странах.

В качестве эпиграфа к *Альманашу «До и После»* можно использовать строки из стихотворения Ольги Бешенковской:

*«...И любой эмигрант на закате речист, как Мессия...
Ибо обе судьбы он изведal на этой земле...»*

Сказано это о людях, кого «...*тинком отпустила таможня...*» и «...*для того и границы, чтоб кто-то их смог пересечь...*». О людях, проживших большую часть своей жизни «там» (в бывшем СССР), и осмысливающих своё существование, истинность предназначения, выплёскивающих свой жизненный опыт «здесь» – в эмиграции.

Рассказывая о современной жизни иммигрантов, об истории жизни прошлых поколений, *Альманах* сохраняет для будущего живую память о них.

С каждым годом *Альманах* становился всё солидней, увеличивалось число его авторов.

Главный его раздел – «Поэзия и Проза». Именно в нём – живая первоначальная *литературная ткань*. Дай Бог, чтобы она как можно дольше не ветшала. Позже в *Альманахе* появились новые разделы – «Публицистика» и «Переводы». Статьи, мемуары и эссе из раздела «Публицистика» часто касаются острых тем или повествуют о малоизвестном. В разделе «Переводов» *стараниями членов Клуба Литературы и Искусства* по-русски «заговорили» те, кто творил и творит на идиш, немецком, польском, французском, испанском...

Среди переведённых – стихи лауреатов Нобелевской Премии по литературе: Германа Гессе, Виславы Шимборской, Чеслава Милоша, Гюнтера Грасса, Нелли Закс, Герты Мюллер.

За прошедшие годы в *Альманахе* были опубликованы произведения известных прозаиков и поэтов, например, *Фридриха Горенштейна* – выдающегося писателя XX века. Мы были его современниками, его читателями, слушателями на его чтениях в Берлине. В *Альманахе* были опубликованы и неординарные, сильные стихи тоже нашего современника – Дмитрия Бобышева – одного из четвёрки «Ахматовских сирот».

В течение многих лет *Альманах* оформляется работами малоизвестных или забытых еврейских художников. На его обложках и страницах – репродукции их рисунков, акварелей, экслибрисов. Интереснейшие историко-искусствоведческие заметки с обзором жизни и творчества этих художников включены в раздел «Публицистики».

Отличительной чертой, характерной для *Литературного Альманаха «До и После»* была и остаётся ориентация на читателя образованного и искушённого. При этом *Альманах* никогда не впадал в снобизм и, по мере возможности, придерживался старого китайского принципа: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ».

Редакционная коллегия

[7]

Д и П / 2018

Поэзия и проза

Саади Исаков

ЧЕЛОВЕК УЛЕТАЮЩИЙ

[8]

Д и П / 2018

Отец Сергей у Льва Николаевича Толстого укрощал буйную плоть и даже отрубил себе палец, чтобы не впасть в грех. Фима Фонарёв тратил всё свое время на борьбу за жизнеспособность, долговечность и живучесть собственного тела, и чуть было не выиграл у него бессмертие, но проиграл.

У Фимы разногласия с телом начались ещё с младенчества. Перед каждым днём рождения он, тогда ещё Фимочка Хмельницкий, хворал так мучительно и страдательно, что праздник вынужденно отменялся, и атмосфера в доме была такая, будто день этот грозил стать последним, а торжество с весельем, подарками, застольем и тортом плавно перелицеваться в похороны с траурными гвоздиками и задрапированным зеркалом. Каждый раз двадцать два года подряд перед 8 мая вся семья неделю ходила на цыпочках, чтобы накануне сказать с досадой:

– Ну, вот опять!

Традиция эта внезапно прекратилась, когда Фима женился на Клаве и стал Фонарёвым, взяв фамилию жены, родом из пригорода.

Следует заметить, что его исконная фамилия Хмельницкий была вовсе не от гетмана, а от одного из поселений – Хмельника, Хмелива или Хмелевки или попросту от увеселительного слова «хмель» – происходил его род из простых, едва уцелевших сородичей тех 300 000 несчастных, убиенных казаками Богдана во время знаменитейших погромов, о которых застенчиво умалчивают учебники истории.

Фима стыдился своей фамилии из-за совпадения с «прозвищем» душегуба, расстался с ней с удовольствием, сменив на рабоче-слободскую «Фонарёв», а затем променял родительскую веру на женину, нырнул с головой в Православие, обнаружив с удивлением и восхищением, что его жена Клава духом и телом состояла в полной гармонии. Впрочем, как и вся её родня, числом более ста. Они, за редким исключением, приходили в мир без осложнений, жили не сильно обременённые сомнениями и уходили из него в одночасье без скрупулёзного отношения к себе. И вера была дана им от природы, как способность дышать, неведомо как и ради чего.

Замечу, что как только он принял христианство православного тол-

ка, дела его пошли в гору, что косвенно подтверждало правильность избранного пути.

Когда мы с ним познакомились, он был не богатый, но вполне состоятельный берлинский бездельник, каких наплодила Федеральная Русь в благополучные годы восхитительных цен на углеводороды. В Берлине с той поры осело полно подобных праздношатаек. Он был из тех, кому посчастливилось по знакомству, опять же через жену Клаву и весь её род, купить акции Аэрофлота и Газпрома, параллельно с этим приватизировать пару-тройку квартир в Москве, заселить их жильцами и жить на дивиденды, не брезгуя скромным немецким пособием по безработице на том основании, что немцы русским, особенно евреям, должны по гроб жизни. Что в целом соответствует лежанию на печи – стержневой мечте русского человека, так удачно ставшей былью для некоторых счастливицков в XXI веке.

[9]

Д и П / 2018

На вид ему было лет 55-57. В его лице было много типичного, знакомого, что отличает, например, от турка или араба той же тёмной масти: инфантильные, полупечальные, однако, осмысленные и вопросительно-встревоженные глаза.

Детей к тому времени он уже пристроил. Они были взрослыми и полностью соответствовали немецкому пониманию успеха. В этом смысле они «удались». К внукам он был прохладен. «Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долготелен», – Фима исправно ходил на кладбище во все семейные и религиозные праздники. Воспитание внуков, считал он, – удел детей, ибо нигде не сказано, что надо почитать детей малых и ещё меньших. Его к ним особенно-то и не подпускали, зная его прогрессирующую рассеянность, ротозейство и безалаберность на почве витания в облаках, связанного с мыслями не от мира сего.

С женой у него были сложные отношения, потому что она наотрез отказывалась его понимать ещё с тех пор, как, став Евфимием, муж начал уклоняться от материального по той причине, что оно его смущало и мешало думать о вечном, прислушиваться к себе. Он стал к тому же стесняться своего тела и, по мнению жены, пошаливать головой.

– Слишком подробно к себе относишься, Хмельницкий, – говорила Клава, подозревая в нём рядового ипохондрика и дурака.

Как человек, действительно ограниченный умом, Фима не мог думать о квартирах, акциях, картинах, ремонте фасада дома, о собственных внуках, личном здоровье и Боге одновременно. Последние оставались, по его убеждению, в накладе, поэтому всё остальное он вывел за скобки.

Так он и жил. А жизнь у него, между тем, была вообще-то из пре-

Саади Исаков

скучнейших. Школа с математическим уклоном, ефрейтор в армии, архитектурный институт, несколько удачных коммерческих сделок, – вот, собственно, и весь реестрик. А в сухом остатке – непонимание детей, отсутствие друзей, неугомонная Клава со своими занудными и похотливыми претензиями до поры, до времени, пока не была отправлена в отставку с должности жены.

– Зачем я? – появился в итоге толстовский вопрос, мучивший Фонарёва теперь, в период рутинной праздности и неограниченной свободы, как того графа.

– Не чуди, – укрощала его Клава.

– Новый завет есть естественное продолжение Ветхого, и тот, кто этого ещё не познал, на неправильной стороне пути, – вторил Фонарёв герою Чехова из рассказа «Перекасти-поле». – Хотя есть и исключения, которые, как известно, подтверждают правило.

– Хмельницкий, лучше вынеси помойное ведро, – советовала Клавдия, упорно игнорируя новую фамилию мужа и называя его на старый лад.

Однако с тех пор, как Фима выкрестился, у него возникла проблема особого рода. Он стал относиться к своему телу как к взятому напрокат. Будто он его одолжил, как лыжные ботинки у подножия пологого склона горы Винтерберг, где новичком осваивал модный спорт, прежде чем отправиться в Альпы: жмут, натирают, давят на нежные пятки. И дорого заплатил, и вернуть надо, а издержек жаль.

Словом, неудобное, неуютное, будто не своё попало ему тело.

Фима, между тем, не абы как, а очень внимательно и заботливо относился к нему, прислушивался к каждой прихоти, к любому позыву, всячески холил, обихаживал, улаживал, ходил, как за почтенным родственником, кругом поощрял и лелеял, как капризного ребенка, но не единокровного, а как взятого на воспитание или у родственников взаймы, то есть баловал с повышенным усердием и чуть ли не показательной любовью, не путать с показной.

Тело отвечало ему последовательной враждебностью. И что бы он ни делал, ничего толком не помогало. Тело вело себя как неприятельский диверсант: то чихнет в постели в неподходящий момент соития с женой, точно у него аллергия на супружество, то не даст внимательно слушать оперу Набуко, надоедливо сопровождая арию урчанием нутра так громко, что конкурирует с хором и стыдно перед соседями в третьем ряду партера, а иной раз разразится отрывком при быстрой ходьбе или издаст предательский, неудержимый прусский звук с ароматом преисподней, так что приходится оглядываться, не опозорился ли перед кем и не обидел ли кого невзначай.

Фима по-всякому пытался обуздать тело утренней гимнастикой,

разнообразными упражнениями средь бела дня, в спортзале на снарядах, подтягиванием на турнике во дворе, спортивной ходьбой, наконец, штангой. Но если ему удавалось путём интенсивных движений и активного образа жизни наладить пищеварение и сон, то начинали страдать колени, попеременно правая или левая икры ног, или хватало поясницу, а однажды он порвал мениск, неудачно сыграв по мячу не разогретой ногой – тело неукоснительно гнуло свою лживую линию на членовредительство, саботаж и отказ.

Он регулярно ходил в церковь, преодолевая брезгливость, прикладывался к иконам и мощам, постился не без фанатизма, поздравлял всех друзей и родственников с обеих сторон с церковными праздниками, кланялся батюшке и целовал тому ручку.

Не помогало.

Ради организма Фима бросил курить, а затем и пить, что раньше продуктивно расслабляло душу и концентрировало мыслительный процесс. Но неблагодарное тело всё это игнорировало, точнее сказать, отойдя от первого, позитивного шока, ответило изошрённой гадостью, подвохом, запоздалым кашлем курильщика и вдобавок увеличением печени до размера, как у орангутанга-самца.

Перечислять все промахи, проделки и злодейства тела на жизненном пути Фимы Фонарёва нет резона и времени, но вот только главные из них: коклюш, ветрянка, камни в почках, лысина, несварение желудка, метеоризмы, всегда неожиданные и не к месту, понос, ишиас – прострел в пояснице, люмбаго – в народе радикулит, перхоть на нервной почве, от которой не спасала вода Мертвого моря, кариес и, наконец, инфаркт – вот неполный, как говорили в старину, «скорбный лист» с перспективой логического трагифинала.

При этом доктора не только не лечили внутренности, а лишь усугубляли болезнь, будто были с ней в сговоре и заодно. Например, во время лечения почечной колики Фима чуть было не загремел на тот свет: в мочеточнике позабыли катетер – Фонарёв месяц ходил с инородным предметом внутри и делал через него наружу. Труба стала причиной нагноения и сепсиса.

– Ach du meine Gütte! – что приблизительно можно перевести, как что-то между «Ах, Боже мой» и «Ни фиги себе» с уклоном в матерщину, закричал лечащий профессор и вкатил лошадиную дозу антибиотиков три раза в день. Фима опух всем телом, будто неделю дрейфовал в тинистом пруду. Его отправили на гемодиализ, а отец Иракий по фамилии Пельмень-Содомский, по прозвищу Неистовый, призванный Клавой на финальное исповедание, пригласил гостившего у него в поповском доме экстрасенса Чумака, с которым украдкой водил дружбу.

Чудо случилось на следующий день, но никто не понял, что явилось причиной, живительный гемодиализ или целительное молчание Чумака. Но перед тем, как Фима выкарабкался, его заставили подписать бумагу, что у него нет претензий к клинике на случай осложнений и вообще.

После этого казуса Фонарёв вдруг осознал себя депутатом от Господа Бога на Земле, уже пророчил себе участь необыкновенную и стал в этом деле бойким до бессилия, деятельным до печали. Однако, тело с тех пор повадилось с ним разговаривать и исключительно вслух.

– Ну что, Хмельницкий, теперь тебе понятно, кто из нас главный? – спросило Тело.

Фима испугался и ничего не ответил. Не хватало ещё раздвоения личности, то есть явного признака психического отклонения в сторону болезни душевных недр.

Понятное дело, почему Фонарёв полностью отказался от докторов, перейдя на самолечение здоровым образом жизни, свежим воздухом и святым духом, то есть молитвой, под руководством духовника, отца Ираклия Пельмень-Содомского, окрестившего его повторно, как только Фима поведал ему о своих злключениях и беседах с Телом, заподозрив в первых крестинах халтуру и лукавство.

С тех пор Фонарёв, случайно оказавшись в живых, будто вновь обрёл потаённый смысл существования – он увлёкся активным поиском веры, помноженной на любовь, в чём его с удвоенной надеждой наставлял отец Иракий, тоже относительно недавно новообращённый в Православие из атеизма, дарвинизма, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, но уже с закалкой духовного просвещения поповской выделки и церковного литья.

Но Тело, несмотря на поиски здорового духа, только и делало, что вставляло грабли в колеса. Иной раз придёт Фонарёву в голову светлая мысль о том, как правильно наладить жизнь, свою, окружающих его близких и всего мира на базе всеобщей веры, любви и как начать оказывать влияние на счастье всех людей без разбору, или заострится на мысли «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», особливо делая акцент на слове «Ибо», как вдруг Тело позовёт его спазмом желудка затвориться в уединении и призовет к себе пристальное внимание, устроив панику изнутри. В другой раз заточится Фонарёв на «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», как Тело потребует скорейшей помощи в виде клизмы или таблетки от изжоги, а то и от тошноты. Глядь, и мысль вместе с желанием улучшить и совершенствовать ушла, сбита с толку, а вместо высокого приходится концентрироваться на низком, похабном и пошлом.

Чтобы Тело не мешало Фиме в его благородном деле поиска веры с надеждой на любовь, он еще больше за ним следил, всячески потакал и ублажал. Он выбрал для него дорогостоящее здоровое питание, частично компенсировав расходы примерным образом жизни, из дома без шапки не выходил, будто жил в старину, но не из учтивости, а ради тепла, ввёл в семье необременительный секс, если и вообще. Поскольку у Клавы закончился репродуктивный цикл и соитие превратилось в бессмысленную, пустую забаву, то есть грех. Против этого Фонарёв пошёл на дальнейшую жертву и переехал от жены в отдельную квартиру, предварительно распродав недвижимое и частично движимое имущество под неодобрительное ворчание Клавы, женщины мещанского мировоззрения с уклоном в гламур, провинциального поведения, сложившегося под влиянием нравов пролетарской слободы, с примитивными до вульгарности представлениями о плоти и любви.

– Ну что, Хмельницкий, пытаешься обуздать меня здоровьем духа? – ядовито просипело Тело, – ну-ну.

Мы познакомились с ним в тот день, когда он появился в нашем доме на Цилерштрассе, как раз в самый разгар, как он признался, процесса укрощения Тела через гигиену духа.

Любопытно, что во время переезда, неизвестно каким Макаром, почти новый холодильник, доставшийся Фиме при черновом разделе семейного имущества, остался у жены. Спихнулся Фонарёв только, когда всё выгрузили: стиральная машина, кофеварка, все прочие бытовые приборы, диваны, кресло, кровать есть, а холодильника нет.

В течение первого месяца Фима всё собирался купить холодильник – прежний жена с помощью знакомого, подозрительно нарисовавшегося у неё на кухне в тот же день, выставила на помойку, – собирался, потому что не представлял себе, как можно прожить без него, но было недосуг – хватало других забот.

За это время Фонарёв исследовал окрестности, и оказалось, что вокруг, в шаговой досягаемости находятся восемь супермаркетов, три турецкие лавки, один магазин по продаже успокоительных и горячительных напитков, бесчисленное количество булочных, кафе, ресторанов и прочих забегаловок.

– Так прожил я месяц, – сказал Фима, качнул указательным пальцем правой руки и продолжил:

– И вот я перестал таскать набитые едой сумки.

– И вот я перестал делать закупки впрок.

– И тогда я перестал закупать дёшево и в большом количестве, что как правило заполняет холодильник, а затем дружно, с досады летит в помойку.

– И тогда я перестал сомневаться, есть ли мне колбасу, обветренную и свернувшуюся в поросячьи уши, так или пожарить с яйцом.

– И тогда я перестал тратить время на разглядывание срока годности на йогуртах и размышлять о том, выбросить их сейчас или подождать до следующего приступа беззаботной щедрости.

– Я говорю вам, я стал питаться только самыми свежими продуктам и научился покупать ровно на одну трапезу, чтобы не оставалось на потом.

– И тогда я перестал есть на ночь, потому что для этого надо снова идти за хлебом насущным.

– И тогда я перестал вставать ночью и ходить по дому в трусах.

– И вот я перестал ночью вообще вставать.

– И я говорю вам, в конце второго месяца я прекратил рыскать от скуки по дому в поисках еды, поборов грех чревоугодия.

– Я был счастлив.

– И, наконец, я стал замечать, что худею. Я говорю истину вам: я похудел на 20 килограммов и накрепко зафиксировался в этом весе, без диеты, медикаментов, пищевых добавок, прочего насилия и вреда для опекаемого заботой организма, из чего сделал вывод, что в идеальном обществе самая бессмысленная и вредная вещь – это холодильник, впрочем, как и жена, если она не сподвижник добрых дел.

– Ай да молодца, – похвалило его Тело, – отрицая холодильник, ты совершил великое дело для рода человеческого со времён монадологии Лейбница, теории Канта или даже начала употребления говядины в щак. Не зря, получается, ты проживаешь жизнь.

Но по-настоящему задобрить достигнутым неблагодарное Тело всё равно не удалось. Оно лукаво восприняло достижение Фонарёва как отощание и нарочито обременило Фиму одышкой. Несмотря на облегчённый вес, Фонарёв стал с трудом подниматься на свой четвёртый этаж и везде теперь пользовался лифтом, чего никогда не случалось с ним раньше. Из человека прямоходящего и бегающего за здоровьем по утрам, он превратился в сгорбленного, еле переставляющего ноги субъекта, а Тело всё больше отрицало ухаживание за собой, игнорировало заботу, капризничало, точно пожилая девственница, мстило, как уволенная жена, и подмигивало прогрессирующей дистрофией, как шлюха.

Теперь стало вообще непредсказуемым, с какого бока подберётся зараза и хворь. В результате похудения у Фимы параллельно ко всему образовался флюс и сами собой удалились четыре зуба, два из которых – передние. Фонарёв увидел в этом прямую зависимость от смены веса, неделю вообще не выходил из дома и страдал. В отчаянии смотрел на себя в зеркало, угадывая в нём угасающего старичка, и чуть

было не поставил на себе могильный плюс, пока Боря Штиглиц чуть ли не насильственным путем затащил в зубной кабинет и не вставил временный протез из пластмассы и поправил прерванную улыбку.

Смена веса буквально породила смену вех. Фима придумал ещё старательнее воздействовать на Тело посредством гигиены души. Но Тело при этом настырно отвлекало Фонарёва от главного, приземляло и не давало думать о вечном. Признаться, Оно оставалось последним оплотом мирского на его пути к совершенству и собственному идеалу. Так, по крайней мере, думал Фима.

В левом кармане у него всегда была с собой записочка с заповедями, основательная, как конспект основоположников, которым он, как всякий адепт, пользовался как руководством к действию и аккуратно ставил галочку на полях.

«Я есть Господь Бог твой, и нет других богов, кроме Меня», – было написано на листочке в клетку под цифрой один и первой строкой. Заповедь была усвоена и превратилась в истину в голове Фимы. По этому случаю рядом уже стояла галочка.

«Не сотвори себе кумира и никакого изображения; не поклоняйся им и не служи им», – было написано второй строкой, и рядом та же пометка.

«Не поминай имени Господа Бога твоего всуе», – и тут была поставлена птичка.

«Шесть дней работай и делай всякие дела свои, а седьмой – суббота – есть день отдохновения, который посвяти Господу Богу твоему», – здесь Фонарёв допустил вольность под влиянием отца Ираклия, зачеркнул субботу и сверху коряво написал «воскресенье», однако птичку на полях поставил.

«Не убий», – это, как раз, оказалось самым простым к исполнению, даже в период воинствующего атеизма. Фонарёва однажды чуть было не отправили в Афганистан воевать, чтоб землю афганцев афганцам отдать. Но Тело накануне заболело желтухой, бойца буквально сняли с поезда и оставили в подмосковном гарнизоне до конца службы. Так что не пришлось убивать и каяться. Тут его Тело даже определённо помогло, кажется, в первый и последний раз.

«Не прелюбодействуй», – с этим он благополучно расплевался ещё в молодости, опытным путём поняв, как Лев Николаевич Толстой, что адюльтер в корне не решает проблему, а только создаёт дополнительные трудности и головную боль.

«Не укради», – вообще в случае с Фимой было ни о чём, потому что для этого тоже надо приложить непосильное умственное усилие, чтобы оказаться в том месте, где имеет смысл красть.

«Не лжесвидетельствуй», – от этого Фонарёв всегда с успехом уклонялся, в случае замеченного происшествия переходил на «обратную сторону Луны» и удалялся бочком-бочком.

«Не пожелай ничего чужого», – тут следует вспомнить, что он добровольно расстался со своим, потому что считал, что нет ничего глупее, чем умереть богатым бобылём или оставить после себя в наследство коробку с энергосберегающими электрическими лампочками, купленными по случаю на распродаже.

Когда были окончательно поставлены все галочки по первым десяти пунктам, удручённый духовным прозябанием Фонарёв побрёл к отцу Ираклию, чтобы тот переключил и наставил на следующие деяния, более актуальные по времени и духовному настрою.

Батюшка в тот момент взбирался на недостроенную колокольню посмотреть, не заделали ли дырку в полу, сквозь которую поднимали новенький колокол. Дырку, понятное дело, не заделали, а только прикрыли двумя широкими досками. Фонарёв встал на одну из них, ему не терпелось первым раскатать пестик колокола и услышать сакральный звон.

Он потянулся за веревкой, доска прогнулась на бок, Фима потерял равновесие, проскользнул под колокол между двумя настилами и шлёпнулся этажом ниже. Он приземлился сперва ступнями, потом упал на колени, затем на живот, грудь и ударился головой о пол. От удара вылетели вставные зубы. Только случилось это мгновенно, хотя и последовательно. Колокол отозвался звуком, будто шаром сбили кегли.

– Ну вот, что ты полез? – спросило Тело.

Фонарёв только простонал в ответ.

– Думаешь, Хмельницкий, что всё ещё бойкий и проворный? Вот неугомонный попался народец, – сказала Тело о Фиме во множественном числе с пресловутым душком, напомнив разжалованную жену.

Ехать в больницу Фонарёв категорически отказался. Скорая доставила его домой. Он еле вскарабкался на свой четвёртый этаж и с тех пор лежал в постели, изнемогая духом и сдаваясь Телом, то есть страдал не понятно чем, но всем сразу.

Он едва держал перед собой второй список, стойко преодолевая муку и угасая на глазах, ставил после каждого пункта карандашом последние галочки. Пометка на сей раз означала, что он проникся глубиной познания и понял фундаментальный смысл бытия, предчувствуя неизбежное «пора».

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Фонарёв, дойдя до последних слов, так обрадовался и развеселился, предвкушая великую награду на небесах, что напрочь потерял связь со временем и пространством, взлетел над собой, возвысился и застыл над неподвижным Телом, как взмывает человек в состоянии восторга, или испытывая катарсис, взглянул осуждающе вниз, как на предателя и саботажника, всячески замедлявшего ему процесс поиска веры в надежде на любовь, презрительно сплюнул и полетел туда, где ему ничто не могло помешать свободно думать о заветном, сокровенном и высоком, без насилия над Телом и собой.

Он без страха отправился в небытие, где уже скопилось внушительное большинство человечества и откуда ещё никто не вернулся, предположительно потому, что там намного лучше, чем здесь.

– Нет! – крикнуло Тело. – Хмельницкий, на место!

– Надоело Ты мне, – заорал Фима в ответ.

– Быстро, назад! Рано тебе еще.

– А по мне так в самый раз, – огрызнулся Фима, однако слегка качнулся влево, обернулся, точно в раздумии, потом молча, совсем послушно вернулся к Телу.

– Дружище, покорность не есть кротость, а кротость не есть смирение, – совсем незлобиво, по-отечески сказало ему Тело, – а пока не поймёшь разницу, страдай. Живи и терпи, – и затащило несчастного Фонарёва назад и добавило, – покамест.

– И долго мне предстоит дальше мучиться? – спросил Фима.

Тело в ответ ност, но молчит.

ВАНЯ И ВИЛЬЯМ

В одной берлинской пивной, где пиво было по рупь девяносто за пол литра, а не по три пятьдесят, как везде, сидели утром два товарища Ваня и Вильям. Ваня, коротко стриженный брюнет с перебитым боксёрским носом, был лет на двадцать моложе, попроще и вдохновенно слушал друга, но и свою масть держал. Вид у них был таков, будто они не выходили отсюда уже неделю, даром что оба были БОССы, то есть лица Без Определенных Социальных Связей, соответственно, и обязанностей.

Оба однажды покинули свои семьи, уехав в Европу на заработки по строительному ремеслу, некоторое время исправно посылали домой содержание, потом им это дело надоело и они как-то растворились среди местного населения, у которого не принято содержать родню. В этом смысле они стали вполне европейцами.

В пивной они сидят не каждый день, а только в начале месяца, когда у них совпадают получка пособия и доход от социального жилья, которое они хитро сдают студентам, каждый по комнате в своей квартире.

В другое время, когда деньги уже на исходе, они пьют и похмеляются на лавочке невдалеке от Южного вокзала. Там к ним присоединяется бывший айтишник из Литвы по имени Вилкас, то есть по-нашему Волк, но по прозвищу Зайкис. Собственно, ради него они оба туда ходят. Послушать его занятную полурусскую речь, как ходят дети в зоопарк, посмотреть на обезьян, вроде как похожих на людей, только без штанов.

В остальном они выглядят вполне цивилизовано, одеты не в новое, однако, чистое. Вильям в пиджаке, с двумя рядами орденских планок невинного происхождения, как у современного казачества за показательный внешний вид, и листает газету «Курьер», свободно лежащую в каждой забегаловке.

Ваня сонливо смотрит на прохожих в окно, цепляясь глазами за иностранцев и мужчин, более похожих на женщин, только без грудей, мысленно сокрушаясь по поводу того, сколько и тех, и других развелось на его скромную, беззащитную душу населения, и тоскует, будто с похмелья.

Освоив газету в целом, Вильям затевает разговор, разбирая её по частям.

– Ваня? – обращается с вопросом Вильям.

– Иван, – перебивает его Ваня.

– Вот спрашивается, Иван, почему такая несправедливость получается. Вот в Гамбурге левые устроили наемни форменный дебош. Побили почти 500 полицейских, витрины из стекла, а от Путина ни слуху, ни духу.

– А что от него надо-то? – удивился Ваня.

– Озабоченность нужна, глубоко выраженное сожаление, что жестоко обошлись с прогрессивной, лево настроенной молодежью. Разгоняли, между прочим, водомётами и дубинками. Есть раненые.

– Я бы их газом гонял, не погнушался, – ответил Ваня.

– И это было. Или, хотя бы, Дума приняла резолюцию, как твой Конгресс.

– Не твой, а Ваш.

- Ваш Конгресс.
- Резолюцию о чём?
- В защиту свобод и демократии.
- Так ведь они же машины жгли, в полицейских коктейли Молотова и петарды метали.
- Этого делать нельзя. Это демократии во вред. А в России можно?
- В России можно. Там автократический режим и любые беспорядки демократии на пользу и в зачёт.
- Я тебе, как бывший милиционер, скажу – это всё неправильно.
- Вам, – поправил его Ваня.
- Вам скажу.
- А вы что, бывший милиционер? – спрашивает Ваня, за долгие годы знакомства услышав эту подробность биографии товарища впервые.
- Да, два года после армии был милиционером. В 1980 году, как раз в Олимпиаду. Так вот, нам такого с народом делать не позволяли. Учили обходительности, культуре и английскому языку. А чтобы руки распускать – ни боже мой – а только «плиз».
- Ваня надолго усталился на Вильяма, выпучив в недоумении глаза. Наступила пауза. Вильям перевернул страницу газеты. Просмотрел дружную статью и говорит.
- А вот это совсем никуда не годится!
- Что опять?
- Беженцы.
- Как наш литовец?
- Какой он, к черту, беженец? Он наш несчастный сосед по Евросоюзу. Заблудился, бедолага, поди.
- А вид как у беженца.
- Побреется – пройдет.
- Ну что там еще? – не терпится Ване узнать новость.
- Закрыли их мечеть, а здание конфисковали в пользу государства.
- Правильно сделали.
- Нет, не правильно. Не надо было вообще открывать. Я, когда работал инструктором в райкоме партии – вёл активную атеистическую пропаганду среди населения. Вот чем надо было заниматься в первую очередь.
- Тогда бы нечего было отбирать. Какой-никакой навар.
- Партия, между прочим, знала, что делала.
- Не знал, что вы по партийной линии проходили.
- Придём домой, я тебе партбилет покажу и грамоты от райкома и обкома на фамилию Никонов.

– Вам, Вильям, покажу, Вам! – Ваня от всех неукоснительно добивался, чтобы его называли на Вы. Он считал, что если сам не может Вильяма из уважения к разнице лет называть на ты, то и тот должен соблюдать паритет.

– Вам! У меня тогда была другая фамилия. Это я теперь по жене Розентропп.

– Так вы же Мюллер.

– Это я по третьей жене Мюллер, но разведён.

– А по паспорту Вы вообще Вильям Шалопаев.

– Это не мой паспорт, а друга. Я у него на время взял.

– С Вашей-то фотографией?

– А что, взял да аккуратно переклеил. Разве с фамилией Мюллер русскому человеку можно жить?

– А с фамилией Шалопаев?

– Конечно. Немцы же не понимают.

Вильям перевернул последнюю страницу газеты.

– А можно мне посмотреть? – спросил Ваня и протянул руку.

– А что тут смотреть, я её уже всю тебе прочитал.

– Вам.

– Что там еще читать? Одно баловство.

– Но все же, – сказал Ваня, отобрал газету у Вильяма, стал перелистывать и просматривать заново, однако с конца.

– Ну, что там, что там ещё, чего я не видел? – нетерпеливо ёрзал на стуле Вильям.

– Да вот тут пишут про рейки.

– Реклама – это всё, чепуха. Не читай, я тебе всё сам расскажу. У меня двойной диплом по рейки. Два года сам преподавал. Чёрный пояс заслуженно ношу, – он задрал рубашку и показал чёрный ремень для поддержания штанов.

– А что сейчас не преподаёте?

– А ерунда всё это. Я тебе как дипломированный врач говорю.

– Какой врач?

– У меня три диплома: терапевт, хирург и ухо-горло-нос.

– Я бы в гинекологи пошёл, – мечтательно произнес Ваня. – Да кто меня без образования возьмет?

– Я в войну роды принимать могу. У меня справка есть о курсах повышения квалификации.

– Какой вы занимательный человек.

– Да, я ещё исторический факультет закончил МГУ.

– Как же вы всё успели?

– Успел. Мог бы и больше. Жизнь только коротка, на всё не хватает.

Сколько на себя смог взять, столько и переделал, а больше уже не могу. Старший сын как ты, средний как пол тебя, а младшей вообще 5 лет.

– И где она?

– У матери, конечно. Эмансипация, мой юный друг.

– Вот мне бы такую жизнь, – мечтательно произнес Ваня, и снова уставился на прохожих, присматриваясь к женскому полу, однако проходили мимо женщины, более похожие на мужчин, только с грудями. Как тут опять не затоскуешь.

[21]

Но всё равно утро получилось удачным, вроде отечественной политинформации советского образца, только не на сухую, а под пиво. Она плавно перешла в дневное политпросвещение под пиво и вдогонку по маленькой, а затем под одну только водку в лёгкие вечерние дебаты, такие же пустые, как умствования о философском смысле проливного дождя или о значении города Чебоксары в мировой истории.

Так изо дня в день проводят время в пивной или на лавочке берлинские БОССы российского происхождения, значительно более высокая каста, чем московские БОМЖи. В этом смысле карьера Вани и Вильяма за границей примечательна и совершенно удалась. А главное, ничего особенного для этого делать не пришлось, только однажды удачно поменять место жительства-вульгарис на правильную и, в некотором смысле, экономически незаурядную страну.

Берлин. Июль 2017

Валерий Матэцкий

ВИРТУАЛЬНЫЙ ДУРМАН

[22]

*«...И по первому взмаху ресниц
догадался, что это она. Нежданная.*

Долгожданная...»

Альбер Коэн.

Д и П / 2018

Часть 1

Велимир только что устроился в постели с книгой в руках, как вдруг, белый потолок его спальни поплыл морской рябью, переливающейся в косых лучах солнца жидкими, зелёно-голубыми алмазами и эту волнующуюся над ним поверхность пересекало грациозным кролем соблазнительное, обнажённое женское тело... Сердце Велимира подскочило и закачалось, как седло галопирующей лошади... Внезапно, одним изящным движением руки, женщина располосовала меридиан своего тела от промежности до яремной ямочки, и её формы распахнулись двумя огромными лепестками королевской орхидеи, а морская глубина в мгновение ока окрасилась пурпурными клубами так, будто море вспороли лучи исчезающего закатного солнца. Заворожённо наблюдая за феерическим действием, Велимир вдруг с ужасом осознал, что женщина медленно тонет в пурпуре своей любви. В тот же момент он оказался рядом с ней и, ухватив за обе руки, плавно вынес её на поверхность. Он узнал её с первого взгляда! Это была ОНА, его новая знакомая из Фейсбука.

Обычный человек, пережив такую фантазмагорию, был бы напуган или, по крайней мере, ничего бы не понял. Но для Велимира, урождённого визионера и мистика, всё было ясно, как «дважды два»: «Она влюблена в меня, не меньше, чем я в неё и, если я не поддерживаю её чувства, она может погибнуть».

А как странно всё начиналось... Анни возникла на странице Велимира из ниоткуда, решив дополнить его коммент к одному мультфильму, так как именно она запустила этот задорный мультик в Фейсбук, который и стал, таким образом, их невольной электронной свахой. Но даже после этого всё могло бы остаться без последствий, но... Велимира окол-

Поэзия и проза

довало лицо, светившееся в маленьком, сером квадратике аватарки. Вмиг и сразу обмякла его душа, ослабли колени... Это было лицо, о котором Велимир мечтал всю свою жизнь. Нежданное... Долгожданное. Задержав дыхание, кликнул он на аватарку, увеличил портрет, убедился – НЕ ПОКАЗАЛОСЬ! Красивое, почти ангельское, с монализзовской загадочной улыбкой... Обалдел! Полез к другим фотографиям – захотелось увидеть хозяйку с разных сторон. Не повезло: снимков почти нет, но, зато на одном... Анни – в пуантах, в балетном шпагате. Велимир с детства был заворожён балетом, и вдруг, – «живая» балерина. Вся его мистико-романтическая суть вздыбилась намагниченными опилками и вытянулась в сторону мощного ПОЛЮСА ШАРМА Анни. Он почувствовал себя одним из тех офицеров, из мультфильма Анни, которые строем, топорщась причинным местом, как загипнотизированные, идут на симпатичную мороженщицу.

За пару недель до того, как судьба занесла Велимира на Анни (или Анни на Велимира), один из интернетных оракулов сделал ему предсказание: *«Скоро ты встретишь свою Самую Большую Любовь и никогда больше не будешь беспокоиться об отношениях. Вы вместе пойдёте в будущее и вместе состаритесь, рука в руке, вопреки всем жизненным трудностям».*

Тогда он только и подумал, что это было бы весьма кстати, так как он устал уже разочаровываться в своих подругах и сразу же забыл об этом предсказании. Теперь же, пока он привыкал к ошеломительному открытию АННИ как балетного экстаза и женщины своей мечты, сторонний голос, вдруг, произнёс внутри него: «АННИ – ТВОЯ СУДЬБА!» Сразу в памяти всплыло эзотерическое предсказание, но, криво усмехнувшись, Велимир отмахнулся от бредовых мыслей: «Мы ведь В РАЗНЫХ СТРАНАХ, НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ, и я – не мульти-билли-милли-евро-онёр. Не фантазируй! – сказал он, себе. – Именно с ней, ЭТО НЕРЕАЛЬНО!»

А потом начались диалоги, контакты... И каждый раз Анни заботилась о новых, приятных открытиях-совпадениях: Черубина де Габриак, Цветаева, Бродский... Для Велимира было очевидно, что он встретил женщину, вкусы и потребности которой настолько полно совпадают с его собственными, как никогда ещё они не совпадали ни с кем другим. «Мы могли бы стать творческими единомышленниками, – думал Велимир. – Но вместо этого, Анни стала моим виртуальным наркотиком». Ещё никогда и никого он не любил так отчаянно и фантазмагорично. С трудом отвалившись от Фейсбука глубокой ночью, он засыпал с её образом в голове, и просыпался с одной мыслью: «Как там Анни?» И из постели сразу снова прыгал за компьютер: забрасывал её комплимен-

тами; «облизывал» почти каждый её коммент; восхищался её мыслями, красотой. Уже называл её своей Скрипкой и своей «Маргаритой». «Взахлёб» и «брызгая чернилами», сутки напролёт писал стихи: ей, о ней, для неё. В общем, через неделю бурного знакомства, Велимир не сомневался: наконец-то, он встретил, так называемую, «вторую половину» своей души. Но при этом, он всё же, периодически и всячески пытался себя притормозить: «Не увлекайся!» – мысленно убеждал себя и Анни:

*Нас разделяют Векá и Векá
Нас разделяют Европы границы
Шелест страницы,
Денницы рука...
Вы – виртуального США героиня,
Я в нём –
НЕМАЯ
ночная
река.*

Пытался натягивать вожжи своих эмоций, меньше говорить комплиментов, не показывать своих чувств... Понимал: реальных шансов – никаких. Настоящие отношения – не-воз-мож-ны!

«Не вводи женщину в заблуждение! – убеждал он, себя. – Зачем бессмысленно рвать друг другу струны? Это не кончится добром!»

А Анни всё это время ждала от него прямо противоположного: когда же от комплиментов он перейдёт к поступкам. И вот, случилось. Однажды, когда он спросил, отчего в её глазах на новых фото так много печали, Анни прислала ему из Зинаиды Гиппиус:

*Ищу напевных шёпотов / В несвязном шуме, / Ловлю живые шорохи /
В ненужной шутке.*

*Закидываю неводы / В озёра грусти, / Иду к последней нежности /
Сквозь пыль и грубость.*

*Ищу росинки искристых / В садах неправды, / Храню их в чаше истины,
/ Беру из праха.*

*Хочу коснуться смелого / Чрез горечь жизни. / Хочу прорезать смерт-
ное / И знать, что жив – я.*

*Меж цепкого и лепкого / Скользнуть бы с чашей. / По самой тёмной
лестнице / Дойти до счастья.*

Для него стало очевидно – Анни теряет терпение. Он не оправдывает её ожиданий. С одной стороны, Велимир наслаждался этим красивым

виртуальным романом, но с другой, периодически обмирал от страха, потому что лучше всех понимал, насколько хрупка и тонка связующая их нить, и сознательно оттягивал момент рокового объяснения, так как однозначно был уверен: это станет концом их знакомства.

И однажды, Анни перепóстила такой текст: «У настоящего мужчины должен быть автомобиль из Германии, часы из Швейцарии, парфюм из Франции и жена... из *Днепропетровской области*».

«Это намёк, – подумал Велимир. – Значит, момент настал! Что ж, если нельзя иначе...»

«Дорогая Анни, – написал Велимир ей в ответ. – Как мне оправдать Ваши ожидания, если у меня нет ничего для того, чтобы сделать Вас счастливой? Живу я в однокомнатной квартире с велосипедом, вместо автомобиля. «Финансы мои поют романсы». Ну и, наконец, мне – восемьдесят, Вам – тридцать. Стало быть, по Вашим меркам, я должен быть совсем не тем типом, который заслуживает Вашего внимания, и потому, на столичных невест «губы мне раскатывать» не положено. – Итак, самое страшное прозвучало. – И, если за ЛЮБОВЬ можно казнить – казните! Если за жизненные обстоятельства можно презирать – презирайте! А если, после этого, Вы, вообще, меня знать не захотите – нажмите одну крохотную кнопочку в Фейсбуке и я исчезну из Вашей жизни, как сон. А от меня, счастья Вам, большого и светлого. И низкий, низкий поклон за виртуальный дурман!»

[25]

Д и П / 2018

Часть 2

Визжали волынки, звенели тамбурины, и всё перекрывал рёв иерихонских труб. Огромный небосвод полыхал малиново-розовыми стягами. По узкой спине горизонта гарцевал роскошный белый конь, на котором величаво и гордо, мерно покачиваясь в седле, сидела невеста в серебристой короне и белоснежном платье, шлейф от которого спускался по конской спине и хвосту до самой травы и долго ещё тянулся следом. Справа от невесты, касаясь левой рукой её колена, шагал рыцарь в серебряных латах. На сгибе правой руки он нёс шлем с пышным плюмажем из белых страусиных перьев. Ноздри приятно щекотал запах дыма от можжевёловых костров, зажжённых вдоль следования свадебного кортёжа.

Счастливо возбуждённый Велимир вскочил с постели, сразу потянувшись к соннику: невестой во сне была Анни, рыцарем – он сам. Ни секунды не сомневаясь, что этот сон «в руку», он жаждал найти подтверждение тому в книге. Однако, ответ сонника шокировал: виденное

Валерий Магэцкий

во сне следовало понимать прямо наоборот – СВАДЬБЕ НЕ БЫВАТЬ! НИ-КОГ-ДА! Не желая верить собственным глазам, Велимир метнулся к компу, надеясь найти хоть какое-нибудь облегчение на сайте Анни. К своему удивлению: в ленте новостей никакой информации от Анни не было вообще, при том, что её постам была дарована привилегия первенства. Начиная подозревать худшее, он кликнул на символ Аннинного сайта. Вместо ожидаемой аватарки с лицом горячо любимой, Фейсбук скупно выдал: «К сожалению, этот контент сейчас недоступен».

«Так вот, каков твой ответ на моё признание! – Подумал Велимир, убито сжимая голову руками, и тупо уставившись в пространство... – Значит, ты стёрла меня из числа ФБ-друзей... Единственный контакт утрачен навсегда!»

Велимир боролся с болью потрясения от разочарования и потери всеми доступными способами. Писал десятками горькие, отчаянные стихи. Периодически впадал то в обожание, то в ненависть или тоску. Сжёл написанный им самим портрет Анни, которым прежде так восторженно любовался перед каждым отходом ко сну. Но боль была неистребима. Сердце продолжало «голосить», захлёбываясь отравленной кровью. Он не мог и предположить, что всего лишь за год виртуального знакомства Анни настолько глубоко вошла в его кровь и плоть. За первые три месяца после разрыва Велимир похудел на двадцать килограмм. Врачи беспомощно разводили руками. Только и смогли констатировать, что красные кровяные тельца в крови Велимира уменьшились в размере в два раза. Велимир зримо слабел и таял. Наконец, определился диагноз: «Эмоциональный завал». Как ни странно, именно это и успокоило. Услышав диагноз, он перестал терять энергетику и силы...

Прошёл ещё один год. К чести Велимира нужно заметить – выглядел он всегда значительно моложе своих лет, так как никогда не курил и активно занимался фитнесом. По его высокой, пропорционально развитой фигуре и ухоженному харизматичному лицу с глубокой ямочкой на подбородке невозможно было догадаться о его пенсионном статусе. В общем, это был, как раз, тот мужской тип, который зажигает большинство женских сердец.

Однажды, на одном из вернисажей, он обратил внимание на грациозную, высокую девушку, почти девочку, с симпатичным лицом, сияющим такой свежестью, какой можно сиять только в юности. Держалась она суверенно и неприступно. Казалось, любое резкое движение в её сторону способно спугнуть её, как горную серну.

«Ещё моложе, чем Анни, – машинально отметил он. – Следующей мыслью было – Здесь, никаких шансов! Можно даже и не пытаться». Однако, когда девушка случайно оказалась рядом с ним, и он, вопреки

собственной установке, спросил её имя, она охотно ответила: – Лани. «Ну надо же, и в самом деле – воплощённая лань!» Во время второй встречи, на очередной культурной тусовке, Велимир не удержался и, по своей богомной привычке, слегка приобняв Лани за плечи, осторожно коснулся её щеки, своей. Но и здесь, она его не отвергла и даже, с этих пор, при каждой новой встрече, завидев Велимира, Лани уже сама вскидывала обе руки в приветственном жесте. Сердце Велимира поневоле утопало в волнах обаяния, которое излучала чарующая молодость Лани. Веря и не веря своей удаче, Велимир, незаметно для самого себя, отдавался течению нового волнения. И этот «морской прибой» стал постепенно укачивать боль от фейсбукской катастрофы. Ну, а заметив целительность этого знакомства, он и вовсе перестал противиться убаюкивающим фантазиям о будущем. И однажды, решив, что хватит полагаться на случай, Велимир настроился на то, чтобы «взять судьбу в свои руки», то есть, пригласить Лани на свидание. На следующее утро, когда, в гламурном настроении, Велимир, уже в который раз, мысленно репетировал то, что собирался сказать Лани при встрече, зазвонил телефон. С досадой на невольную помеху, Велимир взял трубку.

– Велимир, Вы не могли бы встретить меня в аэропорту? – Услышал он очаровательный голос Анни...

Визио́нёр – человек, испытывающий галлюцинации, видения; человек с богатым творческим воображением; ясновидящий, прорицатель.

Ми́стик – (греч. – «скрытый», «тайный») человек, верящий в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться.

Мульти-би́лли-ми́лли-э́вро-о́нёр – неологизм.

Контéнт – информационное содержание сайта.

НА ВАШ ВИСОК*И. В.*

Умоюсь грустью
Проведу
Черту
Меж небылью и былью
И лоб
Запорошённый пылью
Смятенья
Тенью оботру...

Не трону только
Тот песок
Где след
Пуанта отпечатан
И локон трепетный
Расшатан
На Ваш висок...

**СОСТОЯНИЕ БЕЗДНЫ
ИЛИ ЗАТМЕНИЕ В ПОЛДЕНЬ***И. В.*

Одинокой душе,
Твоей,
Нашей,
Преклоню колена...
Калиной –
Грозди калённых углей...

Гиппиус Зинаида,
И ей,
Твоей...
Близко,
Наше
Состояние бездны
Одиноких побегов из,
Над,
Левитацией.

Низко,
Низко,
Ещё ниже.
Тем
Более, далеко
От всего остального,
Что мельче песка
Для глаз орла
Из небесной сини,
Стреляющего в нас,
Пас
Свободы потока
Тоски,
Ищущей вызов
не НА,
а В!
И не
Находящей...

Стоит ли,
Госпожа тоска?

Я сам – небоскрёб!
А вот не наскрёб
И шести
В волчьей своей
Шерсти,
Шерстинок
Для шеста
Перста –
Поскрести
Душу Бога.

– Тук-тук!
– Кто, Тук?
Не видишь,
Что я, – один?
И всё, моё
Бездонное множество,
Это Я,
ОДИН.

[29]

А если я,
Ódinn –
Всегда оди́н,
Ведь бесконечностей
Не может быть много,
Так как бесконечность
Априори, всего одна,
То какого чёрта,
Ты ищешь в одиночестве,
Если оно
По определению
О-ди-но-ко?
Токо,
И всего!
Так вот,
Дальше,
И то́кай...

Нет тебя!
Нет их!
Есть только Я –
Бог Ódinn!
Чувствуй меня
В себе,
Или не чувствуй,
Но есть,
Только Я,
ОДИ́Н!

Все Вы,
Остальные –
Искры
В моих глазах.
Устал Я от Вас!
Зачем мне,
Так много звёзд?
Маяковский,
Ты думаешь
Мне, это нужно?
Не пора ли, Вас
Уничтожить?

Крикливых,
Сверкающих
Многоножек,
Чтобы остаться
Наконец-то,
В абсолютном,
Блаженном
Одиночестве!
Чао, Тук!

[31]

– Эй Ódinn!
Дверь захлопни!
Я тоже,
Хочу
Блаженства!

Ódinn (др.-сканд) – верховный бог в германо-скандинавской мифологии.

ДЛИННЫЕ ТЕНИ МУЗЫКИ

И. В.

Туман..., туман.
Ты далекó...
По сердцу пробегают быстрые тени музыки.
Тяжело оседает летняя грусть.

Пристально всматриваюсь в тебя.
Поднимаю к небу лицо.
Губы раскрываются, раскрываются...

Ты вкладываешь пальцы в розу моего рта:
– Поцелуй меня, прежде, чем я уйду!

Перелезаешь через перила моста
И, выгнувшись
Во весь рост,
Раскинув руки,
Медленно-медленно, падаешь...
Падаешь вместе с летом.

Я слышу наш единый крик:
– Поцелуй меня, прежде, чем я уйду!

Из сердца поднимается туман.
Летняя грусть окутывает нас
Вертикальными клубами,
Пробегая быстрой тенью по лицам.

Ты подстрелила моё сердце...

Мохнатой птицей
Кружит оно теперь, над туманом
Исчезнувшего полёта твоей улыбки.
Взмахи длинных ресниц крыльев.

Длинные тени музыки
Быстро пересекают моё лицо...

Вуе-bye, baby... Вуе-bye!

ЗВОНКИЙ ЛЁД РАН

И.В.

Целую тебя в сдвоенные созвездия крыльев твоих ладоней
В потерянную вечность которая ничего об этом не знает

Луна нестерпимо сияет на лезвии амальгамы серебряного ножа
Исчезающе-тонкими звуками кастаньет клавиш рояля
Голубыми гранями капель падающими на звонкий лёд ран

ГРУСТЬ утверждает, что я не имею на неё права
Так как ТВОЯ любовь
Недостижимей Альфы Центавра в созвездии Ориона.

МОЛЧАНЬЕ СЕКВОЙИ

Лауре де Нов

Свершилось
Мы умерли оба
Летим Успокоенным Взглядом

[33]

По узкой спине горизонта
Мчит бело-шикарная лошадь
Муслиново-розовым шлейфом
Над ней развиваются стяги

Я нежно касаюсь рукою
Хребта белоснежного крупа
Где должен быть всадник
Там пусто

Твои извиваются губы
Самодо-не-вольной* усмешкой
Ну что же
Журить я не властен
Ведь лошадь без всадника
Наша
Недо-совершённая свадьба
Ты этим довольна
Мой разум
Тревожить тебя не желая
Молчит обездоленной бомбой

Любимая
Если так нужно
Покою разбитого сердца
Я стану молчаньем секвойи
И даже
Своим усмиреньем
Могу опрокинуться в чайник
Тишайшего Океана
Под днищем которого нету
Уже никогда не будет

Огня полыхавшего болью
Взорвавшейся Кассиопей.

** авторский неологизм:
самодовольной и невольной.*

ПРИВАЛ

Лауре де Нов

Ты – пропасть
Я – на дне её
Шезлонги
Шашлыки
Кльки
На неба берегах

Утерян оберэг

Журчание Реки
Времён
И стремена
Терзающие конский круп
Портняжка-скорость

И на-
искось
Через висок
Косая рана
Лихой руки

Судьба-злодейка брысь
Я смерти не боюсь
Ведь смерти нет
Есть только жилы
Её тоски
А снóски живы –
Ремарки лунной арки

Ночь
Мелюзга –

Серебряный горох
И ворох
Сожалений жал
Использованных
Без
Сожалений

Привал
«Вернись
Я Всё Прощу!»

Моя Аскéза

Тьма гуще ведь, –
Под пламенем свечи
А тени
Всё живей –
перед рассветом
Летит Одéтта
К Зигфриду
А ты?
Ты тоже
Только перьями
Одета?

НЕГРОМКИЙ ЗАПАХ ЖАСМИНА

Белая мраморная ванна
Из мраморной львиной пасти журчит запах жасмина
Погружаюсь как в обморок в жидкую кристалличность
Прохлада обволакивает меня зеркальной поверхностью
Наливает мускулы плотью

Горячий выдох
Нежные розовые листья размером с блюдце
Мягко планируют на меня
Выгнутыми чашечками сыпясь на собственные отражения

Зрачки расширяются до размеров радужки
Вбирая в себя запах жасмина

[35]

Д и П / 2018

Валерий Магэцкий

В висках стеклянными палочками звенят ксилофоны
Сплетаясь музыкой с прозрачным гелем струи
Журчащей косой сбегающей из лавиной пасти

Мраморная ванна
Белая прохлада
Розовые мины

[36]

Жмёт корсаж души
Жалобы желобов сознания
Негромкий запах жасмина

Леонид Бердичевский

ОСЕННИЙ ЭТЮД

[37]

Д и П / 2018

Осень рванула прежде календарного срока. Берлинскую лазурь сжевало плотно тумана. Назойливая морось пьянила головы, порошила очки непроглядью, город захлёстывала тоска. Скамьи в парках и скверах скучали. Из мусорных урн торчком стояли трупы зонтов со сломанными рёбрами. Картавая воронья перепалка выражала недовольство осенью. Изредка, колокола близлежащей кирхи напоминали о службе, призывая к обычному течению жизни.

В аллее, на краю скамьи, сидит пожилой человек, в промокшей, цвета асфальта, шляпе, с проваленной в плечи головой и поднятым воротом. Он выразительно кривит губы, о чём-то рассуждая с собой, – то ли чеканит стихи, то ли ныряет в воспоминания. Рядом – бутылка, явно с алкоголем. Периодически он отпивает по глотку, кряхтя от удовольствия, не замечая подошедшего к нему человека, тот произносит по-немецки:

– Regennass? Ach, Wetter?

– Давайте по-русски. Вас выдаёт акцент, – встрепенулся пожилой. – Вы из Питера?

– Не совсем, – отвечает подошедший, – я учился там профессии и жизни. Заметно? Прошло полвека.

– Ещё как, я оттуда, мой слух не обмануть, он работает точнее мозгов, – продолжает пожилой. – Позвольте представиться, – Арсений.

Собеседник называет себя.

– Скверно. Пожалуй, присяду, если не против. Мне думается, наша учёба проходила на одной улице, вернее, набережной, я не ошибся? – уверенно говорит он.

– Она называлась Университетской, – утвердительно кивает Арсений. – Я закончил филфак в бывшем здании двенадцати коллегий, а вы, несомненно, в Академии художеств.

– Верно, чего уж оспаривать, – подтверждает новый знакомый.

Оба улыбнулись, и обменялись рукопожатием.

– Да, осенняя встреча, – задумчиво шепчет Арсений. – Лёгкие сжились с дыханием осени, – возраст. В Питере осень привычна, особенно на Васильевском. Великие коллеги любили её, почитали, и шаловливый Серебряный Век тоже. Осень привлекательна цветом, бросает в раздумья, грызёт скукой.

– В Берлине я собрал книги. Здесь, в 20-х, было множество русских издательств. Кому это достанется? Детей не заманишь. Им бы компьютер, магазины, туризм, – соблазны.

Осень напомнила о себе. Дождь перешёл в талый снежок. Рябь заплывала в мысли. Сумерки гасили небо. Собеседники, не сговариваясь, поднялись.

– Благодарю за знакомство, коллега. Вот мой адрес, буду рад, – Арсений протянул визитку.

Потом была зима, осень, ещё и ещё осени. Без встреч. Господу ведомо, почему...

«ГЕРНИКА»

«Театр уж полон, ложи блещут...» Строку из «Евгения Онегина» вполне можно было бы отнести к этому театру, – ежедневные аншлаги тому подтверждение. Труппа ежегодно обновлялась. Новичков приглашали после просмотра дипломных спектаклей театральных вузов. В репертуаре театра была мировая классика и современная. Режиссёры стремились всю труппу привлечь к участию в спектаклях. Среди приглашённых был выпускник щепкинского училища Павел. Молодой человек выше среднего роста приятной наружности, с хорошо поставленной сценической речью. Вскоре он доказал, что ему под силу любая роль, – трагедийная, комедийная, не чурался и эпизода. Стал любимцем театра. Подружился с художником. Их связывала общая любовь к живописи, музыке, литературе. Иногда Михаил, так звали художника, приглашал Павла в гости, к семейным застольям, и даже был в курсе его сердечных тайн. Как-то Павел рассказал Михаилу о знакомстве с девушкой, – постоянной зрительницей, которая занимала кресло в третьем ряду партера, не пропуская спектакли с участием Павла, повторно приходя на одно и то же представление. Павел заметил это. После спектакля подошёл, представился. Её звали Люсьенной, кратко Люси. Она была сиротой. Отец погиб на фронте, мать – в Бабьем Яру. Спасла её подруга матери, увезла в деревню. Но теперь и приёмной матери не стало, – умерла. Жила Люси в общежитии, преподавала в

начальных классах. Они с Павлом встречались часто, и вскоре решили жить вместе. Сняли комнату в коммунальной квартире. Всё было бы хорошо, если бы не подруги Люси, которые постоянно засоряли её слух неверностью Павла. Это привело к тому, что Люси безо всяких объяснений не пришла ночевать, исчезла из города. С места работы уволилась, словно растворилась в небытие. Павел метался, искал её повсюду, ездил к её прежнему месту жительства, расспрашивал общих знакомых, но ответа о Люси не получил... Вскоре он переехал в другой город, в театр, где якобы были лучшие условия работы, где он сразу же получил квартиру. Причину знал только Михаил. Павел не мог жить в городе, в котором был счастлив с Люси, – спрятался от своей боли.

Жизнь продолжалась. Прошло много лет. Страна изменилась, распалась на отдельные государства. Трудности ворвались в каждый дом, в каждую семью, в саму жизнь. Переписка между друзьями сошла на нет. Каждый жил своей нелёгкой жизнью. Михаил стал дедом. Возникла возможность эмиграции. Михаил избрал для постоянного проживания Германию. Сын и дочь окончили университеты. Всё складывалось благополучно. Неумолимое время мчалось со скоростью спринтера. Михаил старел, сменил профессию, нашёл другое занятие. Приобрёл приятелей и был почти удовлетворён реальностью...

А время продолжало свой бег. Михаил с семьёй поехал на отдых в один из городков острова Майорка. Место – в окружении экзотической зелени, Средиземного моря, мягкого солнца. Ну, словом, Рай, который в прошлой жизни невозможно было вообразить даже в грёзах. Когда отдых подходил к концу, коридорная, говорившая по-русски, передала Михаилу приглашение хозяйки гостиницы посетить её. Михаил гадал, что же произошло, кто из его семьи нарушил режим отдыхающих? В назначенное время он постучал в кабинет хозяйки. Каково же было его удивление от услышанной фразы на чистом русском языке:

– Миша, входи, присаживайся.

Почти бессознательно, он вошёл и опустился в предложенное кресло. Молчание длилось недолго, хотя показалось, – вечность. Нарушила его дама.

– Я вижу, что ты не узнал меня. Да и не мудрено. Прошло около четверти века. Время не щадит. Я – Люси, подруга Павла.

Михаил, от неожиданности и неловкости, не смог сразу прийти в себя. Однако, надо было, по правилам актёрского жанра, выдержав паузу, доигрывать мизансцену.

– Да, да, я сразу же узнал вас... тебя, но как ты оказалась здесь, в этой стране, в этом кабинете?

– Если не утомлю, расскажу о своей «одиссее»...

– Я ведь человек театра и предчувствую, что твой рассказ, – явно нечто сценичное, так сказать, «театр на стульях».

– Ты угадал, – это действительно так, правда зритель только один, но какой? Не представляя, что предпринять после того, как узнала об измене Павла, поделилась я своим горем, а для меня это действительно было горем, со своей студенческой подружкой, москвичкой. Она пригласила приехать, пообещав что-нибудь придумать. В тот же день я уехала в Москву. Прощаться ни с кем не хотелось. Нина, подруга, прописала меня в своей квартире, устроила на работу в школу учительницей начальных классов. Так продолжался целый учебный год. Тяжело было досаждать гостеприимным людям. Ведь у Нины и её мужа, Виктора, был крошечный ребёнок. Я старалась приходить поздно, бродила по большой, суматошной Москве. Настроение было скверным. Но деваться некуда. Как-то, Виктор познакомил меня со своим приятелем, молодым архитектором со странным именем Дига. Он был стройным весёлым брюнетом, хорошо танцевал, играл на гитаре, пел романсы на непонятном языке. Когда я спросила, он ответил, что это его родной, испанский язык. Он познакомил меня со своими родителями, – интеллигентными русскими людьми, врачами. Приняли меня дружелюбно. Но испанец! Я не могла понять. Полное имя моего знакомого Диего Хименес. Мы встречались недолго, я приняла предложение стать его женой. Хотелось узнать, как он попал в абсолютно русскую семью. И он рассказал, что родился в печально-известном городе Герника во время гражданской войны. После налёта фашистской авиации погибли его родители. Ты знаешь картину Пикассо «Герника»? Оглянись, репродукция за твоей спиной. Её повесил Диего. Бойцы народного фронта передавали его, случайно уцелевшего, из рук в руки. Так он попал в семью русских врачей, работавших в госпитале в Испании. В начале тридцать девятого года, когда победили франкисты, они вывезли двухлетнего Диего в Москву. Когда он подросток, рассказали ему о том, как он оказался в их семье. С детства он изучал испанский язык, овладев им в совершенстве. Сказалась генетическая память. Мы прожили в Москве три года, и Диего получил разрешение на выезд в Мадрид. У нас родился сын, Пабло. Так звали отца Диего. Позже, уже в Испании, родилась дочь, – Тереза. Диего – хороший архитектор. Эту гостиницу построили по его проекту. Мы оплатили её стоимость и почти целый год живём здесь. Сейчас Диего в Барселоне. Он – профессор Академии искусств. Дочь – со мной, сын учится в Валенсии. Хочет стать актёром и режиссёром. Дети прилично владеют русским языком.

Люси закончила рассказ, словно исповедь, которая таилась в её

душе, не имея выхода Она протянула Михаилу фотографию своих детей. Он растерялся – сын был точной копией Павла. Тот же овал лица, взгляд, волосы, улыбка.

Михаил вопросительно посмотрел на Люси. Словно прочитав его мысли, она тут же ответила:

– Нет, нет, он родился через четыре года после того, как я сбежала в Москву. Случай редкий. Я обращалась к врачам, к психологу. Они, не сговариваясь, ответили, что гены первого мужчины закрепляются в крови возлюбленной. Впрочем, я рада этому диагнозу. Я очень любила Павла и удар, нанесённый им, тяжёлым рубцом остался на моём сердце.

– Но он не изменял тебе. Это была банальная женская сплетня из зависти. И Михаил рассказал Люси обо всём, что происходило с Павлом после её исчезновения.

– Если бы я тогда знала об этом и была несколько мудрее... Он остался единственным мужчиной моей жизни. Но, увы, время не пятится. Жизнь позади. Так тому и быть.

Распрощались. Долго не покидали Михаила лицо Люси, её голос, улыбка и откровенное отсутствие счастья – его несложно прочитать в женских глазах.

Возвратившись в Берлин, Михаил купил репродукцию картины Пикассо «Герника» и подолгу рассматривал её. На ней, в композиции Пикассо, глазом художника он «дописывал» руины счастья Павла и Люси. И ещё, скорость времени, которое пригвоздило его мысли к памяти о друзьях. Жизнь неумолима...

НЕПОСТОЯНСТВО ТЕМПЕРАТУРЫ

– Какой, всё-таки, была покойная мамочка: остроумной и находчивой! Умела мгновенно находить достойную интонацию, мысленно сооружать ответ, определяющий ритм диалога и влияющие его на развитие дальнейших событий при любой ситуации, – мечтательно произнесла дама, разглядывая себя в зеркале. – Ну, хотя бы эту незаурядную находку с моим именем, – Ираида. Так она нашла компромисс с матерью отца, которая хотела видеть во мне Иру, в честь старшей сестры. Та вышла замуж за французского банкира, красавца и весельчака, и прожила с ним жизнь в ритме вальс-бостона и всяких неслыханных удовольствий. Мамочка сумела угодить и моей второй бабушке, которая хотела видеть во мне многолетнюю подругу, – Идочку, умершую неза-

долго до моего рождения. Так и живу я с двумя именами. Конечно же, в школе, институте и позднее на работе, я отзывалась на имя – Ирочка, в гостях у второй бабушки, я непременно была Идочкой. Логично, не правда ли? Ни бабушек, ни мамы уже нет. Остались имя и память. – Дама глубоко вздохнула. Неожиданная, Бог весть, откуда взявшаяся, улыбка, поставила точку в продолжительном монологе.

[42]

Давно закончилась война, отнявшая у Ирочки отца. Возраст её был таким, что воспоминания об эвакуации захлебнулись в буднях. Позади школа. О ней память сохранила не утихающие фрагменты, сопровождаемые вздохами, хмурым взглядом и горечью во рту. Обучение было раздельным. Женская школа располагалась в Коммерческом тупике, сохранившем название со старых времён, когда здание занимало коммерческое училище.

В тупике красовалось название «Женская школа имени пионера-героя Павлика Морозова». Да, того самого, отвратительного мальчишки, который донёс на отца в карательные органы, и отец был уничтожен. Павлик так и не стал ни Павкой, ни Павлом. Подделом ему. А миф о пионере-герое навязывался советским детям, не подозревавшим о лжи. Ладно, мало ли было подобного пафоса, тем более, что возле портрета Павлика затягивали им горло кумачовыми галстуками-косынками. Портрет этот, выполненный кафельной мозаикой, долго ещё терзал воображение девочек. Был он необычен. Голову «героя» прикрывала гимназическая фуражка, в глазах застыл вечный упрёк и откровенно прочитывался броский, как лозунг, призыв к действию, на шее развевался красный пионерский галстук, напоминающий поток стремительно летящей крови. Проходящие мимо тупика с содроганием отворачивались. В школе был ещё один мужчина – учитель географии неопределённого возраста, со своим вечным спутником – глобусом в руке. Давно изменились названия некоторых стран, многие и вовсе исчезли, а учитель, на каждом своём уроке ставил глобус рядом, и начинал вещать, искоса наблюдая за его вращением. Вот, собственно, и все мужчины, которые окружали учениц нескольких поколений.

Эти события пришлось на то время, когда у нашей героини крепло осознание своего женского естества с соответствующими мыслями о будущем.

Семья Ирочки состояла из двух, нет, пожалуй, трёх человек. Третьим членом была мама школьная подруга – Дорочка. Женщина некрасивая, но умная и удивительно образованная, понимающая значение мужчин, хотя и была обделена их вниманием. Не то, чтоб некрасива, – её внешность катастрофически губил невероятной формы нос.

Этот орган издевательски загибался к верхней губе таким образом, что даже мешал принимать пищу. Обаяние улыбки уходило на второй план. Глаза её были бирюзового цвета, заполненные сюжетами замысловатого содержания с откровенной жадной желаний. Для того, чтобы каким-то образом отвлечь внимание собеседников от носа, Дорочка носила огромные очки, совершенно не нуждаясь в них. Они словно бы вросли в нос и составляли с ним единое целое. Но всё-таки, нос приковывал к себе внимание, которого было столько, чтобы не рассмотреть Дорочкины красивые ноги и всю её привлекательную фигуру. Дорочка откровенно «служила» в доме подругой, советчицей и даже частенько, кулинаром, причём, отменным. Во всём этом члены семьи неоднократно убеждались.

Мужчины, всё-таки, периодически, появлялись в доме. Природа требовала. Мама, хоть и кратковременно, влюблялась. Но мужчины были либо женатыми, либо желали получить глоток нежности и внимания, однако лишь до первого настоящего условия мамы. И даже Дорочка не могла дать правильный совет, как их подольше удержать. Её женская интуиция дремала от безысходности и отсутствия опыта. Разговоры о мужчинах продолжались. Вопросы их существования волновали воображение и поднимались регулярно тремя дамами. Тем более, что с соседского балкона часто долетал запах сигаретного дыма, сопровождавшийся мужским покашливанием. Но женская температура в квартире не давала сбоя, и была более точна, чем в сводках метеослужбы.

Ирочка благополучно получила аттестат зрелости. Дамы торжественно отметили это событие приличными кусками фаршированной рыбы со стопками «Крымского шампанского».

– Без мужчин, чтоб не портили аппетит своими наглыми намёками и неуместными приставаниями, – эти слова торжественно провозгласила Дорочка, направляя на жизненную дорогу созревшую Ирочку.

После совещания с умной Дорочкой, не обнаружившей в Ирочке никакого дарования, решили «поступить» её в педагогический институт. Среди преподавательского состава были старые друзья и коллеги мамы. Акт «студенчества» состоялся. Ирочка все четыре года была успешной в учёбе, играла в настольный теннис за команду института и вообще пользовалась огромным авторитетом в институте. Студенческий и преподавательский состав состоял только из особ женского пола. Поэтому и там женская температура была на норме ртутного столбика.

Вот уж и институт позади. Мама, благодаря своей неотразимой настойчивости, убедила директрису школы принять Ирочку на работу с

испытательным сроком в начальные классы. Ирочка справилась с поставленной задачей, так как почти все учителя школы были достаточно перезрелого возраста. Хотя и клялись, что умрут «на боевом» посту. Итак, первый пункт жизненной программы был благополучно выполнен. Ещё прошли, нет, промчались, несколько лет. Нужно было срочно браться за второй пункт. Он был сложнее, в своей непредсказуемости, в своей самостоятельности, ибо помощи неоткуда было ожидать. Двадцать семь лет, – возраст, приближённый к критическому, несмотря на то, что Ирочка была миловидна, улыбчива, неглупа, но, увы, амбициозна. Она рассчитывала на хорошую партию во всех отношениях. Именно такой мужчина возник неожиданно. Он был её попутчиком в автобусе. Стоя рядом, он откровенно разглядывал её. Был молчалив, но взгляд его подсказывал Ирочке, что первое слово должно быть за ней. И Ирочка нашлась:

– Я думаю, что нам по пути, выйдем вместе, я не ошиблась?

Несколько не удивившись, он молча кивнул головой. Несколько минут они шли молча. Аккомпанементом молчанию и мыслям служил общий строй шагов. Неожиданно, словно вдруг спохватившись, Ирина предложила:

– Возможно, пора уже познакомиться, имя моё – Ирина, а ваше? Думаю, – Михаил, верно?

– Вы пугаете меня, или вы провидица, признавайтесь? – шёпотом произнёс он.

– Вы, действительно, Михаил, я убеждена в этом. Это имя всегда привлекало меня, – его носил мой отец, которого я знаю по паспортной фотокарточке, – он погиб на фронте, когда я была в младенческом возрасте, – закончила Ирина.

– Знаете, Ирина, я математик, – несложно просчитать ваш возраст, с точностью до месяца. Однако, не стоит третировать мозги. Я ваш ровесник. Скажу вам, хочется верить, – безошибочно то, что мы понравились друг другу. Это не самоуверенность, – это очаровывающий факт.

Их вечера задыхались от познания друг друга, от множества, прежде не эксплуатированных, слов, от бесчисленных стихов, которые Михаил знал и умел комментировать после чтения. Знакомство с родными прошло весело, с застольными разносолами. Одним словом, поход в ЗАГС был, как само собой разумеющееся, с умеренной торжественностью, как подобает интеллигентам. Красивое благословение было от Дорочки, которое убедило Михаила в том весе, какое место она занимает в жизни Ирины. Затем, «медовый» месяц, проведённый на съёмной даче, в пригороде, и возвращение на работу.

Всё, как у всех. Банально, но иных вариантов не было. Пять дней недели. И заново. И заново.

Разнообразие внесло рождение Мишутки, – так называли новорождённого, в отличие от отца. Ирина не могла отказать себе в удовольствии постоянного повторения этого имени.

Итак, женская температура вынуждена была потесниться мужской на половину ргутного столбика.

Мальчик рос с какой-то неуёмной скоростью, впрочем, равной изменению взрослой в их росте, весе и старении. Прошло, грешно считать, сколько лет. Ушли из жизни мамы Ирочки и Михаила, заметно поубавился оптимизм Дорочки. Среднего возраста достигли родители Мишутки.

Да и сам он окончил среднюю школу, оставаясь центром жизни родителей. Получил почти одновременно и аттестат зрелости, и значок мастера по боксу. В этот серьёзный и опасный вид спорта затащил его школьный учитель физкультуры – Ефим Исаевич. Он произнёс одну фразу, в которой было содержание всей его жизни:

– Мишка, запомни, – ты еврей, и тебя подстерегают всякие неудобства от этого, – насмешки, поступление в институт и на работу, вообще, выбор профессии, и всякая другая необходимость, смешанная с несправедливостью. Бокс будет твоим первым помощником в разрешении многих вопросов. Главное, – умей им пользоваться спокойно и вовремя. Он весьма вежливо объяснит твоим обидчикам, что не следует торопиться с выстрелами оскорблений.

И Мишутка запомнил это наставление так хорошо, как будто его давала сама Дорочка.

После окончания школы решил поступать в Политехнический институт. Набрал проходной балл, но в списке зачисленных свою фамилию не обнаружил. Опять-таки, благодаря Дорочке, родители узнали, что Мишутку не приняли по простой и закономерной причине, – процентная норма евреев исчерпана. На следующий год, учитывая спортивные успехи, его безоговорочно примут. Ждать год не пришлось. Мишутку забрали в армию по какому-то срочному набору. Такова судьба, – надо служить Отечеству, защищая его рубежи.

Воинскую службу ему назначили на Востоке, упаси Боже, не на Ближнем, – на Дальнем. Всё было бы в норме, если бы не старшина Фомкин. Невзлюбил он Мишутку. Вначале, по причине роста. В Фомкине росту было, как говорится, метр «с фуражкой». В Мишутке – метр восемьдесят «без фуражки». К тому же, Мишутка нарушил устав строевой службы. При построении и команде «на первый-второй рас-

считайся», – когда подошла Мишуткина очередь, он вместо выкрика «второй», выкрикнул «третий», и следующий за ним солдат выкрикнул «четвёртый». Старшина Фомкин побагровел:

– Кто нарушил командный счёт? – взвыл он. – Три наряда вне очереди.

– Я, рядовой Фридман, потому что пока ещё не считаю себя ни первым, ни вторым, третьим, – куда ни шло, – оправдывался Мишутка.

– Я, рядовой Хусаинов, – потому что после «третьего» – всегда «четвёртый», – эхом прозвенел другой.

– Ну, евреи, хулиганьё, я вам покажу, как строить насмешки над нашим строевым уставом, будете у меня картофель чистить и двор мести до конца службы, – не унимался старшина.

– Разрешите доложить, товарищ старшина, – опять прогремел голос Хусаинова, – никакой я не еврей, прошу не обижать меня, я – татарин чистых кровей, из-под Казани, а Мишка, всё равно хороший парень, боксёр, хоть и еврей.

– Знаю я, этих евреев-боксёров, купил себе значок, и всё тут, – уже шёпотом буркнул старшина. Шагом марш на кухню, проваливайте.

Три дня ребята чистили картофель. Работа нелёгкая. Руки окоченели, картофель был подгнившим и мороженым. По дороге в казарму, Мишутку задержал старшина.

– Слушай, Фридман, я навёл справки о тебе. Ты в институт не поступил, потому что двоечником был, или деньги батя пожалел на взятку?

– Товарищ старшина, разрешите ответить – робко попросил Мишутка.

– Отвечай, хитрец, – ответил Фомкин.

Мишутка посмотрел по сторонам. Никого.

– Так вот, – начал он, – я с тобой, падла, без свидетелей говорю, ничего не докажешь. Ты напрашиваешься, чтобы я тебе витрину раскрасил, – это не сложно, запомни, и никогда даже в мою и Хусаинова сторону не смотри, говорю тебе кратко, по уставу, разрешите идти. – Мишутка отдал честь, заканчивая диалог.

– Кто научил тебя так разговаривать со старшим по званию, отец или мать? – испуганным голосом спросил старшина.

– Оба. Главное, ты – гнильё, телом и мозгами. И не провоцируй, – отрапортовал Мишутка. – Наслышан я о ваших старшинских выходках.

Беседа эта была конкретна и убедительна. Старшина притих, – это заметили все солдаты. Срок службы подходил к концу. Неожиданно приехал тренер и уговорил отпустить Мишутку на неделю раньше срока на республиканские соревнования. За него хлопотал сам старшина. Явно хотел избавиться от страха, висевшего над ним, как топор.

Дома Мишутка, первым делом, решил поступать в институт и поступил в Политехнический. Помогла кафедра физического воспитания. Через три года жажнула авария на Чернобыльской АЭС, заставив перелистать страницы жизни, мысли о будущем, взгляд на дальнейшее существование.

Где теперь семья наших героев? По слухам, живут они в одном из небольших городов Германии... «Выскочившая» из памяти история, словно кукушка из ходиков, – всего лишь небольшой штрих из многообразия человеческих судеб и взаимоотношений при обычных обстоятельствах канувшего в Лету двадцатого века.

[47]

ПАМЯТЬ

Я у памяти на подачках, –
вечный памяти кредитор.
Всякий раз мне её заначки
зажигают свой светофор.

Всё у памяти по порядку,
всё хранят её закрома.
Пусть растянуто или кратко,
пусть, порою, сводят с ума.

Беглый взгляд, как свечной огарок,
пара звуков для крепких слов,
но чтоб набело, без помарок,
чтоб не вышли из берегов.

Память щедра на эпизоды, –
без утайки напомнит их.
Может, словно из дымохода,
плюнуть парочкой фраз блатных,

чтоб они задымили ухо,
натворили б переполох.
Или вдруг подфонарной шлюхой,
Обернули в потоки лохм.

Замолчит. Притаилась. Сникла.
Время перевела назад.
Посылает дуэльный выклик, –
основной свой боезаряд.

Словом, всё что душе угодно,
память сможет нам возвратить.
Дерзко, шёпотом, благородно,
или бросить, сполна, в бесстыдь.

НОЧНОЙ ПЛЕВОК

Мой рот собрал слюну для длинного плевка –
его я зашвырнул во мрак простора ночи.
Он пролетел стрелой, как будто был заточен, –
и цель свою сумел достичь наверняка.

Он вызвал молнию, – она пустилась в пляс
зигзагом, впопыхах расстреливая темень.
И землю обняла, своё закончив время,
тем завершила туч преддождевой наказ.

И клавишами дождь, – вразброс и напрямик
летел, и равен был веселью диких плясок,
Он мирный сон прервал нюансами раскрасок, –
дыханью запретил он стоны, плач и крик.

Сюжеты ярких снов вмиг превратились в прах, –
исчезли, пролетев по переулкам быта.
И мой ночной плевок и, даже, дождь забыты, –
их съела суета, дня подчеркнув размах.

СТИХИ ВАМ

Аbc

Вы сотканы из множества затей:
улыбок, слёз, из шёпота и крика,
медлительны, как мудрый скарабей,
прекраснее Самофракийской Ники.

В глазах застыл загадочный вопрос, –
разоблаченье запретив в ответе,
набором шёпотных метаморфоз,
желанье, – первой стать на целом свете.

[49]

Но иногда читается подвох, –
смесь непосредственности с откровеньем,
настойчиво застать на миг врасплох,
и вздохом вызывать сердцебиенье.

И даже те, кто с вами незнаком,
но мимолётно оказались рядом,
почувствовав в гортани горький ком,
потупятся от брошенного взгляда.

И за последних двадцать с лишком лет,
затеи ваши перешли в привычку,
они повсюду мчат за вами вслед,
заносчиво, но аристократично.

ЗИМНЕЕ

Осень, медленным адажио,
рассыпаясь в извинениях,
с точностью хронометражную,
сообщает новость важную,
что её настигло тление.

Зимний кашель рвёт дыханье,
по бульварам донкихотствует:
шарит, щиплет, сумасбродствует,
и с отборной пёстрой бранью, –
самозванствует, господствует.

Свист его бесцеремоннее,
ветруган во всеоружии,
плюнет, с силою недюжинной,
ночи от него бессоннее,
с угощением крепкой стужею.

А ухабы глубже, льдистее,
звук провален в завывание,
Дед-Мороз кусает истоиво, –
вот, зимы живописание,
пусть экспромтное, эскизное.

МОТИВ (чик)

И, вроде, изредка, и неожиданно
ко мне является всё тот же сон.
Почти неслышимо, почти невиданно,
ночь насторожена из всех окон.

Привет от осени приносит улица,
из давней осени, что унеслась,
и улыбается, слегка сутулится, –
к чему, разлучница, мне эта связь?

Ни капли совести, ни грамма жалости
во сне сегодняшнем. К чему возврат?
Зачем затеяла со мною шалости, –
но, тем не менее, тебе я рад.

* * *

Хоть тяжко кульбитом,
но хуже в безликой толпе.
Как по алфавиту
ползти по брусчатой тропе.

Сугробов и рытвин
почаще б встречать на пути.
Со сбоями ритмов,
с нырянием из солнца в дожди.

Спонтанно, без карты,
спешить неизвестно куда.
С подсказки азарта,
без умысла и без стыда.

По адреналину,
что гонит давление вверх.
В тумана картину,
ворваться в судьбы круговерть.

[51]

* * *

И если в суете волнения, напор
захочет оборвать тревогу ожиданья,
созвучьем привнесёт торжественный аккорд,
вздохнёт наперекор раскатами в гортани...

Но сникнет суета, уткнувшись в тишину,
зачем доказывать, – метать напрасно бисер,
и звуки глубоко, и трепетно вздохнут,
в незримой чередё нелепиц и бессмыслиц...

Здесь осень ни при чём. Дождь продолжает лить, –
искать не стоит в нём причину и помеху,
но мысль себе гнездо в подкорке будет вить,
чтоб подвести судьбу под уровень успеха.

Однако, всё не так, как кажется сперва, –
нежданность стережёт, приносит закавыки,
и сложно подобрать конкретные слова,
и мышцы губ зажать, чтоб устранить улики.

Ах, Время! Чёрт возьми, готовит всякий раз
то резкий перепад, как суету погоды,
то радуёт уста, то затуманит глаз,
то к пропасти влечёт, то предрекает взлёты.

О, КНИГА!

О, Книга! Лабиринт страстей, –
свиданий и разлук.
В ней много места для затей, –
для дел ума и рук.

То запятые, то тире,
то многоточий ряд,
то в книге – жарко в январе,
то в ней – июльский град.

Ох, наворочено всего,
что трудно перечесть.
До тысячи от одного,
что пожелаешь, – есть.

Всё кружится веретеном, –
всё оставляет след.
С интригой, часто ни о чём, –
словесный винегрет.

В абзацах текст с избытком слов,
с улыбкой, и навзрыд.
Но в нём, – основою основ,
бессмертный алфавит.

В ТОЛПЕ

Мне по душе движение толпы, –
потупленность, или скольжение взглядов,
показ гримас, улыбок и нарядов,
полёты фраз и острых ароматов, –
телодвиженья нервные ходьбы.

Походку различу по каблукам:
воздушный цокот, иль подъём тяжёлый,
то плеск волны, то пенье баркаролы,
то шарканье, то точные уколы, –
всё вместе, как скандала тарарам.

Как откровенны скрежеты зубов,
губ чавканье, щелчки ручных кошёлоч,
и вдруг, больничный запах валидола,
отрыжки ресторанного помола, –
брань площадная крепких языков.

Мой слух обязан это всё собрать,
и невозможно уберечь его мне, –
ведь люди все, мне, безусловно, ровня,
не может ничего быть аксиомней, –
я никого не смею осуждать.

[53]

ТЕНЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ...

Тень завтрашнего дня, наплывом сиротливым,
проглатывает взгляд сегодняшних минут,
лишь мысль случайная, назойлива, как ливень,
заковывает вздох, как щупальцами, спрут.

Ей только тишина, намёками, поможет
преодолеть легко случайности барьер,
и вытащить мечту из заржавевших ножен,
но не забыть, – в Судьбе на стрёме шагомер.

Тень завтрашнего дня уверена в движеньях, –
чтоб ей достигнуть цель, лишь мысли важен труд,
его не отыскать в нахлынувшем везенье,
и в суетах ума, что в голову взбредут.

ДИОГЕН

Аскетом слыл философ Диоген, –
ночлег себе определил он в бочке,
и не считал, что бочка – тесный плен,
днём в ней он спал,
а размышлял в ней ночью.

Его усилия потерпели крах, –
он не оставил записей ни строчки.

И время стёрло на своих устах
всё, – лишь оставив то,
что жил он в бочке...

Поэт, – он бодрствует по ночам,
всё думает, как стих начать сначала.
Большое раскрошив по мелочам,
довольствоваться, сможет
даже Малым.

Когда под утро одолеет сон,
и в нём ему привидится Большое,
его швыряя в стужу, жар и стон,
не даст оно ни капельки покоя.

А Диоген? Полупрозрачный миф, –
пригодна бочка, разве что, для пива.
Аскетом быть, – желанье утопив,
о Диогене вспомнить лишь курсивом.

ХМЕЛЬ СНОВИДЕНИЯ

Как во хмелю хочу вернуться в ночь,
которая меня ласкала до рассвета,
неслась, как возбуждённая комета, –
в интригу сна стремилась заволочь.

С ехидною улыбкой, невзначай,
любовный яд плеснула в сновиденье, –
он слаще был клубничного варенья,
шептала мне: «Его лишь ты вдыхай!»

Вдохнул я глубже, ощутил дурман...
Но, в бездну канули десятилетия.
И сон, с тех пор, не смог уж запретить я, –
он голову кружит, и им я пьян,

настаивает, будто я охоч
сон повторить. Ведь время не подвластно

той женщине, что так ласкала страстно...
Но как мне вернуть такую ночь?

* * *

То ли солоно, то ли сладко
осень тешится за окном,
листопадным беспорядком,
подгоняемым ветерком.

[55]

Вечерами плетёт сюжеты
сновидению в перехлёст,
об интригах зимы и лета,
чтобы ночи бросить в хаос.

После, к утру, пробьют сквозь шторы
брызги света в мозги, в глаза,
с зябким, ей присущим, задором,
как бронхитная егоза.

И мелькая, как кинолента,
крутит времени циферблат,
собирая крохи в моменты,
но почти всегда, невпопад....

Выбирая поуже тропку
среди её суеты сует,
то восторженно я, то робко
тороплюсь за осень вслед.

И никто изменить не сможет
многолетний осенний ритм,
он судьбой в сознание стреножен,
он туда нерушимо вбит.

СОЗВУЧЬЯ

Как много есть созвучий в Языке, –
закованы в них лезть, слеза и страсти,

и ложь, и крик, и прочие напасти,
что в тайниках души, как на замке.

Интимный шёпот, храп, и грусть, и стон,
иль над собою горькая насмешка,
или слова, чтоб выплеснуть, не мешкав –
тактичности неписанный закон.

Коль раздражает скучный диалог,
спешишь-летишь, чтоб завершить беседу,
к созвучия проторенному следу,
чтобы оно в том подвело итог.

Случается, вдруг попадёшь впросак,
и здесь, конечно, выручит созвучье,
и не ищи, – ты не найдёшь получше,
проблему тут же обратить в пустяк.

НЕТ, НЕ СУДЬБА...

Нет, не судьба мне управлять Судьбою, –
она на ужин, завтрак и обед
мне оставляет на душе побои,
татуируя их глубокий след.

Не забывая тонко строить козни,
возникнет камнем на моём пути,
столкну его, – она вспорхнёт стрекозно,
напоминаьем, – как тут не крути.

Она вконец мои расстроит планы, –
заставит делать всё наоборот,
очистит, невзначай, мои карманы,
и с мыслью снимет скоростной полёт.

Не увильнуть. Я вечно на примете, –
вишу, как ветошь, на её крючке,
я нахожусь всегда в её лорнете,
болтаюсь рядом, иль невдалеке...

Да, не судьба мне управлять Судьбою, –
я сросся с ней. Стал с нею заодно.
Зачем другая? Я другой не стою,
моя, – мой воздух терпкий, как вино.

* * *

[57]

Погода скучна и тиха,
как иллюстрация для лени.
Но возникает вдохновенье,
и точит ритмы для стиха.
И варит голова сюжет.
О чём? Конечно, о погоде,
как снять бы с тишины запрет, –
природе натянуть поводья.

И вызвать дождь, и вызвать снег,
и свист ветров, чтобы ненастье,
погоду разорвав на части,
сюжета приняла проект.
Чтобы, кружась, мела пурга,
беззвучье – недоразуменье.
Чтобы безликая тоска
своей не добивала ленью.

Генриетта
Ляховицкая

ОЧАРОВАННАЯ ФИЛОСОФИЕЙ

*Философско-поэтический
Дневник*

Известно, что близкие друг другу люди иногда спрашивают: «О чём ты сейчас *думаешь?*». Довелось и мне однажды задать этот вопрос любимому человеку. Он уверенно ответил: «Ни о чём». Я изумилась: «Разве это возможно, ни о чём *не думать?*». «Конечно, – в свою очередь удивился он, – а ты что, *постоянно думаешь?*». Я *задумалась* и после довольно длительной паузы ответила: «Да, я *не могу не думать*, даже во сне»...

Уже в пять-шесть лет *обдумывала я философские вопросы*, например, *о жизни и смерти*, с которой близко столкнулась в голоде и холоде уральской эвакуации. Синий трупик голого младенца, над которым жутко завывала женщина в одном из соседних домов, навсегда поселился в моей памяти. *Мысли о смерти* тоже запечатлелись, хотя в ту пору я была уверена в собственном бессмертии...

Повзрослев, я стала записывать свои «*философствования*». Оказалось, что наиболее чёткие *формулировки* удавались в стихотворной *форме*. Случайно употреблённые здесь однокоренные слова позволяют заключить, что *стихотворение может стать «формулой мысли»*.

Смолоду веду я нечто вроде *поэтического дневника*, записывая *самый первый вариант* любого из моих стихов и ставя дату его рождения. Ниже даны стихи, навеянные *философскими размышлениями*, в последовательности, определённой *датами* их первого варианта. Они *перемежаются* записями, отражающими, тоже в календарной последовательности, те события моей жизни, которые связаны с философией – *философский дневник*. Это переплетение и образует *Философско-поэтический Дневник*.

ПОСТОЯННА И ИЗМЕНЧИВА

Утро мудро, труд прекрасен,
и любовь, как смерть, сильна,
факт предательства ужасен –
постоянства жизнь полна.

Вечер грешен, ночь порочна,
и соблазнов зов велик,
осень и весна непрочны –
и изменчив жизни лик.

1958

Философия влекла меня всегда. Видимо, это наследственное. Старые увесистые тома «Истории философии» при всех переездах обязательно входили в число всюду сопровождающих нашу семью книг вместе с чуть менее увесистыми однотомниками классиков русской литературы.

Философия! Древние греки в одном этом слове объединили два – люблю и мудрость. Высокая, блистательная, порою непостижимая мудрость обогрета, обласкана, приближена к сердцу таким человеческим люблю! Подлинная любовь к мудрости редко бывает безответной. Бескорыстно и преданно любящих она одаривает ощущением осмысленности их существования, а иногда и незабываемыми Озарениями. Очарованная философией, я тоже удостоилась её даров, которые никто не сможет у меня отнять, но об этом – ниже.

Нынче, в апреле 2018 года, начав упорядочивать материалы для «Дневника», я осознала, что философия постоянно сопровождала мою жизнь. Так, став в 1955 году студенткой Ленинградского Политехнического института (ЛПИ), я изучала на Энергомашиностроительном факультете философию, а именно, Материализм – Диалектический (Диамат) и Исторический (Истмат). Особенно пришёлся мне по душе Диамат. Идея процесса циклического развития системы (у Гегеля – «восхождение Абсолютного духа» со «снятием противоречий») в тогдашней философии пояснялась геометрической схемой в образе конической спирали, движение по виткам которой определялось тремя закономерностями (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество и отрицание отрицания). Образ конической спирали не отражает самую суть процесса диалектического развития.

Ведь в конце концов «*Всё возвращается на круги своя*», а эта спираль идёт в никуда, бесконечно расширяясь.

Поняв это, я попыталась найти более точный образ. *И произошло чудо – мне удалось создать его! Помню до сих пор* заполненный десятками набросков лист бумаги и *звенящую, острую радость открытия*. На меня как будто снизошло *Озарение!* *Это случилось в 1958 году. Мне было двадцать лет.*

[60]

ПРОТИВОРЕЧИЯ

Как просто всё, как просто всё
и сложно.
Правдиво всё, правдиво всё
и ложно.
Сокрыто всё, сокрыто всё
и ясно.
Чудесно всё, прелестно всё...
Ужасно!

1959

Чудесный образ постоянно жил и живёт в моих мыслях. Очертаниями он напоминает человеческий зародыш, способный развиваться по намеченному *генетической* информацией плану – эдакий «*философский зародыш*». Он оказался *отличной философско-геометрической моделью*, наглядно иллюстрируя структуру Мироздания и проясняя многие мировоззренческие вопросы.

Мы с ним «*резвились*» на физических, химических и биологических полях, заглядывали в прошлое и будущее человеческой цивилизации и всего Универсума. Позже я дала найденному образу имя *Генер*. Не скрою, что, помимо латинских корней (*генералис, генераре, генератио*) научных терминов, название это содержит и часть моего имени. Используя генер как основу, мне удалось создать *никогда прежде не существовавшие объёмные геометрические тела*. Важнейшее из них – *генеротороид* может рассматриваться как *модель Универсума*, а найденная в математике формула спиралевидной кривой, совпадающей с предельным генером – как *формула универсума*.

Но вернусь к ЛПИ. В названии факультета мною выделено слово *энергия*. Мы, будущие специалисты по *тепловым двигателям*, изучали энергию, начиная с таких фундаментальных дисциплин как *термодинамика, теплопередача, общая теплотехника*. Блистательный препода-

даватель общей теплотехники нередко использовал *обобщённый философский подход*, например, знакомил нас с гипотезой *тепловой смерти Вселенной* в случае, если она замкнута. *Представление о Вселенной, заполненной неуничтожимой, согласно закону сохранения, Энергией, закрепилось в моём сознании.*

Получив Диплом, я была *принудительно «распределена»* в Научно-исследовательский институт, который не имел никакого отношения к философии. Приступив к очень нудной работе *4 апреля 1961 года*, и сразу же начав до слёз тосковать по студенческой *свободе*, я «на недельку» забыла думать о философской картине мира. Но *12 апреля* загремело радио: *«Говорят все радиостанции Советского Союза! Гагарин! Первый человек в Космосе!»* Удержать меня на рабочем месте не смогли даже вооружённые вахтёры. Я стала-таки участницей *радно-свободной*, стихийной массовой демонстрации. *Философские думы* мои оживились. *Свободная Мысль полетела в просторы Космоса.*

[61]

Д и П / 2018

УТЕХА РАЗУМА

Если б я была птицей –
я бы вдаль улетела,
если б я была тучей –
я б дождём пролилась,
если б я была скрипкой –
я бы песню запела,
если б я была мыслью –
я бы ввысь унеслась.

Но не птицей, не тучей,
и не скрипкой певучей –
человеком разумным
я на свет родилась
и лишь Мыслью, способной
быть быстрой, могучей,
я играю, творю –
ею тешусь я всласть.

Октябрь 1963

Дата под этим стихотворением напомнила мне, что *осенью 1963 года* начальство стало меня уговаривать пойти учиться на отделение

Генриетта Ляховицкая

пропаганды в двухгодичном Вечернем Университете марксизма-ленинизма при Ленинградском Горкоме КПСС. Я сопротивлялась, не хотела тратить на это драгоценное нерабочее время, но, просматривая материалы, обнаружила в них программу *философского факультета* этого Университета. Тотчас согласилась я на обучение, но *только на философское, и 21 октября 1963 г.* мне вручили *Зачётную книжку слушателя философского факультета*. Оказалось, что занятия ведутся профессорско-преподавательским составом *Философского факультета* Ленинградского Государственного Университета и нередко в его же здании. То есть, я получила доступ в недостижимый ЛГУ. Сказочное везение! Видно, сама *Философия покровительствовала мне за преданность*. Тут давали *основательное философское образование*: лекции и зачёты по истории философии, по современным её проблемам; зачёты – по 12-ти темам; два экзамена – за первый курс по диамату, за второй по истмату, что документально заверено в «корочках», то есть в номерном *Свидетельстве об окончании Университета 25 мая 1965 года*.

МОЛНИЯ

Молния, *ЧТО* ты?– скажи!
 Силу в тебя *КТО* вложил?
 И, за зигзагом – зигзаг,
 в тучи вонзая свой стяг,
КАК ты находишь пути
 с неба на землю сойти?

.....
 Жженьем бичующих розг,
 вспышкой, *пронзающей мозг*
светом над формул скопленьем –
 в муках рождённым *решеньем*,
 вскриком сквозь гнёт немоты,
 блеском среди черноты,
 диким сверкающим взглядом,
 мощных борений разрядом –
 в жути своей красоты
 миру дарована ты!

1965

ЯЙЦО

Незримо *скорлупа спиралей тяготенья*
миры от бездн пространства отделяет,
но сквозь орбит бесчисленных сплетенья
дорога вечной Жизни пролегает,
а по дороге этой вечно Смерть шагает.

[63]

*Первично что – нельзя найти ответ –
Жизнь или Смерть? А Бог об этом знает?
Откуда смерти тьма? Откуда жизни свет?
Что раньше – скорлупа зародыши облекает
иль птица то яйцо из чрева извлекает?*

Нельзя найти ответ на вечные вопросы,
но, может, *Смерть, Жизнь* вечную спасая,
щадя росток зелёный, старость косит,
чтоб молодая жизнь цвела, не угасая?
Смерть Жизни семена по вечности разносит!

Февраль 1979

ЯБЛОКО

Какое *дерево* на тонком черенке
удерживало этот чудный плод?
Какая *женщина*, нагая и в венке,
мужчине и себе его вложила в рот?

Какой мятежный *Дух* *плодом* их соблазнил,
познавья дерзость с ним вкусить заставив?
Зачем же *Бог нещадно нас казнил,*
с Добром и Злом наедине оставив?

*Распался светлый Рай. И огненным мечом
путь преградил Творец к гармонии начальной,
и задымлённым войнами мячом
несётся шар земной орбитой печальной.*

Смеётся гордый Змей, доволен бездной мук,
червём сомнения мир старый разъедая...
Лишь чистота сердец и единенье рук
круг страшный разомкнут, надежду возрождая.

Март 1979

[64]

РУКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Рук чудотворные движенья –
касаясь, ощупь – постиженья
ещё *до памяти, до мысли* –
они ли привели к той выси,
куда теперь взмываем мы
из топи прошлого, из тьмы?

К струне и кисти прикосанье,
строки летящей созиданье –
овеществленье творчества любя,
рождают руки вдохновенья чудо,
*и кончиками наших пальцев чутко
касается Вселенная себя.*

1980

Несмотря на предельную нагрузку на работе и дома, я всё же продолжала серьёзно заниматься плодоносным генером. Посвящённый в научные результаты этих занятий человек, который умел иногда «ни о чём не думать», сказал: «Глядя на тебя, я понял, что *наука даётся непрерывным думаньем*».

В *феврале 1983 года*, чуть не попав под трамвай, я испугалась, что могу вот так внезапно погибнуть, и генер останется в безвестности. В том же феврале я подала заявку на *изобретение «Учебный прибор»* на базе генера, но в выдаче охранного документа было отказано, по существу, из идеологических соображений.

ВЛЕЧЕНИЕ

*К постоянному размышлению о Генере –
философско-геометрическом образе Мироздания*

Открытия, знаю, – случайны,
свершить их так редко дано,

но тянет меня неизбежно
к тому, что всеобще, безбрежно –

к той пропасти знаний и тайны,
в которой отсутствует дно.

Март 1986

ЭТА ЖИЗНЬ – ТОЛЬКО СОН?

Я не ведаю, не знаю,
может, эта жизнь земная
есть не более, чем сон,
и прервётся смертью он?

С облегченьем я очнусь,
в жизни подлинной начнусь,
воспарю в потоках света,
позабыв о жизни этой...

Лишь далёкий, слабый стон
мне напомнит прежний сон.

27 июня 1989

К ЕДИНОМУ

Вселенский Разум – вечный Дух!
Поддай мне знак – волной, листвою,
чтоб мой незрелый, робкий слух
воспринял тайный голос Твой.

[65]

Д и П / 2018

Генриетта Ляховицкая

Там, у Тебя, в небытии,
где звук клубится неземной,
ждут мысли лучшие мои,
ещё не думанные мной,
и лучшие слова мои,
ещё не сказанные мной.

Но мы разделены стеной,
пускай незримой, но стальной,
нет, не стальной – ещё прочней.
Какие письма на ней
Ты соберёшься начертать?
Смогу ли я их прочитать?

6 октября 1989

ОБОУДНОСТЬ

Казалось бы, смерть безусловна,
всесильна, повсюдна –
извечны и траур, и тризны...

Не верьте, не верьте, не верьте!
Условие есть – обоудно:
*смерть – это условие жизни,
жизнь – это условие смерти.*

23 декабря 1990

ПЫЛЬ ВРЕМЁН

Минует жизнь, как терпкий сон.
Уйдут и боль, и страх.
Кто был без меры вознесён,
тот обратится в прах.

Судьба народов и имён
на призрачных весах...
И оседает пыль времён
на наших волосах.

24 декабря 1990

Моя заявка на изобретение пребывала «в отказе». Но я о ней не забыла. Как только случились радикальные политические изменения, я немедленно начала новую битву с Комитетом по изобретениям и одержала победу. *Более чем через десять лет* от даты приоритета мне был выдан *Российский патент № 2000609 на изобретение под названием: «Учебный прибор Ляховицкой Г.Л.»*. Патент свидетельствует признание мировой новизны изобретения. Таким вот образом, *в виде описания к патенту, в 1993 году состоялась первая публикация о моём детище*. Но мечтала я о настоящей монографии. и к *1995 году* подготовила обширную рукопись с названием «*Генер – новая модель в мировоззрении*». Был осуществлён даже компьютерный набор, но, увы, сложные личные и общественные обстоятельства той поры не дали мечте осуществиться.

ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЁН

Стремнины времени,
 времевороты, времепады,
 потоки времени и времени каскады –
 вершит свой бег безбрежная река –
река времён, текущая извечно,
 сама в себя впадая бесконечно,
 не делится на дни или века –

всё слитно в ней: что минуло, что ныне,
 что в будущем нам предстоит свершить.
Нет времени пределов и заминок,
но бурным? –

Бурным может время быть!

Мы в нём плывём...

«Куда ж нам плыть?»

25 сентября 1997

В этом стихотворении наиболее полно сформулировано моё тогдашнее представление о *Времени*, которое задействовано и в других философских стихах «Дневника». В философии *Время заодно с Пространством определяется как всеобщая форма бытия материи*. В моей подготовленной к печати в 1995 году работе имелся обширный раздел «Пространство и время в генеромоделях». В нём сказано, что

Непознанных законов проявление –
единой бесконечной волною
частицы неделимой разделенье,
в прерывистости слитное, сплошное
Всего из Ничего возникновенье!

Чьё Слово в том Начале воплотилось?

23 марта 1998

[69]

ПУТЬ МЫСЛИ

Когда от Севера, от берегов Невы
меня повлѣк на Юг неспешный поезд,
не думала тогда, поверите ли вы,
что я, перенесясь в другой широтный пояс,
вступлю и в мир совсем иной закваски:

волна там солона, земля тверда, и краски
под солнцем лета быстро выгорают,
трава колючая, пахучие плоды,
а воду для питья по каплям собирают –
так мало там свежительной воды.

Зато я там увидела воочью
бесчисленность сияющих миров,
когда бездонною, в цветах созвездий, ночью
оставила чужой наёмный кров
и, выйдя к морю, навзничь я легла
и Космосу глаза в глаза смотрела –
их не скрывала северная мгла...

*И вот тогда я дерзостно посмела
Вселенной Дух без трепета вдохнуть.
С тех пор моим путѣм стал Млечный Путь.*

7 апреля 1998

ЗАБЫВШИМ ФИЛОСОФИИ ОТВАГУ

*Там бюсты древние стоят –
мыслителей великих ряд...*

В Храмах Науки у стен
спят Философии Боги...
Ныне догмы скупы и убоги –
в рамках застывших систем
мелко, узко изученных тем
не совпадают итоги...

*Вглубь и виширь посмотреть,
чтоб затем
переписать эпилоги,
чтоб в терема теорем,
в расчётов сухие чертоги,
дбгматов путая тоги,
жизни ворвался экстрем!*

28 июля 1998

Благодаря появлению описания официально зарегистрированного патента удалось осуществить ещё ряд публикаций, важнейшая из которых состоялась *ровно через 40 лет после «Озарения»*. В 1998 году Санкт-Петербургский *Научный центр Истории идей* Института истории естествознания и техники Российской Академии наук (РАН) издал к 275-летию этой Академии Альманах «Философский век». В нём помещена моя большая научная статья под названием «*“Маленькая“ философская модель*».

РЕАЛЬНОСТЬ

Мир существующий, реальный –
наш здешний Мир не идеальный –
творил его тот Дух опальный,
что Демоном был наречён
и на скитанья обречён?
Находкой стал он гениальной

вслепую ищущей Природы
среди Эволюции даров?

Нам не оставлено свободы
для выбора иных Миров...

15 сентября 1999

[71]

ВИРТУАЛЬНОСТЬ?

Наш Мир, порою невозможный –
какой-то странный, незнакомый –
ответ, давным-давно искомый?

Желал его Творец неосторожный?
Иль, может, получил случайно,
умножив наши муки, изначально
и Сам того, наверно, не желая?

Чья Воля, добрая ли...? злая...?
ответственна за этот Мир реальный –
один из мириадов вариантов
Вселенной звёздных бриллиантов?

Наш Мир, возможно, просто виртуальный?

15 сентября 1999

СЛЕДЫ ВРЕМЕНИ

Из камня твёрдого ступени без конца –
и вверх, и вниз ведёт бесстрастный путь...

У Времени не видим мы лица –
кому дано в лицо ему взглянуть?

Шаги, шаги... И пылью на подошвах
частицы камня оседают в прошлом,

как символы истаявших мгновений –
шагов давно ушедших поколений.

Камням истёртым можно и поверить –
в них летопись бессчётных изменений.

Но глубиною впадин тех ступеней
возможно ли поток Вре́мён измерить?

4 января 2000

ОТКУДА Я?

Кто в этот Мир забросил жизнь мою –
слепая ли случайность, провиденье?

Не всё ли мне равно?

Им равно незнакомо снисхождение.

С годами всё ясней осознаю,
как мало знать дано.
На лезвии Небытия стою...

Нахлынули раздумья эти разом,
и бьётся в сумерках бессилья разум.

16 мая 2003

СКОРОСТЬ МЫСЛИ

*Шлют мне посланья далёкие звёзды –
шепчут, мерцаая...*

Тысячи тысяч столетий земных
жду их привета.

*Медленно слишком идёт он ко мне –
со скоростью света.*

*Мысли не знают того
скоростного предела –*

*до черепаших движений фотонов
какое им дело?*
Миг – и попалась звезда
в невесомую сеть.

*Мысли в глубины Вселенной
способны лететь,
в безднах межзвёздных
блестящие нити свивая,
где замыкается Мир
без границ и без края.*

2005

УСКОРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

*Рванулось Время, устремилось в пропасть,
пропеллером гигантским всё сметая.
Одна его невидимая лопасть
меня настигла, смяла, подавила,
дала почувствовать – уже не та я,
какой была когда-то... Эта сила
превыше всех иных природных сил.*

*Кто и когда бы Время не просил
замедлиться хотя бы на немного –
уввы, всё тщетно! *Времени дорога
свивается безжалостной спиралью.**

*Ужели никогда узнать нам не дано
куда Стрелу свою направит Время?
Конец с Началом не сомкнёт оно?
Что там, за этой невозможной далью?*

26 февраля 2006

[73]

Д и П / 2018

Генриетта Ляховицкая

*Вселенной прекратился сон –
безмерный, чёрный
с золотом цветок
расцвёл.*

13 апреля 2007

[75]

В 2008 году вышла, наконец-то, в «большой свет» моя монография «Генер. Модель мироздания». Книга выпущена издательством Алетейя, СПб, в серии «ТЕЛА МЫСЛИ» под эгидой Международной Кафедры (ЮНЕСКО) Научного центра РАН. От «Озарения» до этого события прошло ровно полвека, но моя очарованность философией не уменьшилась ни на йоту. Мало того, «непрерывное думанье» продолжалось, пробудив во мне материалиста и энергетика, понимающего толк в физических процессах. Это привело к новому «Озарению» – стало очевидно, что не о «повороте стрелы времени» следует говорить, а о «повороте стрелы процесса».

Осмысление этого факта, сомнение в состоятельности определения пространства и времени как философских категорий и анализ причин затяжного кризиса в теоретической физике привели меня к убеждению, что физическое время не существует. Результатом стала работа: «Гипотеза ахрональности природных процессов. Универсум– процесс существования энергетического континуума». В гипотезе предлагается: отмена констант, содержащих единицы времени; замена пространственно-временных характеристик процессов на пространственно-энергетические; формула Универсума и его форма на базе генера.

*

И в науке, и в массовом сознании *пространство-время* с «лёгкой руки» великого Эйнштейна занимает непоколебимую позицию, бетонированную Теорией относительности. Но и великие могут ошибаться. Если в природе нет времени, значит ещё в начале прошлого века наука споткнулась о несуществующий барьер и по сей день топчется на месте. Человечество платит за это дорогую цену. Достаточно назвать эксперимент с аварийной системой Чернобыльского атомного реактора. При его планировании в расчёты входило *Время!*

*

ВЕЧНЫЙ СЛЕД МЫСЛИ

Созидателям «Тел Мысли»

Известно, бранные тела
и преходящие дела
уйдут, забудутся, погаснут,
и кажется, что всё напрасно,
и смысла в этой жизни нет...

Но всё же воспаряют к выси,
собой преображая Свет
и вечный оставляя След,
«Тела» блистающие «Мысли»!

Дневник завершён 28 апреля 2018.

[76]

Д и П / 2018

Поэзия и проза

[77]

Марина Овчарова

ДВЕ УЛИТКИ

Лиане Эли

Порхали бабочки над садом,
Жужжали пчёлы и шмели.
Чуть шевеля тяжёлым задом,
Ползли улитки-корабли.

Их было двое – две соседки.
Ползли, не глядя на других,
По заскорузлой старой ветке.
А сад в безмолвии затих

Для них двоих. Их цель манила –
Вишнёвых ягод благодать.
Природа царственно застыла,
А вишен было не видать.

Пчела в то время пролетела,
Спросила проходя, смеясь:
– Куда «торопитесь» без дела?
Не то что я, весь день трудясь.

Вослед улитки отвечали:
– Твой труд похвален, спору нет.
Как нет без радости печали,
Без темноты не вспыхнет свет!

Плоды поспеют ли, кто знает!
Кто доживёт до этих дней?
Мы ж наслаждаемся мгновеньем
Печальной радости своей.

Вишнёвый сад цветенья полон,
Благоуханием любви.
По ветке царственно-безмолвно
Ползут улитки-корабли.

Берлин, 2017

ОН ЕЁ...

Он её по-своему любил.
Жаль по-человечески его...
Он её за что-то не простил,
Только вот не вспомнит ничего.

Он её всё время не прощал,
Не прощал за это и за то.
Лёгкий ветер листьями шуршал,
Злобно пробираясь под пальто.

Вызвездилось на небе окно,
Тихо вышел месяц из-за туч.
Было на душе его темно,
В голове была сплошная муть.

И тогда, подпрыгнув наугад,
Он, раскинув крылья, полетел.
В парках начинался листопад,
Ветер по аллеям шелестел.

Над спиной качались небеса,
За рекой мелькали тополя.
У дороги мёрзла стрекоза,
Покрывалась инеем земля.

Лёгкий ветер листья ворошил,
Тихо пробираясь под пальто...
Он её за что-то не простил,
Только вот припомнить бы, за что...

[79]

Брауншвейг, 2008

ТОЧКА

*Другу детства Ванечке Белечкову,
бравому капитану и первопроходцу.*

Я – маленькая точка
В бескрайнем океане.
Мечтаю, развалившись
На плюшевом диване.

К лияной табуретке
Привязываем парус.
Всё сбудется однажды,
Что глупостью казалось.

Берлин, 2016

ПО СКЛОНАМ ГОР

На склоне дня со склонов гор
Глазам откроется простор...
В полях посеян красный мак.
И это – знак.

Мы видим рощи и ручьи.
Мы смотрим сверху и молчим,

Свой давний помня уговор
На склонах гор.

Мы видим реки и поля.
В них отражается Земля.
Они отчётливо видны
Со склонов гор.

Там бьёт волна о край луны.
И мы на краешке волны
Плывём и думаем, что спим
И говорим.

Никем не слышен разговор.
Волна молчит.
Я не скучаю по тебе,
Ты просто в воздухе разлит –
По склонам гор.

Берлин, 2014

КАК ХОРОШО!

Как хорошо проснуться поутру,
Когда земля от солнца чуть остыла,
И встретить за порогом кенгуру
И молодого злого крокодила.

Как хорошо над садом полететь,
Присесть на ветку в парке за домами.
Мне по дороге встретится медведь,
Завяжется беседа между нами.

Как хорошо стучать по мостовой
Серебряным копытцем быстрокрылым...
Какое счастье быть самой собой,
Пока земля от солнца не остыла.

Берлин, 2017

КАНИКУЛЫ

Моим забытым подружкам

В шесть часов уже темно.
Занавешено стекло.
Свет горит в окне трамвая.
Во дворе моём большом
За углом фано играет.

[81]

У стены дрожит фонарь.
Город тихо засыпает.
Шумных улиц угасает
Ненасытный разговор...

Сколько лет прошло с тех пор,
Как с тобой, держась за косы,
Мы бежали – ноги босы –
По булыжной мостовой?

Над мостом кричали чайки.
Мальчик в полосатой майке
Важно с удочкой стоял
И задумчиво молчал.

Мы бежали за трамваем
Мимо булочной и чайной.
Всё казалось нам смешным.
А трамвай звенел вдогонку
Двум троллейбусам зелёным
Или светло-голубым?

Два кота дрались за кошку.
Из подвалов и окошек
Лился золотистый свет..
Мы бежали за трамваем.
Мы с тобой тогда не знали,
Что назад дороги нет.

Берлин, 2017

НЕВНЯТНАЯ ЛЮБОВЬ

Твоя любовь была невнятна.
Она невнятна и теперь.
Она не знала, что крылата,
И что раскрыта настежь дверь.

Вбегай, влетай, когда захочешь.
Кружись над лесом и гумном.
Уйди, не дожидаясь ночи.
Вернись, когда ещё темно.

Заря в полнеба необъятна,
Как сказочный огромный зверь.
Но как была любовь невнятна,
Такой осталась и теперь.

Берлин, 2017

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

На вечерний пир
Прилетел вампир.
Уселся за стол,
Уставился в пол.
Блестит на столе
Фарфор и хрусталь.
В красном вине
Плещется сталь.

Сталь и свинец.
По углам горят
Лампады сердец.
На столы глядят.
Крылья сложив,
Спускаются гости.
Кто ещё жив,
Укрепляй кости!

Собирай силы
В последней горсти!

На краю могилы
Узнаем новость:
Жил не напрасно,
Шёл в бесконечность.
Только осталось
Переплыть речку.
А там уж просто
Расправить плечи,
Стряхнуть коросту –
Прощай, вечер!

Берлин, 2017

ВСТРЕЧА

В луже отражалось солнце, и я думала, что это небо.
В луже отражалось небо, и я думала, что это море.
Вокруг был раскидан строительный мусор.
И я думала, что это горы.

Однажды я огляделась вокруг и увидела небо.
Я посмотрела вперёд и увидела море.
Я обернулась назад и увидела горы.
И по склонам гор – оливковые рощи.

Ты спускался по горной тропинке
Между цветущих авокадо.
На тебе была соломенная шляпа.
Ты давно наблюдал за мной, ожидая момента,

Когда я посмотрю вокруг и увижу небо.
Взгляну вперёд и увижу море.
Обернусь назад и увижу горы.
И по склонам гор – оливковые рощи.

И тебя в соломенной шляпе,
Спускающегося по тропинке
Между цветущих авокадо.

Берлин, 2014

Анжелла Подольская

ПОСТОЯНСТВО НЕПОСТОЯНСТВА

[84]

*«Дано мне тело – что мне делать с ним...
Таким единым, и таким моим?»*

О. Мандельштам

Всякий раз во время ссоры Соня убегала в ванную. В пылу обиды опасалась сказать нечто, после чего примирение стало бы невозможным: «Да что же это? Почему он не хочет хотя бы немного считаться с ней?» И в этот раз не смогла унять дрожь в теле. Открыла кран – звук льющейся воды немного успокоил. Понимая, что бессильна что-либо изменить, заставила себя сосчитать до ста, двухсот, трёхсот, пока не услышала, как хлопнула входная дверь. Выйдя из укрытия, обнаружила, что вещи в комнате разбросаны. Рядом с компьютером – остатки еды, неубранная посуда. Игоря не интересовало то, что она работает дома и что нужно, хотя бы, не мешать. «Ну, вот. Всё, как всегда, – мысленно констатировала она. – Возможно, он делает это нарочно, чтобы её разозлить?»

Склонная к самоанализу, она постаралась направить ход мыслей в другое русло, но те упорно возвращались к взаимоотношениям с мужем. Время убегало, Соня хотела ребёнка. Врач уверял, что она – практически здорова, анализы и гормональный фон – в норме. За пять лет брака так и не смогла убедить мужа тоже сходить к врачу. Он настаивал, что причина бесплодия – в ней. Как только она касалась этой темы, разгорался скандал:

– Ты – не способна. Но пытаешься свалить вину на меня. Если тебе так уж необходим ребёнок, сходи «налево». Разрешаю. Уверен, результат останется прежним.

Во время сегодняшней ссоры она пригрозила мужу разводом.

– «Напугала ежа голым задом», – парировал он. – С превеликим

удовольствием. Посмотрим, найдётся ли на тебя хоть какой-нибудь любитель? Может быть, старичок, эдак, семидесяти пяти...

Эти слова ранили более всего. Она ужаснулась своей зависимости от близкого человека: «Надо на что-то решиться. Пора. Ещё год, другой, и менять что-либо будет поздно».

– Всё. Иду подавать заявление, – сказала вслух, чтобы утвердиться в собственном решении.

Квартира досталась Соне от родителей. В старом доме, но изолированная. Две небольшие комнаты с окнами во двор, столь близко расположенными к рядом стоявшему дому, что порой подглядывание за чужими жизнями становилось неприличным. Зато кухня – царская, пятнадцать квадратов и с балконом.

Выйдя из подъезда, ощутила приход зимы, которой предшествовал почти месяц слякоти. Падал снег, подморозило. Стало трудно дышать, впрочем, как всегда от перепада температуры или, когда начинала нервничать. Вернувшись в подъезд, воспользовалась ингалятором, – у неё была астма. Отдышавшись, вышла на улицу и, не глядя по сторонам, пересекла двор. Было стыдно, казалось, все знают, куда идёт.

«За пять лет не удосужилась прописать. Если случится недвижимое – придётся возвращаться к родителям», – думал Игорь. Даже справедливости ради не хотел признаться себе, что в первые годы их брака Соня настаивала на его прописке. Но родители, ожидая получения новой квартиры, убедили его – не торопиться. Если «любимая» жёнушка осуществит угрозу, тогда даже перед приятелями он не сможет козырнуть своим «благоденствием»: «Квартиру и имущество оставил жене».

В Загсе были приёмные часы, но пришлось прождать около часа, пока подошла её очередь. Красная от смущения, подала заполненную анкету. У Сони были очень «близкие» слёзы – едва сдерживалась, чтобы не расплакаться, отвечая на вопросы не совсем бесстрашной служащей. Промелькнула мысль, что служащая – «синий чулок» и, вероятно, радуется, что в её «полку одиноких женщин прибыло».

Выйдя из Загса, Соня остановилась: «Куда пойти?» Возвращаться домой не хотелось – не могла сейчас думать о работе. Рядом с Загсом – парикмахерская. Спонтанная мысль, и Соня решительно открыла дверь.

– Вы по записи? – спросила служащая, принимавшая заказы.

– Нет, я просто...

– Но у нас только по записи. Все мастера сейчас заняты...

– Понимаю. Мне очень нужно. Пожалуйста...

– Послушайте, гражданка! Вы меня с ума сведёте. У нас элитная парикмахерская, клиенты ждут иногда неделю-другую.

– Оставь женщину в покое, – сказала мастер у ближайшего кресла. – Пусть посидит, я её возьму.

Соня, уже готовая расплакаться, благодарно улыбнулась в ответ. Повезло, мастер вскоре освободилась, очередная клиентка запаздывала, и Соня оказалась в кресле.

Через полтора часа парикмахер, смеясь, сказала:

– Ну вот, как просили, теперь вас родная мать не узнает.

– Не узнает. Она умерла. Эта завивка долго продержится?

Из зеркала на Соню смотрела совершенно чужая женщина. Гладкие темные волосы, которые резинкой стягивала в пучок, теперь обрамляли лицо короткими, золотистыми прядями.

– Долго, – ответила парикмахер.

– А цвет? Я смогу, если захочу вернуть свой, прежний?

– Всё, что захотите. Любой каприз за ваши деньги.

На улицу Соня вышла обновлённой, впервые поменяв цвет волос. Вроде бы, душу перекрасила.

Первое впечатление своей изменившейся внешности решила проверить на Лиле, школьной подруге.

– Ой, Сонька, привет! Хорошо, что пришла. Ты что, спятила? – вскрикнула Лиля, когда Соня сняла вязаную шапочку.

– Утешила, нечего сказать!

– Что за цвет? Жуть какая-то. Решила изменить «имидж»? И эти кудряшки? Мадам, где твои длинные волосы?

– Остались в парикмахерской.

– Они же денег стоят. Могла бы шиньон сделать.

– Ну что ты говоришь?

– А что? Адекватно реагирую на ситуацию. Кризис среднего возраста?

– Почему среднего? У нас ещё продолжается молодость. Правда, не первая, но всё-таки...

– Да, подруга! Ты – сумасшедшая. С первого класса тебя знаю, но чтобы так кардинально?! С Игорем поцапалась?

Не ответив, Соня подошла к детской кроватке и встретилась с детским взглядом Лилиной дочери.

– Моё золотко! Это тётя Соня, – проворковала Лиля. – Хочешь, возьми её на руки.

– Я боюсь таких маленьких. Сколько ей? Уже полгода? Здорово! Вроде, только недавно к тебе в роддом приходила.

– Слышала поговорку: «Чужие дети растут быстро». Ладно, рассказывай! Что случилось?

– Так... – уклончиво ответила Соня. – Всё без перемен. Ты как?

– Ой! Кормления, купания, стирка. Некогда поесть. Жить – некогда. Не рожай, Сонька. Это – какой-то кошмар. Господи, что я несу? Прости. Не слушай меня, ненормальную.

– В самом деле, ненормальная, – улыбнулась Соня.

В это время девочка засопела и расплакалась.

– Моя ты, радость! Мамочка здесь, сейчас возьмёт своё сокровище. Сейчас. Нам уже шесть месяцев. Мы – красавицы... Мы – большие... Скоро «топ-топ» ножками...

Пока подруга мыла и пеленала дочь, Соня размышляла о том, что для родителей их дети – всегда самые лучшие, самые красивые. Лилина девочка была отчаянно некрасива. Точная копия своего отца, лопухая, с широко расставленными, узкими глазами. До года цвет глаз у ребёнка может измениться, но расстояние между ними – никогда.

Соня не поделилась с Лилей новостью о разводе. Сама её до конца ещё не осознала. И не удивительно, что именно сейчас она не могла быть свидетелем чужой радости.

Вернувшись домой, обнаружила, что мужа нет: «Наверное, пьют в мастерской. Впрочем, может, и не пьют, но там опять крутятся бабы». Жена одного из художников, с которым Игорь делил мастерскую, как-то убеждала нагряться туда внезапно. Вывести мужей, так сказать, на «чистую воду». Соня отказалась. «Подозревать... Выслеживать...» было ей омерзительно. В последнее время она задавала себе вопрос: «Не ревнует мужа, стало быть – не любит? Или просто устала от постоянных ссор?»

Соня пока не решила, скажет ли Игорю о поданном заявлении. Возможно, через три месяца просто объявит: «Ты сегодня выезжаешь». Она могла долго терпеть, но потом, вмиг, – «отрезать». Когда-то жизнь её менялась на стыке весны и лета, теперь – почти середина календарной зимы, и Соня готова была перешагнуть через общественное мнение, что «разведёнка» – это нехорошо.

Подошла к окну, но не смогла сосредоточиться на игре, которую придумала. Когда от долгой работы за компьютером у неё уставали глаза или немела спина, поднявшись, слегка разминалась, потом, укрывшись за шторой, наблюдала за окнами в доме напротив. Придумывала героев, обитавших там, их жизнь. Развитое воображение

нашёптывало: «Могла бы стать неплохой писательницей». Но, будучи «компьютерным червём», как называла себя, не мыслила жизни без чётких аббревиатур командных текстов, без байтов и битов, безо всей этой сложной математической казуистики.

Игорь вернулся за полночь. Обнаружив подушку и плед на кресле в столовой, рассмеялся:

[88]

– Выселила из спальни? Плевать.

Проснувшись утром следующего дня, увидел Соню у компьютера:

– Работаешь?

– Половина десятого. Завтрак на кухне.

– С какой стати? Я хочу послушать новости.

– Включи радио на кухне.

– Послушай, что за диктат? Мне надоело!

– Никто никого здесь не удерживает...

– Ты... – Игорь осёкся под спокойно-жёстким взглядом жены.

Соня не хотела продолжать спор и поразилась неизвестно откуда взявшейся уверенности, что всё делает правильно.

– Наверное, твоя дура что-то «напела» Соньке, – с порога обрушился Игорь на друга, ворвавшись в мастерскую. – Выселила меня из спальни. Представляешь?

– Привыкай, – рассмеялся друг. – У меня так каждую «среду» и пятницу. А твоя взбрыкнула впервые. Не страшно.

– Не сравнивай... Соня – умная. Не шпионит. Не подглядывает. Но, если узнает – терпеть не станет. Надо немного осадить... Позвони тем дамочкам, чтоб не появлялись пока.

– Дурак ты, Игорь! Бабу воспитывать надо. А ты идёшь на поводу.

– Забыл о моей ситуации? Возвращаться к предкам, ежели что?

– Так ты только ради прописки?

– Прописку никто не отменял... Существуют браки, заключаемые, чтобы перебраться из деревни в райцентр, из района в область, а ещё лучше – в столицу. Не мой случай, дружище! Пять лет... Хоть на что-то я могу претендовать?

– На «дырку от бублика». Если не пропишет.

Фирма, где работала Соня, была небольшой. Таких надомников, как она, было десятка полтора. Эти рабочие взаимоотношения устраивали всех, а использование собственной техники и электричества покрывалось премиями. Свои программы Соня отправляла по электронной почте. Как правило, они почти не требовали доработок.

Иногда проводили общие собрания, присутствие на которых было обязательным. Обсуждались будущие разработки в разных отделах, всякие административные вопросы. Как водится, кого-то из сотрудников ругали за задержку в разработках математического обеспечения. Часто собрания превращались в сплошную текучку, в «посиделки», скучая, люди поглядывали на часы. Соня всегда выбирала место подальше от начальства, абстрагируясь от происходящего и погружаясь в свой внутренний мир. В этот раз в её иллюзорном мире было тихо-тихо, но это была, скорее, кричащая тишина. Спонтанно сложились строки:

*«Эти долгие зимы, –
Дни скользящие мимо.
Эти острые ветры, –
От луны до рассвета.*

*Замирали все звуки, –
Ни звонка и ни стука.
Тишина не молчала –
Тишина открывала».*

Услышала, как сидящие позади мужчины, посмеиваясь, обсуждают кого-то из присутствующих женщин: «Слушай! А она ещё ничего». – «Думаю – для мезозойского периода, вполне». – «Ну, ты и хватил... Знаешь, я видел, как она рыдала об ушедшем любовнике». – «И что с того? Слезы – женская привилегия».

Соня обрадовалась: «Не о ней!». В голове промелькнула едва уловимая трагикомедия, неведомо о ком:

«Боясь не упустить ничего доступного, поспешность их взаимоузнавания скользила мимо чего-то самого важного. В Её сознании Его образ не имел чётких очертаний, которые могли бы помочь найти слова для размышлений. Пытаясь заполнить призрак ночи обрывочностью воспоминаний, соединяла их в нечто целостное, но это не помогало. Лишь вызывало тоску при мысли о завершённости случайных встреч, не претендовавших на романтичность. Тоска сменялась печалью: Его присутствие в Её жизни стало иллюзией...»

Чей-то низкий, грудной голос молил о чём-то невыразимом: «Бесаме, бесаме мучо». Голос рвался и плакал, в воображении возникла тропическая птица, щёлкавшая клювом. На дне звучавшего голоса – солнце, море и что-то ещё... Возможно, какой-нибудь сочный фрукт, истекающий сладким соком...»

Окрик: «Все уснули? Или каждый занимается своим делом?», – вернул Соню к реальности. Объявили о расширении их фирмы, арендовавшей освободившийся этаж, и о прекращении надомных работ после ремонта. В заключение, собрали по рублю с женщин, с мужчин – по три, чтобы «достойно» отметить 23-е февраля и 8-е марта. Уже в лифте кто-то из коллег положительно оценил перемены в Сониной внешности, кто-то недоумённо пожал плечами. Один из коллег сказал:

– Мои поздравления, Соня! Вас сегодня похвалили за профессионализм в работе. Молодец.

– Серьёзно? – удивилась она. – А я не слышала. Не расстраивайтесь, в следующий раз отметят вас, меня поругают. В соответствии с законом о «Сохранении энергии»...

Позвонив институтской подруге, Соня напросилась в гости. Открыв дверь, Лара всплеснула руками:

– Сонька, тебя не узнать! Здорово! Помолодела лет, эдак... Ой, не знаю. Помолодела и всё. Помнится, эту юбку ты носила ещё в университете. Могла бы, наконец, выбросить.

– Что тебе не нравится? Замечательная юбка. На века.

На кухне заварен чай. На столе – яблочный пирог. Уютно, тепло. Соня расслабилась, слушая подругу в пол уха.

– Представляешь, казалось бы, ну пролетел со своей балериной... Какой нормальный мужик женится на балерине? Только идиот. Но Лёнька ведь не идиот. Оказалось, ещё какой! Тут – лотерея. Не угадаешь... Ты же знаешь, женился вторично. Такая скромница, маменькина дочка. И что? Оказалось, гадость та ещё... Забрала Машку и сбежала. Кстати, не в первый раз. Даже её родители в шоке. О наших молчу. Мама два месяца – с сердечным приступом. У отца только желваки «ходят». Они Машку обожают, от меня внуков вряд ли дождутся... Лёнька – в депрессии, вернулся жить к родителям. Свою, кооперативную, решил оставить Машке. «Для дочери», – твердит. Ну, не дурак ли? Да что с тобою, Сонь? Почему слёзы?

– Я развожусь, – уже не сдерживаясь, разрыдалась Соня. – Подала заявление. Игорю не сказала. Получит повестку на родительский адрес, тогда и узнает. Вот такие дела, подруга.

Лариса молчала, «переваривая» новость. Потом мысль её лихорадочно заработала, она заговорщически улыбнулась:

– Это же прекрасно. Твой «нарцисс» никогда мне не нравился. И не такой он хороший художник. Так... Ширпотреб... Прости за откровенность. Помнишь, когда мы поступили в университет, тебе очень нравился мой Лёнька? Ты ещё всегда краснела при нём. Он разведётся,

ты... А чего, спрашивается, ждешь? Сейчас ему и позвоню, – Лариса бросилась к телефону.

Соня выхватила трубку из её рук:

– Лара! Прекрати немедленно. А то уйду, больше меня не увидишь. Забыла? Я никогда не нравилась твоему брату.

– Не нравилась. Он же относился к тебе, как к ребёнку. И ко мне, хотя я старше тебя на пять лет. Помнишь, как орал на нас: «Пошли вон, малолетние дуры».

– Помню, – расхохоталась Соня. – Мы подслушивали его трёп с очередной пассией. Ладно. Оставим это. Я ребёнка хочу. Прекрасно понимаю, дети – плод страсти, а не мыслительного процесса. Но, что делать, если страсть не предвидится?

– Ты заиклилась на детях. Будут ещё. Куда денешься?

– Не уверена. У меня всё как-то *постоянно непостоянно*.

Каждое утро, при виде спящего с широко раскрытым ртом, мужа, Соню посещала одна и та же мысль: «До чего беззащитно выглядит этот «экземпляр», когда спит. Было бы неплохо, хоть на мгновение, перекрыть ему кислород. Чтобы стёрлись из памяти и причинённая им боль, и растраченная на него нежность. Чтоб осталось лишь хорошее. Было ли оно? Хоть один день была «за мужем»? Хотелось поскорей вынести такое замужество *за «скобки» своей жизни...* Игорь, стройный и гибкий, как лоза, сильный и пластичный, иногда – с порочной речью, был наделён некоторым актёрским дарованием, донжуанским ореолом безотказной любви – всё это пленяло и подчиняло. Соня не могла знать, что им, до мельчайших подробностей, была продумана стратегия покорения женщин, которую он применил и при знакомстве с ней. Несколько раз встретиться, заинтриговать, потом, исчезнув, долго не отвечать на звонки. Затем неожиданно появиться, назначив свидание, перенести его или вовсе отменить. Все эти манипуляции с чувствами женщины обычно давали желаемый результат. И с ней всё произошло именно так: ровно через три месяца Соня стояла «коленипреклонённой» перед ним. В переносном смысле, конечно. А, возможно, и в буквальном...

В её дневнике, в который с некоторых пор она записывала своё сокровенное, появилась запись:

«Любовь иногда приобретает причудливые формы: она может быть и стихами, и прозой. Даже бессмысленными фразами, пустым телефонным разговором. Только не кричащим безразличием. По законам природы, каждое явление заканчивается своим антиподом. Буря –

затишьем. Полнолуние – темной. Неужели любовь заканчивается ненавистью?

[92]

После знакомства с тобой, первое, что после пробуждения приходило в голову, тут же записывала в тетрадь. Твоё имя, сколько времени тебя уже нет рядом. На это уходило всего несколько минут, но и потом, целый день, постоянно думая о тебе, представляла, как ты войдёшь, что скажешь... Я гипнотизировала тебя на расстоянии, заставляя появиться... Это были «Невстречи» с тобой. Лучше бы всё так и осталось... Любовь оказалась мне не по силам, была сокрушена твоим равнодушием...»

Д и П / 2018

Игорь испытывал противоречивые чувства. Как женщина, Соня давно его не интересовала. Но она была хорошей женой, хозяйкой: «Что ещё нужно для нормальной, семейной жизни? Любовь можно получать и на стороне». Правда, в моменты ссор их семья напоминала грозу. Но и с этими издержками он готов был смириться, пока не получит страховку в виде прописки. Родители всё ещё ожидали расширения жилья, он почти рассорился с ними. Чувствовал, что явно останется у «разбитого корыта». Он не думал, что Соня осуществит свою угрозу о разводе. Хотя, интуиция о чём-то предупреждала... «Следует наладить отношения, помириться», – решил он. Пришёл домой рано, приготовил ужин, накрыл стол. Когда Соня вернулась, свеча на столе почти догорела

– Хватит дурить, Сонька. Давай ужинать. Знаешь, ты права. Я согласен на обследование, хотя уверен, что в этом нет необходимости. Причина не во мне.

– Спасибо, сыта. По поводу обследования – согласна с тобой. В нём уже нет необходимости...

– Что ты хочешь сказать? – сорвался на крик Игорь. – Ну и катись...

Первое время Соня всё ещё сомневалась в правильности своего решения. Но, всё дальше отдаляясь от мужа, поняла – её брак исчерпал себя. Интим с ним казался непереносимым. «Больше никогда не лягу с ним в постель», – думала она. Многолетняя зависимость постепенно исчезала. Она старалась выглядеть эмансипированной женщиной, хотя, общественное мнение играло для неё не последнюю роль.

Лариса изводила Соню звонками:

– Мы должны форсировать. Мой братец в очередной раз может на ком-нибудь жениться. Скоро юбилей у отца, тебя пригласят. И не никакой. Будем делать вам семью. Хочь быть уверенной в Лёнькином

Поэзия и проза

будущем. Ты-то от него никуда не денешься. Кстати, он недавно защитил докторскую. Так что, я тебе не самый худший вариант подсовываю.

Соня попыталась возразить, но раздалась длинные гудки.

Накануне 23-го февраля позвонили с работы и сообщили, что мужской и женский праздники решили объединить – заказано кафе. Явка обязательна.

«Придурки, – подумала Соня. – Сгоняют, как на собрания». Пришлось пойти. Глава фирмы произнёс поздравительную речь. Он был немногословен и вскоре исчез. Один за другим следовали тосты, включили музыку:

– Танцуют все! Кавалеры приглашают дам! Дамы не стесняются и тоже приглашают... – требовательно кричал тамада.

– Слава Богу! Хоть петь не заставляют, – сказал молодой, интересный мужчина, сидевший рядом с Соней. Весь вечер он ухаживал за ней. Наполняя бокалы, рассказывал всякие смешные истории. Она опьянела и хохотала, как дура.

Когда вышли на улицу, он взял её под руку:

– Дурацкая затея – подобные сборища. Не находите? Поедемте-ка лучше ко мне на дачу, закатимся в глушь. Там сейчас волшебно. Зима разрисовала стёкла... В доме есть камин, вино... Соглашайтесь, прошу вас...

– Вы – новенький? Я даже не знаю вашего имени. Послушайте, почему вы всё время так смотрите на меня? Как вам пришло в голову сделать даме подобное, столь «лестное», предложение?

– Виноват, не хотел вас оскорбить. Вероятно, эффект выпитого или недостаток воспитания. Вы – красивая женщина, в вашем взгляде промелькнуло нечто... Возможно, покажется странным, но моё приглашение – от чистого сердца...

– Мы действительно много выпили. В таком состоянии трудно трезво рассуждать. Вернётесь из своего захоlustья, вот тогда, «на свежую голову», и приходите со своим сердцем. А пока – тайм-аут... И отдайте, наконец, мою руку...

Пошатываясь, Соня села в подъехавшее такси. Мужчина что-то прокричал, но она уже не расслышала...

За окном, в пелене снега, проплывали силуэты людей, домов, машин. Она с облегчением думала о всякой ерунде, стыдила себя, что так напилась.

«Любимого» мужа дома не было. Поздний вечер пятницы. Раньше мечталось о длинных, свободных вечерах, когда можно было бы с книгой и горсткой барбарисовых леденцов залечь на диване... Оказалось, для этого необходимо всего лишь хорошее настроение. Соня «раскла-

дывала» свои чувства по «полочкам». Как оказалось, у неё было много «полочек»: для любви, боли, тоски, памяти... Оставалось ждать, симулируя благополучие. Притворяться даже перед собой: «Я кайфую. Мне не скучно наедине с собой. Глупости всё это. Нужно работать, а не дурью маяться». Включив компьютер, попыталась сосредоточиться, но выпитое вино мешало. Мысль: «Жить сегодняшним днем, – уже не казалась слишком безнравственной. – Кто сказал, что женщина, не имеющая детей, проживает жизнь впустую?»

В минуты душевного смятения она всегда вспоминала родителей, которые рано *ушли*. Отца, читавшего ей перед сном сказки. Так хотелось вернуться *туда*, в детство.

Почему-то вспомнился сегодняшний собеседник. Трудно было объяснить себе, к какому типу мужчин отнести его... Его речь, несмотря на то, что он весь вечер балагурил, была безупречной. Природа одарила его стройной фигурой, обаянием и дерзким взглядом. От него исходил магнетизм Дон Жуана или Казановы... Даже то, как было наброшено его чуть расстёгнутое пальто, хорошо сидящее и из хорошей ткани, добавляли штрихи к его портрету. Психотип мужчины, который, несомненно, может вызвать интерес...

Выключив свет, она подошла к окну. В интерьере комнаты в окнах напротив ссорились женщина и мужчина. Их лица трудно было различить, но Соня наглядно знала этих людей, встречая во дворе. Действия обоих были недвусмысленны. Они даже не погасили свет, хотя, могли бы догадаться, что хорошо видны из дома напротив. Мужчина пытался раздеть женщину – она сопротивлялась... Соне стало стыдно, что подглядывает, она отошла от окна. Импульс воображению был дан, остальное легко дофантазировать, но она заставила свои мысли переключиться на другое.

На следующий день Соня проснулась от посторонних голосов. На диване в столовой сидели родители Игоря. Он нервно курил у окна.

– Ты подала на развод? Вчера принесли повестку. Я жду объяснений, – закричала свекровь.

– Объяснений? Извольте... Мы не можем более жить вместе. Я ухажу от вашего сына.

– Уходишь? Что ты возомнила о себе?

Соня грустно улыбнулась, и это ещё больше распалило свекровь:

– Ты отдаёшь отчёт своим словам? Думаешь – выкрасилась, и за тобой очередь выстроится? Кто на тебя позарится? Бесплодная, безликая дурнушка. Что нашёл в тебе мой сын? Ты оказалась не способной создать нормальную семью, не смогла родить ребёнка...

– Мама, прекрати... – попытался вмешаться Игорь.

– Замолчи, тряпка несчастная, подкаблучник! Столько лет впустую... Теперь она хочет тебя вышвырнуть, оставить без квартиры? Это мы ещё посмотрим... Я не позволю...

– Так вот, оказывается, в чём дело? – рассмеялась Соня. – Тогда, громадное спасибо, что именно вы не разрешали сыну прописаться здесь.

– Ах, ты дрянь! Он, что же? Вещь, игрушка, от которой можно избавиться? Думаешь, не найдём на тебя управу? На коленях ещё приползёшь. Не сомневайся.

На фоне бури, бушевавшей внутри, не пролив ни слезинки, Соня говорила, не повышая голос. Это так действовало на свекровь, что, окончательно забывшись, она распалялась ещё больше, извергая оскорбления и проклятия в адрес невестки, провоцируя и пытаясь вывести её из себя. Чтобы прервать этот бранный поток, Соня вышла в коридор, открыв входную дверь:

– Полагаю, все уже поняли, что «Рубикон» перейдён. Обсуждать более нечего. Я никого не приглашала к себе и не задерживаю. Прощу – на выход...

– Сволочь! Выгоняешь? Ничего-ничего. Мы ещё встретимся с тобой...

– Не сомневаюсь. До встречи в суде.

Когда дверь за родителями мужа закрылась, Соня обернулась к нему:

– Тебе тоже лучше уйти. Я соберу твои вещи и сообщу, когда за ними заехать.

К вечеру у неё началась лихорадка, поднялась температура. Теснило в груди, пришлось вспомнить об ингаляторе. Она и представить не могла, что таким окажется финал её брака: «Последний акт «Божественной комедии»? Как, однако, глупеет женщина, подпадая под обаяние мужчины, который предлагает идти замуж... Идеализируя придуманный образ, столь долго не замечать, что за ним ничего настоящего нет». Она металась в бреду, сквозь который сложились стихи:

*«Унеси меня, ветер...
Унеси далеко.
Замети, вьюга...
Заморозь сердце.
Пусть оттает оно
Через много лет...
Когда память моя
Всё забудет...»*

Несколько дней провалялась в постели, не могла ни работать, ни здраво рассуждать. Немного придя в себя, позвонила подруге:

– Лара! Ты поговорила с братом? Ещё нет? А если он не захочет?

– Что значит не захочет? Заставим.

– Послушай, Лар! Не нужно никаких уловок. Говори с ним откровенно, скажи, что я в курсе твоих планов и согласна на встречу. Что не потащу его в загс. Во-первых, мы оба ещё находимся в браке. Я-то отстреляюсь быстро, осталось два месяца. У него, думаю, будут сложности. Ведь там – дочь. Если он согласится, сможем попробовать... Просто встретиться. Знаешь, «клин клином». Ладно, позвони, когда что-то прояснится.

Бродя по квартире, Соня ждала звонка. То уговаривала себя, что всё делает правильно, и не нужно притворства. То ужасалась самой себе, понимая, что впереди – череда неловких ситуаций: «Ей бы наслаждаться будущей свободой, а она... Дура – душой». Решила не торопить события: как сложится – так сложится...

Лариса позвонила утром:

– Всё. Договорилась.

– Согласен? Лар, а я боюсь. Может, ну его... Знакомство это... Думаешь? Ладно, не надо никаких смотрин на юбилее твоего отца. Дай мне номер его телефона, сама позвоню. Как видишь, осмелела...

Соня набрала телефон Леонида:

– Здравствуйте, Лёня! Да, Соня, бывшая «малолетняя дура», как вы когда-то меня называли. Правда, я несколько повзрослела, но душой, вероятно, осталась.

Он ответил так, будто её звонок был ежедневным:

– Здравствуйте, Соня! Рад слышать. Не могли бы вы подождать минутку? – Через минуту в трубке раздался его голос. – А я отлично вас помню. Странно, что за все эти годы мы не пересеклись. Как ваш развод?

– А ваш?

Оба рассмеялись.

– Хотите знать подробности? – спросила Соня. – Нет? И я не хочу. Это всё – уже по другую сторону. Может быть, встретимся? Сложно разговаривать, не видя глаз собеседника...

– Согласен. Только до конца недели я занят. Бюрократия, связанная с диссертацией.

– Ой, Лёнь! Лара говорила. Поздравляю с защитой. Здорово!

– Спасибо. У меня, знаете ли, звание – по совокупности работ, ну ещё пришлось последние полгода что-то дорабатывать, слегка напрячься. Короче, начальство так решило. Сказали: «Хватит отсижи-

ваться». Соня, давайте сразу договоримся, где и когда. А, может, перейдём на «ты»? Не против?

Они ещё поболтали, думая про себя: «К чему всё это?»

Четыре времени года – четыре состояния души самой природы... На пороге весны...

Встретились в первый календарный день весны, на улице было холодно – настоящая зима. Леонид с трудом узнал в Соне симпатичную девчонку четырнадцатилетней давности. Он тоже изменился, облысел, пополнел, но был ещё привлекателен.

– Рад, что мы встретились. Вы превратились в красивую женщину... Прости. Ты превратилась. Сколько же тебе сейчас? Нет, нет... я сам. Ларе – тридцать семь. Ты, помнится, моложе лет на пять. Стало быть... Где-то, тридцать два. А мне скоро сорок пять.

– Понятно... Акценты расставлены, – улыбнулась Соня. – Какое значение имеет возраст? Мы не отправляемся по венец.

– Да, но я, как представитель точных наук, и ты, кстати, тоже... Хочу сразу обозначить перспективы...

– Мне кажется, – перебила она, – это не всегда уместно.

– Прости, ещё раз. Я, знаешь ли, зануда. Наверное, волнуюсь. А куда нынче можно пригласить девушку? Я давно никого никуда не приглашал.

– Не возражаешь, сегодня я буду гидом? Неподальёку есть кафе, там же – бар. Правда, сегодня – суббота. Возможно, не окажется свободных мест. Рискнём?

– Здесь неплохо. Правда?

– Вполне, – согласился он.

При ярком освещении, оба ощутили некоторую неловкость. Разглядывали друг друга, знакомясь заново. Было приятно находиться в тепле, когда за окнами завывал ветер.

– А знаешь, – прервала Соня затянувшееся молчание, – много лет назад я была в тебя влюблена.

– Я догадывался.

– Серьёзно? Я же скрывала. Или Лара рассказала?

– Ни в коем случае. Просто ты была из катастрофически краснеющих. От кончиков волос до самой груди. Когда я к тебе обращался, у тебя всегда краснели и уши, и нос, и всё остальное.

– Неправда. Только уши и лицо.

Смех разрядил обстановку. Вспоминая прошлое, находили его чудесным. А каким оно могло быть? Была юность, молодость...

Засиделись допоздна, пока официанты не напомнили о закрытии.
Выйдя на улицу, остановили такси. Соня назвала адрес. Когда подъехали к дому, спросила:
– Поднимешься?
– Не сегодня. – Проводив до парадного, поцеловал её в щёку, вернулся к такси и уехал.

[98]

В воскресенье, в полдень, – звонок подруги:
– Он ещё у тебя? Нет? Ну, рассказывай!
– Твоего брата нет, и не было. Рассказывать нечего. Посидели в кафе. Поговорили. Проводил до парадного. Всё.
– Ты серьёзно? Братец теряет квалификацию. Я ему шею намылю.
– Не вздумай! Вероятно, ему нужно всё обдумать. Может быть, испугался?

Леонид действительно испугался: Соня понравилась ему. Привлекала полуулыбка, спокойный взгляд, какая-то недосказанность, затаённость. Но он не искал новых отношений, страстные чувства были в прошлом. Судьба жены была ему почти безразлична. Она и раньше проделывала подобные трюки, но сейчас с нею была Маша – их дочь. Даже родители жены не знали, где находятся дочь с внучкой, а, может быть, и знали, но скрывали от него. Через несколько лет после женитьбы, Леонид узнал, что у жены – давнее нервное заболевание. С каждым годом оно прогрессировало, он отмечал в ней всё больше странностей. У него всё ещё была надежда, что её побег является лишь проявлением болезни.

После этой встречи Сонино настроение не улучшилось, Даже – наоборот... Она ещё больше запуталась в двусмысленности создавшейся ситуации. «Никакой депрессии!» – приказывала себе, и мысленно наметила некую грань, за которой непременно наступит новая жизнь. Проговаривала вслух слова Кафки: «Стой под дождём, пусть пронизывают тебя его стальные стрелы. Стой, несмотря ни на что. Жди солнца. Оно зальёт тебя сразу и беспредельно».

Тем временем с надомной работой было покончено. Каждое утро нужно было спешить на работу – за опоздание лишали премии. Рабочее место с тремя коллегами получила на новом этаже, в угловом кабинете.

Мужчина, приглашавший как-то «закатиться» с ним в глушь, оказался начальником вновь организованного отдела. Поговаривали, якобы, специально для него был придуман этот отдел. Внимания к Соне с его стороны продолжалось. Правда, на дачу он больше не приглашал,

но подсаживался к её столику во время обеденного перерыва в столовой. Предлагал пойти на выставку молодых художников или в театр. После работы поджидал её у выхода. Соня пряталась, используя другой выход. Решив положить конец его ожиданиям, как-то подошла и объяснила, что служебные романы в её планы не входят, тем более, с начальником. Он возразил:

– Во-первых, вы работаете в другом отделе. И недавно сами сказали, чтобы я вернулся со своим сердцем...

Соня в недоумении взглянула на него. Потом, вспомнив, улыбнулась:

– Милый мой! Мало ли, что может сказать опьяневшая женщина? Алкоголь иногда вскрывает скрытые инстинкты. Стоит ли придавать этому значение?

– Я не ослышался? Вы назвали меня «милым»? Уже кое-что. А знаете, вам идёт напиваться.

Кивнув, она направилась к метро, спиной чувствуя его взгляд.

Развели их с Игорем буднично, просто. Выйдя из загса, он предложил:

– Давай напьёмся? Отметим это событие.

– Разбежалась. И тебе не советую. Езжай-ка лучше домой.

– Подожди. Просто посидим, чаю вместе выпьем. В последний раз.

Его просьба тронула Соню, и они поехали к ней. Совместный ужин на её кухне теперь уже ничего не значил. Выпившего Игоря развезло:

– Не могу поверить, что у нас всё кончено. Ты останешься моим родным человечком!

– Ненавижу слово «человечек»!

– Ладно, прости. Ты, Сонька – человечиче. Знаешь, я многое переосмыслил теперь. Почему я поступал именно так, а не иначе? У всех нас – свои «скелеты в шкафу».

В этот вечер от бывшего мужа Соня узнала многое... Например, что в детстве, он болел «свинкой», детей иметь не может.

– Прости меня, скотину. Мать не разрешала говорить тебе об этом.

– Жаль, Игорь. Правда, жаль. Напрасно ты не рассказал в своё время. Возможно, наши отношения могли бы сложиться иначе...

Ни семьи, ни детей... «Пустоцвет, – пригвоздила к позорному столбу себя Соня. – Как могла она столь долго полагаться на человека, который ни разу не решился положиться на самого себя?»

Выпроводив Игоря, долго не могла заснуть. Иногда казалось – кто-то бродит по дому. Далеко за полночь, как будто, куда-то провалилась.

Ей редко снились сны. Иногда они запоминались, но она не пыталась разгадывать их подтекст, и уж тем более, не принимала их, как руководство к действию. Странно, но в ночь после развода ей приснился ярко-красочный сюжет. Похоже, подсознание дало волю фантазии. Сквозь него слышались шорохи, за окном ветер пел свою мелодию...

[100] Планов на выходные не было. Начинать жизнь заново – так начинать. Квартира требовала веника. «Хозяйственные заботы успокоят», – решила Соня и начала со стирки. Вода, словно бы, смывала все накопившиеся обиды. Два дня, не останавливаясь, мыла, скоблила, выгребала...

Телефон молчал. Пахло прибранным домом, едой... Тело ломило от усталости, но наступивший понедельник она встретила с воодушевлением. Уходя из дома, оставила включённым свет – не хотела возвращаться вечером в тёмную квартиру.

В её отделе наступил период какого-то застоя. Прежний программный продукт – результат коллективного труда, был продан фирмой предприятиям города. Сотрудники находились в ожидании, когда сверху «спустят» новый проект.

Наступившее бездействие было утомительным, рабочий день тянулся медленно, нудно.

Вынужденный штиль подсказал Соне, что придумываемые ею истории можно было бы записывать. Иногда они сами «находили» её во время лёгких приступов писательской лихорадки, своего рода невроза. Прежде, сочиняемые сюжеты тут же забывались, вытесняясь реальными событиями жизни. Сейчас, и в жизни, и в работе, был застой...

Меняя имена, стала сочинять сюжеты из жизни коллег или случайно встретившихся на улице прохожих, соединяя их между собой разными нитями. Возникла любовь к причудам слова, к играм созвучий. Сочиняя, интриговала, закручивая сюжеты так, что, порой, сама не знала, как будут развиваться события. Иногда, придуманные или же реальные герои сами диктовали, что будет дальше. Своим сюжетам она придавала вполне правдоподобную окраску, снабжая их случайно подслушанными репликами, диалогами. Ведь все эти истории, так или иначе, могли бы произойти в реальной жизни. Иногда в зарисовках проступали образы, заставляя сжиматься её сердце. На самом деле, за героями своих историй, словно под маской, она пряталась от превратностей своей жизни. Несмотря на то, что рядом с нею были коллеги, с которыми можно было поговорить, тем не менее, она ощущала свою одинокость. Потому что все они уходили к своим любимым, или нелюбимым... У всех была своя жизнь, в которой главное место занимала

не она... Её жизнь оставалась ничем не заполненной, дом встречал пронзительной тишиной и пустотой: «Из чего выткана ткань зимних вечеров? Или наступающего одинокого утра?»

*«Утро начинаться не хотело,
Смежив веки слабо и несмело.
И металась тени по квартире –
В этом ли, в придуманном ли мире?»*

[101]

*Что-то давешнее всё довлело.
Засоряло мысли и шумело.
Так хотелось вырваться наружу –
Даже в мир, в котором ветер вьюжит».*

Д и П / 2018

В обеденный перерыв она нехотя плелась в столовую. Как обычно, к ней подсаживался молодой шеф. Соня так к нему и обращалась: «Шеф». По фирме поползли слухи, что у них – отношения.

– Ну, и зачем это вам? – спрашивала Соня.

– Что именно?

– Чтобы все думали, что у нас – роман?

– Вы же независимая женщина. Во всяком случае, таковой хотите казаться. Разве вас волнует общественное мнение?

– Представьте, волнует. Вот зафиксирую все ваши знаки внимания, опишу в своём очередном сюжете, и тогда вы не отвертитесь. Придётся жениться на пожилой тёте.

– Что ещё за сюжеты? Впрочем, неважно. Вы не похожи на пожилую тётю. К тому же, замужем.

– Устаревшая информация. Я – разведена. Так что, берегитесь!

– Чудесно. Не пытайтесь разглядеть на моём лице печаль по поводу вашего расставания с мужем. По этому поводу не испытываю ни тени сочувствия. Советую отпустить прошлое. Вообще, я бы сделал вам прививку некоего легкомыслия. Вы – слишком «перфекционистка».

– Не преувеличивайте.

– Ничуть. Вы – закрытый человек. В вас больше загадок и вопросов, чем ответов. И эта тайна вызывает во мне интерес.

Вдруг, неожиданно он снял с её руки часы.

– Что вы делаете? – вскипела она. – Вы полны сюрпризов, не так ли? – От прикосновения его ладоней она ощутила толчок, словно удар тока...

– Забираю ваше время. Теперь оно принадлежит мне. До последней секунды.

Анжелла Подольская

– Вот-вот. И эти слова тоже вставлю в сюжет. Даже не придётся, в меру фантазии, дополнять небылицами. Они и так в избытке...

***Четыре времени года – четыре состояния души самой природы...
На пороге лета... осени...***

[102]

Неожиданно в один из вечеров пятницы пришёл Леонид:
– Прости, что без предупреждения. Потянуло. Очень захотелось увидеть тебя.

– Не стоит оправдываться. Только честно, сам захотел или Лариса заставила?

– Я уже взрослый «мальчик». Меня трудно заставить сделать что-либо, если сам не захочу... Хотя, сестрица постоянно «обрывает» телефон.

– Могу себе представить. Поставь цветы в вазу.

Вспоминали прошлое. Потом – позапрошрое... Потом... Как это бывает? Вот так и бывает... Именно так, как должно было случиться... Хотя, не прозвучали слова ни о любви, ни о страсти...

«Ещё не успели допить из бокала... После «этого» женщина должна лежать, улыбаясь во тьме... Вслушиваться в тайное, ещё невидимое, но уже каким-то особым чутьём осознанное:

«Быть матерью подойдёт ей идеально. Не может быть иначе». По лицу женщины блуждает пьянящая улыбка «Беатриче»...»

Начался самый главный, придуманный ею сюжет. Новое ощущение себя... Ничто не требовало комментариев. Наступил этап, когда она «вышла» из тени, за рамки привычного... Встреча с Леонидом оказалась единственной яркой краской в палитре её нынешней повседневности.

Правда, их встречи напоминали встречи кораблей в море, которые, приспуская флаги и приветствуя друг друга, идут дальше своим курсом. Он рассказывал о своей докторской. Немного волновался, ожидая из ВАКа подтверждения о присвоении ему степени. Его работа была ей интересна, тем более, что, будучи математиком, она ясно представляла, о чём в ней идёт речь.

Леонид приходил по пятницам, каждая в точности повторяла предыдущую. Они нигде не бывали вместе. То, первое свидание, оказалось единственным. Их встречи не превратились в лавину, сметавшую на своём пути прошлые чувства и привязанности. Оба не были ослеплены любовной вспышкой... Хотя, личные мотивации каждого из них были понятны – встречи скрашивали обоюдное одиночество.

Первое время он восхищался Сониной «кухней», умением красиво сервировать стол:

– Это ты так потрудилась? – удивлялся всякий раз.

Но потом вполне привык и перестал замечать.

Тем не менее, когда он приходил, она всё же ощущала лёгкую пульсацию крови и медленные удары сердца. Она так старалась, так желала желать... Уговаривала себя, что только мужчина знает, какой должна быть женщина...

Лариса была счастлива, что задуманное ею состоялось. Однажды, придя к Соне, проговорила:

– Как тебе нравится эта стерва? «Явилась – не запыхалась».

– О какой стерве ты говоришь?

– Тебе Лёнька ничего не говорил? Ну... – замялась Лариса.

– Лара, не темни! Договаривай!

– Жёнущка-то объявилась. Правда, торчит у своих родителей. Ты не расстраивайся. Он к ней никогда не вернётся.

– Но он должен был мне рассказать, – возразила Соня. – Согласись. Как-то это нехорошо... Неправильно.

– Соня! Я думала, что ты – сильная.

– Знаешь, с радостью стала бы слабой. Или поиграла бы в это.

– Говорю тебе... Успокойся и не бери в голову. Там, всё – в прошлом.

– Посмотрим, – неопределённо ответила Соня.

Она «плыла» по жизни, ошеломлённая, переполненная нежностью к тому, что уже зрело в ней. Всё притихло, отбушевало. С каждым днём жизнь добавляла грустной иронии – в праздники и выходные она по-прежнему оставалась одна: «Пора расставаться с очередными иллюзиями».

Продолжая приходиться по пятницам, о жене и дочери Леонид ни разу не обмолвился.

Из-за этих недомолвок в Сониной душе возникла полоса отчуждения. Из размытой она всё более приобретала чёткие очертания. В груди заворочалась глухая досада... Не выдержав затянувшегося молчания, однажды спросила:

– Как твоя дочь? Всё хорошо?

– Понимаешь, тяжело произносить, но Машка стала совсем чужой. Каждую субботу тёща привозит её к метро. Даёт бесконечные указания, что – можно, чего – нельзя, чем кормить... Маша – замкнулась. Совсем отвыкла от меня. С трудом выносит моё присутствие – рвётся к матери. Чувствую, они настраивают против меня мою девочку. Короче, шаг вправо, шаг влево... Я же рассказывал...

– Ты ничего не рассказывал. Вероятно, запомнил...
– Разве? Мне казалось... – пряча глаза, он рассматривал пушистую пенку сквозь пар, вьющийся над чашечкой кофе.

Соня «отодвинулась» от действительности, и вновь в голове зазвучали поэтические строки:

[104]

Д и П / 2018

*«Слушать. Совсем не слышать.
Смотреть. Но мимо. Сквозь.
Всё же пытаться выжить.
Вместе. Возможно, врозь.
Всегда. В толпе. Быть лишней.
Опять. Везде. Одной.
Узор, которым вышит
Мой путь. Он только мой».*

На службе началась работа над новым проектом. Соня старалась помогать коллегам, если в её помощи кто-то нуждался. Некоторые из коллег, видя неоднозначное к ней отношение со стороны начальника другого отдела, злословили: «Не от доброты душевной помогает, а от стремления чем-то выделиться».

Шеф донимал её вопросами:

– Что у вас стряслось?
– Ничего пока.
– Что значит – пока?
– То и значит – пока ничего не стряслось.
– Но может стрястись?
– Всегда что-то может стрястись.
– Последнее время вы мне очень не нравитесь.
– Я не обязана всем нравиться. Прошу вас, перестаньте ко мне подсаживаться. О нас вовсю уже сплетничают.
– Мне – плевать. А вам?

Когда она направилась к выходу из столовой, он подумал: «Теперь ты повернёшься, и посмотришь на меня...» И она оглянулась, словно подчинившись его мысленному приказу.

– Представляешь! Эта мерзавка запретила Лёнке видеться с Машей. Заявила, что она, вообще, не его дочь. Он совершенно опустошён, у него подскочило давление. Я никогда не видела его в таком отчаянии. Просто морально уничтожен. Мы не знаем, что делать, – сообщила Соне последнюю новость Лариса.

– Наверное, чтобы всё прояснить следует сделать генетическую экспертизу, – после нескольких минут молчания посоветовала Соня.

Поэзия и проза

– Придётся. А что будет, если Машка, действительно, не его дочь?

– Не знаю. Может быть, его утешит мысль, что он вскоре снова станет отцом?

– Ты серьёзно? Почему молчала? Даже мне, своей лучшей подруге «ни слова»?

– Я не была уверена. А во-вторых, поняла, что для Лёни только его дочь имеет значение. Если хочешь, сообщи ему о будущем отцовстве. Я не возражаю.

Леонид не затрагивал тему о Сониной беременности. А она отслеживала по минутам бег времени, хотя, знала наверняка, что Лариса рассказала ему об этом. Они подолгу молчали, обмениваясь короткими фразами, типа: «Есть будешь?» «Да, спасибо», или «Нет. Не голоден». Им не о чем было говорить, встречи наполнились тягостным молчанием. Он был погружён в судебную тяжбу с женой. Порой, Соне стоило невероятных усилий дожидаться его ухода. Пятничные встречи её тяготили, и она стала избегать близости с ним. Наконец, не выдержала:

– Надо поговорить, Лёня. Сам видишь, ситуация сложилась двусмысленная. Нам с ней не справиться. Думаю, пора расстаться.

– У тебя появился кто-то другой?

– Зачем так примитивно? Никого у меня нет. А если бы и был? Мы не договаривались хранить друг другу верность. У нас – совершенно другая история.

– Тогда почему, Соня? Ведь всё – не так плохо.

– Не так плохо? Ты полагаешь этого достаточно? Какая странная логика... Неужели не чувствуешь, что наши пятницы превратились в какую-то осязаемую пустоту. Я говорю, а ты даже не пытаешься сделать вид, что слушаешь. А я говорю и говорю, чтобы не слышать, как ты молчишь, и совсем не для того, чтобы ты меня услышал. Это уже невыносимо. Хотя, по правде, я не рассчитывала на большее. А ты и не предлагал. Наши отношения зашли в тупик. Но, всё равно, я рада, что они были. Потому, что сделала то, ради чего встречалась с тобой.

– Не ожидал от тебя, Соня. Это пошло...

– Не очень красиво, согласна. Но, разве называть вещи своими именами – пошло? Как быть с утверждением, что лучше сожалеть о содеянном, чем о не содеянном? Любовники должны расставаться на пике любви... А мы и не любили вовсе, никакого пика в наших отношениях не испытывали. Прошу, не приходи больше. Каждая встреча должна становиться подарком, а не испытанием. Я стала мудрей, не верю в «авось». «Не стерпится. Не слюбится».

– Так для тебя наши встречи были испытанием? Казалось, мы пони-

маем друг друга. Неужели ты ожидала любви смертельной, на разрыв аорты? В жизни, дорогая, всё намного прозаичней. Мои страсти остались позади. Да и твои тоже... Кстати... Лариса рассказала мне о твоём положении. Как человек порядочный, я, конечно же, буду помогать...

– Спасибо. Не нужно. Но, если когда-нибудь захочешь общения с ребёнком, не стану возражать. Это и твой ребёнок. Что до любви на разрыв аорты? Мне совсем не стыдно признаться... Да, грешна... Нуждаюсь в любви. Пусть, даже, трагической. Счастливая – редкость. У нас с тобой была лишь физиология... Думаю, женщина, начинается там, где её сотворяет желание. Без любви она умирает. Превращается в функцию. Мы всё время больше молчали, молчали... Видишь? Несмотря ни на что, мне удалось тебя разговорить. Возможно, сегодня я не с той «ноги» встала? Оправдываться не буду. Да, и не за что...

Многолетняя дружба с Ларисой «дала» трещину.

– Я думала, что ты... А – ты... – В словах подруги звучал сарказм...

Очень скоро Сониная беременность ни для кого уже не была секретом. И для Шефа тоже. Избегая встреч с ним, она перестала ходить в столовую.

Хотелось, чтобы время побежало скорей-скорей, и чтобы лето пролетело как один день... Но июльские ливни затянулись... Подкрался незаметно август и изводил жарой... Стало рано темнеть...

Чувствовала себя она вполне сносно, но самым утомительным оказалось – пробегать по коридорам фирмы, пряча глаза от коллег.

Декретный отпуск подарил Соне долгожданную свободу. Она окунулась в созерцание самой себя, продолжая заниматься сочинительством. Перерабатывая свои прежние многочисленные записи, выстраивала целый ряд событий, случайностей, хотя была на сто процентов уверена, что в жизни ничего случайного не бывает. Никакого особого языка у неё не было. Простой, даже примитивный, синтаксис, слова, подхваченные с природы. Тексты были выстроены аккуратно, сказывались её математические знания в написании алгоритмов и программ. Иногда она специально придавала им хаотичность. В одном и том же тексте иногда встречались несопоставимые герои, каждый со своим настроением, со своим языком. «До» и «После», с их правдами или вымыслом. Через все тексты проходила её душа, её авторское «я». Каждый день в компьютере появлялись продолжения очередных мелодрам, миниатюр или стихи.

Перечитывая написанное, не верила: «Неужели это написала она? Кто заложил в ней то, что, возможно, станет, – она не была уверена, –

главной страстью дальнейшей жизни? Главной, конечно же, после рождения сына. Кто совместил в ней понятия о «высоком», «низком», превосходящие часто её собственное разумение?»

*Четыре времени года – четыре состояния души самой природы...
На пороге зимы...*

Шеф звонил много раз в день:

– Чем вы занимаетесь? Пишете? Надо больше гулять. Я соскучился по вам.

– Дорогой мой! Да у вас – зависимость. С ней необходимо бороться.

Соне нравилось разговаривать с ним по телефону, когда никто не подсматривал за ними. Она с нетерпением ждала его звонков. Но, приходить к ней – запретила.

– Я приеду, – настаивал он.

– Ни в коем случае. Это не разумно. Не хочу, чтобы вы видели меня в моём нынешнем положении.

– Не разумно? Надо что-то делать с тем, что с нами происходит, – возразил он. – Понимаете, о чём я? Мы – чужие и близкие. Нужен ли нам конфетно-букетный период? Мне стало мало лишь любить вас.

– Опомнитесь, я стара для вас.

– Я люблю антиквариат, – рассмеялся он. – При встрече вы расскажете мне, как я не прав.

– Дайте времени – время. И, в конце концов, верните мои часы, – потребовала вместо ответа Соня.

– Ни в коем случае. Я же сказал, что ваше время теперь принадлежит мне. Знаете, настоящее представление о времени дают электронные часы, с прыгающими цифрами, где одна секунда зримо сменяет другую. Хотя, самые верные – часы песочные, потому что видно, как утекает жизнь... А мы теряем драгоценные минуты... Абстрагироваться от времени не удастся... Скоро Новый Год... И мы встретим его вместе... С ёлкой... У меня на даче...

– Знаете, – перебила Соня, – сейчас скажу то, о чём, возможно, потом пожалею. Когда я ушла в декрет, у меня появилось какое-то чувство расслабленности. Куда-то отодвинулись проблемы... Рядом – никого. Воображая, я сочиняю жизнь... И свою, в том числе... Мне так легче дышится... Записываю всё-всё. Даже возникающие в голове картинки...

С каждым днём во мне всё больше перемен, я чувствую, как вместе с моим телом меняется жизнь. Я стала очень медлительной. Наверное, сейчас я – самый смешной персонаж. Плачу, потом – смеюсь, без повода... Сумасшедшая! В минуты внутреннего покоя наблюдаю, как

уменьшается световой день... И за собачками, которые вынашивают деток... Слежу, как развивается мой собственный детёныш, как вопреки всему, разрастается моя невозмутимость. Это путешествие внутри собственного «я». Не смейтесь! Это познание, оно – бесконечно. Для меня очень важны психологизм и живая ткань бытия. Со всеми приметами: смешными, печальными, добрыми. Злыми, наконец. Вероятно, я утомила вас, но необходимо выговориться. Мне – скоро тридцать четыре... Моему малышу – восемь месяцев... Я ещё не знаю, какого цвета у него глаза, не чувствую его запах... Я – поздно родящая... У меня – страхи, переживания... Господи, как я стараюсь их превозмочь... Но, вопреки всему, вера в то, что всё будет хорошо – сильнее.

Думаете, я не сомневаюсь в себе, в вас? Ещё как... Утром – сомневаюсь, днём – нет. Ночью, снова, – да. Давно хотела признаться... Я возненавидела все эти ханжеские установки: «Одна жизнь – один мужчина». Или – «Судьба ведь одна». Нет! У каждого – свои «двери». За каждой открывается новый опыт. Болезненный, порой мучительный... Все эти двери, опыт, ошибки становятся судьбой. Начинать сначала? Страшно. Но, попробую... Не перебивайте! Я сама перебежусь. Возможно, что наступлю на те же самые «грабли»... Но, это же моя жизнь. Значит, и «грабли» – мои... Какая, в сущности, разница, обманете вы меня или нет, если мне это нравится?

Если бы тогда, в кафе, мы не познакомились, наверное, моей личной истории хватило бы на коротенькую новеллу. А так – складывается целый роман. О себе... О нас... Даже, если кто-то и разгадает, что это – мы с вами... Плевать! Видите? Я уже использую вашу риторику. Роман почти закончен. Но ещё не придуман финал... Ведь это самое трудное... Финал... Я дам вам прочесть. Если понравится, придумаем его вместе, чтобы прожить эту «Книгу»... В Загс идти не нужно... Впредь – никакой любви. Только – эротическая дружба...

Нора
Гайдукова

ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ

[109]

Д и П / 2018

Международный молодежный лагерь «Спутник» стоял на берегу Тбилисского моря. На самом деле, это просто очень большое искусственное озеро, окружённое со всех сторон лесистыми горами. Простые здания шестидесятых годов пейзаж не портят. Широкие балконы смотрят на море и на шоссе, ведущее к городу. Линда без труда получила сюда путевку у себя в НИИ и собиралась развеяться после недавнего тяжелого развода, оставив трехлетнюю дочку бабушке. Начинался ноябрь, но в Тбилиси погода всегда прекрасная. Светило солнце и деревья стояли, украшенные коричневыми свернувшимися листьями, которые не опадают, а просто ждут весны.

Линда получила ключ от комнаты, куда её поселили вместе с Ниной, тоже молодой девушкой из Питера. Настроение у них было прекрасное, да и какое оно может быть у двадцатипятилетних девиц, вырвавшихся на свободу из темницы семейной жизни.

Они сидели на балконе и пили кофе.

– Не сходить ли нам вечером на танцы? – спросила Нина.

– Ах нет, – воскликнула Линда. – Я не хочу никаких мужчин, тем более грузин, знакомств, приставаний, расспросов. Я хочу просто гулять и дышать свежим горным воздухом.

– Ну пойдем, хоть ненадолго, – расстроилась Нина. – Не идти же мне одной. К тебе приставать не будут, если не захочешь. Тут кругом охрана, никто тебя не тронет.

– Ладно, только если что – сразу сваливаем, – неохотно согласилась Линда.

После ужина они поднялись к себе в номер и стали наряжаться. С нарядами было очень скромно, в магазинах – ничего, у спекулянтов – дорого. Нина надела голубое платье под цвет глаз с бантом на груди. Линда постаралась выглядеть поскромнее. Тёмносиний пиджак с белой блузкой и прямая темная юбка – прямо сотрудница обкома комсомола, от которого, к слову сказать, и были путевки.

Они спустились в зал на нижнем этаже, откуда уже доносился мягкий голос Нани Брегвадзе. Народу было немного, заезд только начался. Десяток девушек сидели на стульях у стенки, переговариваясь и немного испуганно глядя на пришедших мужчин. Посторонних в закрытом лагере не было, опасаться было совершенно нечего, но грузинских мужчин в Советском Союзе считали большими ловеласами, что, вообще-то, соответствовало действительности.

[110]

Через несколько минут к ним подошли два довольно развязных аборигена и пригласили на танец. Нина согласилась, Линда отказалась. Тогда к ней подошёл шикарно одетый тип с усиками, живо напомнивший ей Остапа Бендера. Она снова отказалась и собралась уйти в свой номер и там забраться на кровать с книжкой и стаканом чая. Вдруг она увидела какое-то оживление среди грузинских кавалеров. Они расступились, и к ней навстречу вышел крупный человек, одетый в шикарную дублёнку, расстёгнутую белую рубашку, показывающую большое золотое распятие на волосатой груди. Ослепительно синели глаза на загорелом лице. Его нельзя было назвать красивым – крупные черты лица, высокий лоб, но необоримое обаяние мужественности и силы выдавало в нём вожака стаи, перед которым остальные склоняли головы. Он направлялся прямо к Линде. Она невольно встала и посмотрела ему в глаза. Комсомолка нашла своего вождя. Хотя, как скоро выяснилось, как раз комсомол и всю советскую власть он ненавидел.

Она пошла с ним танцевать, потом он усадил её рядом с собой, и они стали беседовать. Его звали Омар Сихарулидзе, он родился в Западной Грузии, неподалёку от Батуми, был единственным сыном. Его мама и сейчас жила там, в небольшом белом доме на краю огромной виноградной плантации, принадлежащей семье. Он учился на юриста, но бросил и теперь считался начальником лодочной станции рядом с лагерем, где стояли катера и лодки, была ремонтная мастерская, гараж и большой жилой дом. Он сказал, что свободен и никогда не был женат. Она тоже рассказала о себе.

– Ну что, не хотела идти, а самого шикарного мужика склеила, – сказала ей в номере Нина. – В её голосе была смесь насмешки и зависти.

– Ты ведь тоже с кем-то познакомилась, – пыталась защищаться Линда. – Да и вообще, эти курортные романы никогда ничем не кончатся. – После своего неудачного брака она была изрядной пессимисткой. Но всё пошло совсем по другому сценарию.

Утром к отелю подъехала новенькая красная шестёрка с шофёром в униформе, и Линда была официально приглашена на завтрак. Её привезли к элитному ресторану в горах, навстречу вышел Омар в костюме

от «Версаче». За накрытым столом сидел начальник международного лагеря с красивой рыжеволосой женой, Нуной. Линду усадили рядом с Омаром и стали подавать изысканные сациви, чохохбили, салаты, фрукты, которые она не только никогда не ела, но даже не подозревала об их существовании. По тому, как директор лагеря разговаривал с Омаром и смотрел на него снизу вверх, Линда догадалась, что лодочная станция – совсем не основная работа Омара, а какая основная – оставалось догадываться.

На третий день она была приглашена в его дом на море, где всё это «неорганизованное дело», как говорил Омар, и произошло. После этого Линда попросила отвезти её в отель, ей хотелось отдохнуть от всего и собраться с мыслями. Тут же был вызван шофёр, хотя дом находился в 200 м от отеля, Линду отвезли и проводили до двери номера, любезно откланявшись. С этого дня она была непрерывно окружена людьми, старавшимися ей угодить.

Утром, выйдя на балкон, она увидела подъехавшую машину, из которой вышел Омар с огромным букетом цветов. Его синие глаза сияли, белые зубы – на смуглом лице. Никогда она не забудет это мгновение, когда двое смотрят друг на друга, как будто никого больше в мире не существует.

Срок действия путёвки прошёл, билет на самолет пропал, а Омар всё не хотел отпускать Линду в её родной Питер, ей сделали фальшивый больничный с непонятным диагнозом. Но возвращаться всё же надо было. Он купил ей билет на поезд до Сочи, где они прожили ещё несколько дней в другом филиале «Спутника», и она наконец улетела, увозя гору новых платьев и держа на коленях корзину с экзотическими фруктами.

«Знаешь, Чечемиза (теперь он так называл Линду, что означает «Моя девочка»), какая моя самая большая мечта, – сказал он Линде на прощание. – Я хочу чтобы ты родила мне морского сыночка. От меня пока никто не беременел, не знаю, получится ли это...»

Подружки в Питере, увидев Линду нарядной и похорошевшей, удивились. Но долго пробыть ей там не удавалось. В это время она как раз подала на конкурс на должность младшего научного сотрудника в один из архитектурных институтов Петербурга, который был тогда ещё Ленинградом. Когда она пришла представляться своей будущей начальнице, та посмотрела на неё пронизательными еврейскими глазами и спросила:

– Кто это интересно тебя так холит и лелеет, что в хмуром Питере ты такой цветущий вид имеешь?

В ответ Линда лишь улыбнулась и промолчала.

Известно, что научная работа требует сосредоточенности и внимания. Поэтому научные работники получали «библиотечные дни», которые иногда превращались в «библиотечные месяцы». Линда, молодая научная сотрудница, легко получала эти «дни», неизменно проводя их в Тбилиси. Обычно она прилетала ночным рейсом из холодного Питера. Омар в маленьком автобусе дремал, а кто-то из его сотрудников преподносил Линде букет цветов. Жизнь в Тбилиси текла своим чередом, никак не пересекаясь с её Ленинградской жизнью, хотя благородство Омара было безграничным, и он спрашивал у Линды:

– Чечемиза, какие книги тебе нужны для твоей работы? Из под земли достану.

Однако Линда впадала в Тбилиси в несвойственную ей лень. Коробки с дорогим шоколадом, вазы с фруктами, неизменные обеды в лучших ресторанах. А ведь всё это может надоест.

Особенно утомляли Линду многочасовые и многолюдные застолья, где она должна была сидеть рядом с Омаром, делая умное лицо, не понимая по-грузински почти ни одного слова. Кроме того, от одного стакана грузинского вина ей страшно хотелось спать и она чуть не падала под стол.

Зато ей очень нравились походы в Тбилисский Дом Кино, где томные грузинки в песцовых шубах с бриллиантами на всех пальцах, провожали её завистливыми взглядами, когда она за руку с Омаром шла в новых джинсах клёш по моде того времени, с распущенными волосами ниже пояса. Линде хотелось погулять по городу, сходить в тбилисский русский драматический театр, в музеи. Но без сопровождения ей это не разрешалось. Сопровождением была её болтливая и часто нетрезвая прислужница Нани. Даже сдать в ремонт туфли Линда не могла сама.

Омар часто уходил вечером, и нельзя было спрашивать, куда пошёл и когда вернётся. Грузинские женщины от рождения знают эти правила, Линде же пришлось всему учиться. Иногда ей очень хотелось в холодный, бедный Питер, в её коммуналку. Там она была свободна и делала, что хотела.

Наконец наступило лето. На вёсельной лодке Линда выплывала далеко в другой край Тбилисского моря, а из репродукторов по её заказу неслась вслед музыка Битлз «Йестедей, ай белив ин йестедей...» Почти каждый день она каталась на водных лыжах, фолы были прикреплены к быстрому катеру. Омар сидел на корме и смотрел на Линду, какая она сильная и спортивная. Однажды уже вечерело, Линда не удержала скользкий фол, он вырвался из её рук и обмотался вокруг шеи. Линда

ушла под воду, стараясь ослабить давление руками. Она успела закричать, Омар заметил происходящее и остановил катер. Больше по вечерам она не каталась.

Когда после месяца отсутствия она вернулась, он сказал, что хочет познакомить её с мамой.

– Жениться хочет, – заметил верный адъютант Омара Гиви. – Когда тебя не было, к нему много девок клеилось, но он сказал: «Моя Линда лучше всех!»

В Батуми поехали на машине. Шутили, смеялись. За каждую остроумную реплику Омар совал Линде деньги в карман. Мама оказалась маленькой худенькой старушкой, одетой в какую-то светлую робу, праздничную, наверное, к приезду Линды. Седая голова повязана платком.

Она бросилась к Линде, и стала её целовать и плакать. Линда тоже была тронута до слёз. Мама не знала ни слова по-русски, Линда – всего несколько фраз по-грузински. Но они понимали друг друга.

– Смотри, как она рада, – сказал Гиви. – Женить Омари хочет. Не пристало молодому мужчине быть одному.

Омар выглядел счастливым и всё время был около Линды. Она задумалась, это путешествие в другой мир показалось ей странным, каким-то нереальным, будто кино смотрела, где задником фильма был обшарпанный кинотеатр холодного родного Питера.

На следующий день рано утром Манана, мама Омара, показывала Линде, как надо печь настоящий хачапури в печке, вырытой под домом. Тёплые лепешки с сыром и с картошкой были незабываемы. Никогда ничего подобного Линда не ела. После завтрака поехали в Батуми, долго купались в тёплом июльском море, потом уехали обратно в Тбилиси.

Как-то раз обедали в горном ресторане. К их столику подошёл маленький грустный мужчина в старой бедной одежде, местный пьющий попрошайка. Омар дал ему денег, потом наклонился к Линде и сказал:

– Это мой конец, если трагически не погибну.

Линда почувствовала, как у неё сжалось сердце, но ничего не ответила.

Омар был человеком общительным и гостеприимным, как положено настоящему грузину. Национальные предрассудки были ему совершенно не свойственны, при том что в Тбилиси тогда проживало больше тридцати разных народов, грузин, армян, мингрелов и других. Когда Линда сказала, что она еврейка, он вообще никак не отреагировал.

– Да, я знаю много евреев. Умные и богатые. Но мне всё равно, кто ты по крови. Ты моя Чечемиза.

Ещё он любил повторять:

– Чечемиза, ты без меня пропадёшь в этом страшном мире. Будь со мной.

Линда вспоминала эти слова много раз в жизни.

Как-то в воскресенье к Омару приехали гости – журналисты Тбилисской газеты. Две красивые грузинские девушки говорили по-русски, чтобы Линде не было скучно. После обеда, обильно приправленного водкой и вином, решили покататься по красивым берегам Тбилисского моря. Линда сидела впереди, рядом с Омаром, девушки – сзади. Проехали несколько километров, и вдруг Линда почувствовала, что машина теряет управление. «Если не погибну, могу инвалидом остаться», – мелькнуло у неё в голове. Омар что-то крикнул по-грузински, машина упала с семиметрового откоса и три раза перевернулась. Омар прижимал Линду своей сильной рукой к сидению автомобиля. Мягкий песок спружинил, и сильного удара не было. Линда ухватилась руками за верхний поручень. Машина остановилась, зарывшись в песок и, к счастью, не взорвалась. Омар сильно ударился головой, но был весел:

– Мы второй раз родились, Чечемиза, – воскликнул он и рассказывал об этом с воодушевлением своим приятелям. Линда поцарапала руки, у девушек было лёгкое сотрясение мозга.

...Эйфорию Омара Линда совершенно не разделяла, а про себя решила, что это становится слишком опасным: «Так дочка может и без матери остаться». Она улетела в Питер и не отвечала на звонки Омара. Он приехал туда сам. Одетый в шикарный бархатный костюм, он смотрелся экзотически на фоне бледного и бедного северного пейзажа. При себе он ничего не имел, кроме портмоне в заднем кармане брюк.

– Где твои вещи? – спросила Линда.

– А что мне нужно, – ответил он, печально глядя на Линду. – Если что-то понадобится, я куплю. Линда пыталась сделать вид, что ничего не произошло, в своей обычной манере «отрезая хвост собаки по частям». Она даже познакомила Омара с папой, причём папе он очень не понравился. Будучи маленького роста, ох, уж эти маленькие гениальные евреи, папа испытывал комплекс перед рослыми и крупными мужчинами. Вообще экзотику он не уважал, желая сделать свою единственную дочь, по своему образу и подобию, непременно доктором наук. Не важно, будет она от этого счастлива или нет. Омар улетел в Тбилиси, и на этом встречи прекратились.

...Через несколько лет, уже выйдя в очередной раз замуж и защитив диссертацию, Линда купила путевку «По Грузии и Армении» с заездом в Тбилиси. Приехав, она сразу позвонила Нукуе. Та обрадовалась и пригласила Линду на чашечку кофе в свой красивый дом на улице Руставели. Линда спросила, как поживает Омар. Нукуа опустила глаз:

– Никак он не поживает. Погиб два года назад.
Сердце у Линды болезненно сжалось:
– Где он похоронен?
– На центральном кладбище, но ты его могилу вряд ли найдёшь.
...Линда долго бродила по кладбищу среди крестов и памятников, вспоминала дни, проведённые с Омаром, может быть, самые счастливые в её жизни. Его могилу она так и не нашла, но пока она жива, он живет в её сердце. «Амен».

[115]

Берлин, 2017

ВОРОНА И ВОРОБЕЙ

День был пасмурный и холодный. Всё вокруг пышно расцветало, словно торопясь прожить свою недолгую жизнь. Ведь на дворе стоял май – мой самый любимый месяц. Разноцветным узором цвели тюльпаны, сиреневая и белая сирень распространяли на всю улицу свой головокружительно-сладкий запах.

Это всё как-то не вязалось с холодной и мрачной погодой, но природа лучше нас знает свою программу – цвести и радоваться жизни.

В западном Моабите начинался вечер, немногочисленные прохожие вяло брели по своим делам, в кафе на углу за столиками немки среднего возраста с удовольствием затягивались сигаретой, прихлёбывая крепкий кофе. Кое-где валялся мусор, не привлекая ничего особого внимания.

Я ехала на велосипеде. Вдруг впереди меня на тротуаре я увидела какую-то странную возню и услышала птичьи крики. Огромная чёрно-серая ворона напала на маленького беззащитного живого воробья и пыталась заклевать его насмерть. Несчастный воробей истошно пищал и вырывался, но силы были неравны.

Я сначала закричала на гадкую птицу, а потом спрыгнула с велосипеда, чтобы помочь воробышку. Но ворона схватила несчастного и взмыла к деревьям. Такого я ещё не видела. Разве в Моабите мало объедков из бесчисленных ресторанов и кафе, коробок с недоеденной пиццей и прочих вороньих «деликатесов»?

То есть, убивала ворона не зимой от холода и голода, не в безлюдном месте, где нечем поживиться. Это было убийство ради убийства. Просто для удовольствия. Неужели птицы также ужасны, как люди, и

среди них есть прирождённые убийцы? Или умные вороны научились этому у людей?

Настроение было совершенно испорчено. Но надежда, что тепло всё-таки будет и что не все вороны – убийцы, осталась.

Берлин, 2017

[116]

ДОМ ОТЦОВ - БЕЙТАВОД

В кругу возле телевизора
В инвалидных креслах
Сидят те, кто нашли здесь
дом и защиту.
Тени прошлого перемешались
со знаками конца жизни.
Понимают ли они,
что это – последний приют,
Или живут в мире
своих сновидений?

Симпатичные молодые люди
Меняют им памперсы,
удаляют пузыри с мочой.
Среди них – мой папа,
живой, не совсем, – но живой
С бритой сидит головой.

Он был такой молодой,
когда он гулял со мной
по улицам Петербурга.
Маленькая худая девочка
с тёмной косой
На вёсельной лодке
плывём над Невой.
Теперь он здесь,

В этом уютном здании,
Которое построили американцы.
Проект «Дом отцов»
в загадочном городе Цфат.
Они в кругу сидят,
А, может, в безвоздушном
пространстве
На другие планеты летят.

[117]

Цфат, 2018

ПЕСОК

Я уеду сюда,
где над морем качается ветер.
Где слепящее солнце
приветствует суетный день.
Я здесь буду одна,
только волны мне выйдут навстречу
И под вечер со мною
Останется лишь моя тень.
Но зато я смогу
Написать тебе длинные письма,
Ты не будешь читать –
Только мне всё равно, всё равно.
Я хочу по песку побродить
И подумать о жизни,
Что проходит, как красное это вино.
Ты не станешь звонить
И писать мне, конечно, не будешь,
Но останется что-то
Вон там наверху – в пустоте.
Уходя, я оставляю
мои поцелуи на блюде.
Будешь думать о них,
А другие – не те, и не те.
А быть может, вернусь,
Ты ведь хочешь продлить наши муки –
Приходи поскорей
и отдай мне твой жар и тепло.

Чередуются все расставания,
Встречи, разлуки.
Только счастье всё это,
Что мы в этом мире живем.

Испания, 2014

FACEBOOK

Фейсбук – толпятся голые слова,
Картинки набегают друг на друга.
Наполнена ненужным голова –
Как белка в колесе лечу по кругу.

Объявлена всемирная война
Газетам, книгам, кухонным беседам.
В сети сидим без отдыха и сна,
Перебирая беды и победы.

Татьяна над романами без сна
Рукой несмелой о любви писала.
Теперь смартфонами окружена –
Настукать СМС и побежала.

О ты, прибежище покинутых сердец,
Находка для лжецов и аферистов!
Как всё с экрана навсегда стереть?
И будет вновь пронзительно и чисто.

Берлин, 2017

ЖИЗНЬ ТАКОВА

Когда я смотрю на себя в зеркало,
Удивляюсь как я выгляжу.
Но жизнь такова, какова она есть –
И больше ни какова.

Когда я смотрю на этот город,
Удивляюсь: что они все тут делают?

Но жизнь такова, какова она есть –
И больше ни какова.

Когда я вспоминаю, почему я здесь,
Удивляюсь: как я сюда попала?
Но жизнь такова, какова она есть –
И больше ни какова.

Когда я выхожу утром на улицу,
Я понимаю, что жизнь замечательна.
Такова, какова она есть.
И радуюсь каждому дню.

Берлин, 2016

ФИЛАРМОНИЯ

В этом холодном городе,
который мучительно
прощается с летом,

в белый зал филармонии,
где Атланты и Кариатиды
вынужденно слушают
симфонические концерты,

пришла самая благодарная
в мире публика.
Молодые люди
громко аплодируют

модерной музыке:
английской, японской,
американской –
«Впервые исполняется в России»!

Интеллигентные пожилые дамы
в старомодных платьях
парами прохаживаются
в белоснежном фойе,

[119]

Д и П / 2018

Нора Гайдукова

приседая в реверансе
перед скульптурой Глинки.

Немногочисленные мужчины,
квёлые, на слабых ногах,
с подкрашенными
волосами.
Или Белый смокинг, –
остатки седых волос.
Дама на 20 лет младше.

Молодые люди заняты
друг другом и музыкой,
радуются жизни,
не думают и не верят,
что когда-нибудь
станут такими.

Звучит музыка
из «Списка Шиндлера».
Её играет молодой
израильтянин –
профессор из Балтимора.
Кто-то выходит из зала,
а кто-то кричит «Браво!»

Взгляды белых Атлантов и Кариатид
обращены к публике и музыкантам.
Золотые уборы, виньетки
блестят в свете барочных
светильников.
Всё изменяется.
Но время как будто
Замерло, замерло.

Санкт Петербург, 2016

КАФЕ «ТОБЕН»

Сколько в Берлине бедных людей?
Да кто же их считал?
Приходите в кафе «Тобен», –
там вы увидите их.
Что нужно старикам
с мизерной пенсией?
Да, этот дешёвый
фильтрованный кофе
И булочка с вишнёвым вареньем.
Но не всё ли равно,
Где и почему чувствовать
себя счастливым?
Можно и в кафе «Тобен»,
если другого места у вас нет.

Берлин, Моабит, 2018

[121]

Д и П / 2018

Нора Гайдукowa

Елена Зельгер

ОЧЕНЬ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Пять и пятьдесят пять

Кому хочется стареть? «Да как-то не думал об этом», – ответит один. А другой промолчит – куда же денешься. Третий воскликнет: «Да никому!» А кому хочется стать бабушкой? Это – смотря, когда. Вот молодой бабушкой быть престижно, но! Но лучше, чтобы об этом никто не догадывался. Так вот, *моя* становится бабушкой и не собиралась. Собственно, совсем не хотела, чтобы её, молодую и красивую, кто-нибудь «бабой Катей» величал. Но я об этом её желании даже не догадывалась и застала пятидесятилетнюю Екатерину врасплох.

Она сопротивлялась и поглядывала на меня, должно быть, с опаской и недоверчиво. Как так? А вот так! Никто потенциальных претенденток в бабушки не предупреждает, а просто выдаёт им это звание своим первым криком. И ей пришлось смириться. Я любила её, как солнце, как небо, как хорошую погоду: она есть, и ты ей просто рад, и не говоришь каждый раз спасибо. Бабушка была безраздельно моей. Пока не появилась моя же, правда двоюродная, сестрёнка – Галчонок, Галка, Галенька. Я гордилась, что у меня есть сестра. Очень долго все родственные хитросплетения: дяди, тёти, двоюродные и троюродные братья и ещё что-то совсем невыговариваемое, ребусы имён и принадлежностей ставили в тупик. Невозможно было понять, почему этим незнакомым людям позволено хватать меня, тискать и целовать – фу, гадость! И почему я должна быть с ними крайне милой? Но речь идёт о моей сестрёнке.

Малышка была чудо как хороша и, на мой взгляд, даже красива. Если бы не одно – двоюродная сестра постоянно голосила. И ещё, нарушая все правила первородства, она стала главной. Все головы развернулись на этот крик. Так в шесть лет моё «царствование» окончилось. И бабушкиных рук, коленей, сказок, глаз, обращённых только ко мне, стало не хватать. В тайне от всех, я любила «мою» Катю больше и сильнее. И не собиралась её ни с кем делить. Мы навсегда остались большими друзьями. Вспоминаю её очень светло и очень часто.

Но самые яркие истории будто очерчены магическим кругом. Мне – пять, а ей – пятьдесят пять. И так – начнём!

История о жуке, который таковым не являлся и о явлении, которое подвергается сомнению или «догалолий период»

Дело в том, что день выдался на удивление жаркий, а я не люблю жару. Экскурсия не отменяется – объявила мне бабушка. И мы узнали, как царь выслал Александра Сергеевича в село Михайловское – посиди, мол, милоч, одумайся, поостынь – и таким образом, лишил поэта участи быть повешенным или сосланным в Сибирь с его друзьями-декабристами.

Так вот, Пушкин от обиды и осенней скуки, весь в досадных слезах, с исцарапанной душой, упал в объятия своей Музы. Та, укачивая поэта у трепетной груди, нашептала ему ни много, ни мало, почти сто произведений.

Экскурсионная гусеница то смыкалась вокруг говорящего, стараясь удержаться на нити повествования, то растягивалась, теряя и нить, и мысль. Экскурсовод жужжал, словно новорождённый майский жук, и та половина, не уснувших от обилия фактов, слушателей неуклонно осознала, что находится в эпицентре и очаге поражения взрывной энергией этой неукротимой Дамы, именуемой Музой. Они уже почти различали шлейф её волшебного плаща, накрывшего село Михайловское, и озеро, и лес. Лес и впрямь был завораживающий, настоящий, сказочный. Древние ели, поросшие серым мхом, пугали не меньше, чем серый волк. Неукротимый массив их наполнился ягодами разных сословий, птичьими трелями, лягушатами, жуками и другими сюрпризами. Аллея, ведущая к усадьбе, была под строгим надзором колючих стражей. Под их густыми растопыренными лапами лежала спасительная тень. Грибы – моя страсть с восьмимесячного возраста. По рассказам очевидцев, я, ещё не умея ни ходить, ни толком говорить, завидев во время лесных прогулок гриб, кричала: «ка-ка», указывая на объект растопыренной пятернёй. Эта любовь осталась на всю жизнь. Учитывая моё непреклонное влечение к поиску грибов и жару, я стала притормаживать, всё ещё слушая экскурсовода, но постоянно косилась на эту заветную тень под еловыми лапами.

Бабушка заволновалась: «Не зевай по сторонам, не отставай». Но я нырнула «под», и возвратилась с «добычей». Ничто уже не могло остановить «охоты». С ловкостью заправского вояки, ползком к цели, чтоб не досталось «врагу» – спасти эти великолепные мои грибки. Боровики всех размеров – от малюсеньких, только что вылупившихся, до великанов – они стояли в ожидании «спасения» под лапами елей.

Я торопилась. Бабушкины руки стали похожи на руки взрывника, решившего подорвать на поле боя все танки разом. Гранаты белых грибов, зажатых между пальцами, угрожающе торчали в разные стороны. Но вскоре ей пришлось отказаться от «подрыва» и сложить их в кофту. Хватит, хватит – не унесём. Она присела на скамейку. Я примостилась рядом и закрыла глаза, голова кружилась и всюду мерещились ещё не найденные крепкие боровики. Ну и жара!

Оглянувшись, вдруг не увидела никого, ни «жука», ни его любознательной свиты, ни бабушки. Только тикал кузнечик. Солнце стояло высоко. Моя тень исчезла. Тишина распласталась вдоль аллеи. В конце тоннеля показалась точка, затем разделилась на две. Мужчина в высокой чёрной шляпе и полупрозрачная спутница. Он подпрыгивал и размахивал тростью, цилиндр слетел с головы, а дама, держась за его локоть, взлетала рядом. Они стремительно приближались, но вдруг сделались огромными, лёгкими и, не заметив меня, шагнули за меня, и за лес, и совсем исчезли. В ушах моих зазвучало: *«Осенняя пора, очей очарованье...»*

Неужели уже осень? Но голос говорил и становился настойчивей: *«Приятно мне твоё природы увяданье, в багрец и золото одетые леса...»* Леса. Лес – грибы! Как же грибы!?

Моё сокровище!

– Да уснула она, а грибы все до единого сама собрала, отменный грибок – отвечала моя бабушка любопытным, окружившим нашу скамейку.

Голос продолжал декламировать, уводя всех обратно к автобусу. Двинулись и мы. Обернувшись, я увидела под скамейкой чёрный шёлковый цилиндр, а может это только мне показалось – так, просто тень.

Конечно, это рассказываю я, сегодняшняя, а тогда пятилетняя девочка просто была очень довольна «уловом», устала и уснула – это правда. Остальное – вымысел... тень...?

Каникулы с папой и каникулы с мамой

Судак*

Вспоминаю, как мне повезло тем летом. Сильно повезло, по-настоящему. Два месяца я провела на юге. Юг – это другая, волшебная страна и там я ни разу не была. Мне десять лет, я наивна, круглолица и похожа на мальчишку из-за короткой стрижки. Во взрослой парикмахерской мне сделали модную стрижку «гарсон», то есть под мальчика. Леня заплетать каждый день косы, а на юге и подавно. Мне повезло! И от этой мысли во мне поселилось жуткое и радостное беспокойство, изнуряющее нетерпе-

ние, жгучее желание поскорее достичь этой заветной страны. С виду я спокойна и родители даже не подозревают, как я уже извелась.

* * *

Едем. Наконец-то! Едем с мамой и как-то очень быстро приезжаем на место. Доехали, домчались и даже не помню на чём (ну на поезде, конечно). Город Судак. Прибыли в жуткую жару, пыль и гомон. Прямо на вокзале нас подхватила крикливая тётка. Мы поплелись за ней. Казалось, женщина говорит на иностранном, но мама её понимает. Мы идём за ней в гору, затем по закоулкам, петляем – стараюсь запомнить дорогу, но уже запуталась – входим в тёмный маленький сад и видим неказистый домишко.

«Вот тут! Второй этаж, – широко разводя руками, указывая вверх и вокруг, неожиданно по-русски, сказала тётка. Вверху было небо, а по сторонам запущенный сад и домик похожий на сарай. – Второй этаж ваш – два рубля ночь, деньги вперёд» – тараторила она снова на иностранном, но я, почему-то, уже понимала. (Как объяснила мне потом мама, это суржик – смесь русского и украинского языков. Потеха! Суржик – «Чижик-пыжик» какой-то).

Мы обрадовано полезли на наш этаж и оказались под крышей. Крыша была из железа, кровати и тумбочки тоже, поперёк чердака развевалась занавеска, и там сквозь малюсенькое круглое окно пробивался свет. Тётка была тут как тут и, понизив голос, втолковывала нам о запретах и обязанностях: не готовить, не кипятить воду, не стирать, не шуметь, поздно не возвращаться и (упаси, Бог!) никаких гостей. Потом отвела во двор и указала, где можно стирать, сушить бельё и чистить зубы.

Моя мама, как под наркозом, безропотно отдала ей деньги и наши обещания. Как только дама исчезла, мы, очнувшись от анестезии, побежали к заветному морю. Дорога оказалась жаркой, длинной и шумной, песок обжигающим, море белёсым, пляж перенаселённым. С восторгом и страхом я зашла в серую тёплую воду, наконец-то, вот оно – море! Совершенно солёное! Я сразу попробовала. Как прошёл этот первый день не помню, зато возвращение «под крышу дома моего» осталось незабываемым. Дверь оказалась открытой. Неужели воры! Однако, они громко переговаривались и один из них охал тонким женским голосом. Ворюги прятались за шторой, в той части нашего второго этажа, где было заветное окно. Мы с мамой переглянулись. Моё сердце подпрыгнуло к горлу, и от страха пропал голос. Смелая мама поздоровалась.

Занавеску тут же отдернула чья-то рука. «А! Следующие», – разочаровано пропела женщина красного цвета. «Угу», – сказал кто-то из угла. «Мы уже четвертую неделю тут, третий раз обгораю, – сказала красная гордо – до волдырей!» «Угу», – сказал кто-то из угла, «А кефирчика у тебя не найдётся?», – не знакомясь, спросила обгорелая. Кефирчика не нашлось. Моя мама такая бойкая в городской и привычной жизни подозрительно долго молчала. За два рубля в день нам сдали две кровати на четырёхместном чердаке, под раскалённой крышей, с шумной – красной и всегда с ней согласной тихой – соседками – ветеранами отдыха.

Так мы и жили, стараясь не жить и не быть там. Целых четыре недели. Однообразно. И всё же замечательно. Утром бегом в столовую – там завтрак – манная каша (пища Богов), потом безделье: купайся, загорай, камушки у воды собирай. Только будь в зоне мамино внимательного ока – не теряйся! На обед перекус – что-нибудь прямо на пляже, а на ужин – тайный бутерброд и очень тайный чай, пока хозяйка нашего кипятильника (а как же, с собой привезли!) не видит. Соседки, успев ещё пару раз обгореть, уехали за несколько дней до нашего отъезда. Вернее, до окончания отпуска моей мамы. По плану она должна была обменяться ребёнком (мною значит) с папой, но что-то там не получилось и на один день меня передали на попечение знакомым**, случайно встреченным на пляже в Судаке. До чего же смешно назывался городишко. Я была уверена, что в море полно этого самого судака. Но на поверку ничего подобного не оказалось. Вообще ничего невозможно было увидеть через взбаламученную сотнями ног воду.

Перед отъездом мама решила во всей загорелой красе предстать перед отцом. Будучи крашеной шатенкой (хна), сделаться очаровательной блондинкой, ведь светлый волос оттенит прекрасный южный загар. Утром с восходом солнца я проводила розововолосую маму. По рассказам очевидца – моего папы – он трижды прошёл по перрону мимо женщины лёгкого поведения (цигиль-цигиль-ай-лю-лю!), стараясь не глядеть в её сторону. Она же хватала его за рукав и возмущённо настаивала на знакомстве, причём уже давнем, с вытекающими последствиям и даже ребёнком, то есть, мною. Наконец, он признал в этой розовато-бежевой, ну просто неприличной, блондинке свою, как он выразился «мадам». Мама рыдала от неудачного опыта, обиды на себя и, больше всего, на отца – мог бы и не переходить на другую сторону улицы.

Папа приехал свежий, весёлый, беспечный и мы сразу отправились в магазин за арбузом. Долго выбирали: да чтоб корявый, да с белым бочком, да хвостик чтоб сухой и чтоб звенел. Наконец папа выбрал то,

что надо и мы встали в небольшую очередь в кассу. Арбуз был превосходным! Отец вертел его в руках, задорно оглядывал, стучал по гляцевому боку мизинцем и перекладывал с правой на левую руку так легко – прямо жонглёр в цирке! Я радовалась и крутилась возле. Перед кассой надо было «продукт» взвесить. Тут полосатый красавец выскользнул из рук, шмякнулся о серый пол и, разлетаясь на две половины, стрельнул яркой сердцевинкой вверх – мой папа схватил её и в два жевка съел на глазах, как говорится, у изумлённой публики. Под молчаливое неодобрение мы взвесили остатки, смущённо оплатили и пошли доедать за пределы магазинчика: на задний двор. Упоительно выгрызая потрясающе сладкую суть арбуза, каждый из своей половины, почувствовали чьё-то присутствие – это была хозяйка, у которой мы с мамой снимали комнату. «Бедный ребёнок» – только и сказала она, поджав губы и скорбно удалилась.

Новый свет

Очень ранним утром следующего дня мы зашагали по направлению к Новому Свету.

Шли мы, ещё даже не предполагая, какие удивительные истории могут с нами произойти. Шли мы и не знали, что через каких-нибудь пять километров навсегда забудем про Судак и начнём «новую жизнь» туристов, путешественников и «дикарей».

Дорога шла вдоль моря и была, наверное, просто природным выступом у подножия гор, по которому и за сто лет до нас кто-то путешествовал так же. Дорога была не очень широкая, а иногда и совсем узкая. Но пешеходы испуганно, а водители уважительно уступали друг другу путь. Солнце очень быстро взобралось на небосклон и тут же изменился цвет моря с серого на синий, оно будто задышало: тысячи мелких волн с дрожью понеслись к берегу, за ними накатывались новые с белыми гребешками, синева усиливалась. Чудовище сливалось в серо-сиреновом тумане с горизонтом так, что была почти неразличима граница. Никогда прежде я не видела ничего более потрясающего и неотрывно смотрела на огромное существо по имени Море. Ноги сами ступали в нужном направлении – за отцом. «Новый Свет, – сказал отец – смотри какая красотища!» Впереди лежала бухта: маленькая, зелёная, с огромным, приобнявшим её мысом. Мне сразу понравилось всё, всё, всё. Даже то, что мы поселились в саду-огороде на месте уже выкопанной картошки. В огромном папином рюкзаке оказались: котелок, одеяла, полотенца, маски, ласты, пара тельняшек, рубашка, джинсы, верёвки, какая-то мелочёвка и даже двухместный складной домик.

Пока я распаковывала мой рюкзачок, папа установил палатку. Пришла хозяйка. Уж не сестра ли она той из Судака: тот же говор, колючие глаза, те же запреты – сговорились они, что ли? Огород, где мы поселились, особой красотой и изобилием не отличался. Конечно сливы синие с зеленоватым отливом выглядели соблазнительно. «Не рвать, – отреагировала огородовладелица. – И виноград у забора тоже!» Ну и ну!

[128]

Палатка готова, наши пожитки сложены горками внутри (платья засунуты подальше). Отец сказал: «Кошкин (это я – от котёнка, вероятно), занырнём, тащи ласты, маски, полотенца». В бухте мне понравилось ещё больше. Песок жёлтый, вода прозрачная, пляж полупустой, только группа людей в странных костюмах, лица закрыты масками, у некоторых приспособления за плечами. Я удивилась, а отец обрадовался, познакомился с ними и меня представил: «Это – мой Кошкин».

К тому времени я уже загорела, похудела, модная стрижка «гарсон» превратилась в обычную. На мне были только купальные трусики и голубая кепка, и меня приняли за мальчика со странным именем Кошкин. Так я стала «сынулей». Нас это всеобщее заблуждение очень веселило. Папа посмеивался в бороду, а я под надвинутым на глаза козырьком. От ныряльщиков узнали про затонувшие торговые корабли и про то, что здесь все ищут: старинные кувшины. В них перевозили вино, масло, зерно и называются они амфоры. Сколько раз я уже говорила и снова повторю – тем летом мне повезло. Август – Его Величество, был щедрым, как и полагается царствующей особе. Новый Свет наполнялся ароматами всевозможных плодов. Несмотря на запреты всех рачительных хозяек, мы уворовывали фрукты, свисавшие через заборы. «Возьми меня, съешь меня – только протяни руку». И мы брали, и рвали, и с наслаждением ели. Пробовал ли ты, читатель, благоухающий виноград, тёплый от солнца? Его плотно прижатые ягоды трудно отделить друг от друга, и ты срываешь целую гроздь и ешь с ладони, от грозди – языком разъединяя ягоды, но они всё же брызжут сладким, душистым соком. Сам Бог отпусков, уж не знаю, как его величают, благоволил нашему отдыху в Новом Свете. Мы обзавелись массой новых знакомств, встречали и провожали гостей бухты, считая себя старожилками. Мы свыклись с жарой и достигли особого окраса местных мальчишек. Целые дни проводили в море или у моря. Вечером, совсем обессилев, добредали до палатки, ужинали на скорую руку «консервой» и, как выражался отец, «дрыхли без задних ног». Чтoб с утра, едва открыв глаза, отправиться на поиски «сокровищ».

Такой же беззаботный образ жизни вёл и наш заборный сосед. Звали его Юрий. Жил он в палатке, установленной буквально в одном

метре за изгородью. Вот кто давно перещеголял местных мальчишек по степени загара. Тело Юрия было совершенно чёрным с сизым отливом, только глаза неопределённого цвета сверкали яркими белками. Несчастный был за что-то изгнан из нашего «райского» сада. Он громогласно и часто рассказывал, что хозяйка «взъелась», и живёт он здесь «из принцпыу». Мы приходили в гости, но так как кроме алюминиевого чайника у соседа никакой посуды не было, то в нём подавались попеременно то чай, а то гречневая каша с мидиями. Мидии это такие, похожие на сложенные вместе ладошки, ракушки. Внутри живёт моллюск оранжевого цвета. Мидии растут в море на камнях или каких-нибудь других предметах, на сваях причала, например. И если уж выбрали место проживания, то их там много. Этакие гроздья. Собирать их не так-то просто. Надо нырнуть и подрезать коротким ножом ножку ракушки у основания, затем сунуть добычу в сетку, привязанную на поясе, и – наверх. «Мидии продукт бесплатный, а потому полезный» утверждал наш сосед. И добывал моллюсков мешками. Мы пировали. При этом сосед восседал на заборе, а мы в «райском саду». При появлении хозяйки (кстати её звали Раиса), Юра ловко «удалялся», спрыгивая на «ничейную территорию» по ту сторону. Ежели мы отправлялись в столовую, то он брал всегда (подчёркиваю – всегда!) три порции, опять же, гречневой каши и две бутылки молока, выкрикивая лозунг: «Пища перед погружением должна быть малообъёмной и высококалорийной». Затем уплетал это невероятное количество еды и шёл погружаться.

Пляжников на берегу не прибавлялось, зато росло число охотников за сокровищами Нового Света. Ныряльщиков объединяло неугасимое желание найти что-нибудь. Берег уже усеяли сотни глиняных осколков. Я подбирала и рассматривала их: черепки, как черепки. Но речь шла об амфорах. Где они, как выглядят эти недосягаемые и таинственные предметы всеобщего вожделения?

И папа был одержим амфорами. Бесконечное количество раз заноривал он в прозрачайшую воду бухты. А я плавала над ним и видела, как он шарит по дну руками. Нырял он в акваланге и без, но с бутылкой-поплавком и верёвкой, которой замерялась глубина. Однажды намерили двадцать четыре метра! Я же нырять отказывалась. Надо мной подшучивали, подзадоривали: «Не будь трусом, Кошкин, бери пример с отца». Не подозревая, что я просто – девочка-трусиха.

Но погода всё же испортилась и всю ночь был шторм. Народ радовался. Утром ныряльщики наперегонки отправились на поиски. И мой отец тоже. Я валялась на солнышке и перебирала песок. Искала самые мелкие ракушки и рассматривала их против солнца, на просвет. Ино-

гда поглядывала на море, следила за маршрутом буйка. Поплавок отца исчез. Я забеспокоилась и начала оглядывать бухту, но его не было. Испугавшись, побежала было звать на помощь, когда увидела папу, несущего на плече какой-то замысловатый предмет. Это была она, прекрасная незнакомка – древняя амфора! Неважно, что только верхняя часть, зато внутри изящного горлышка сохранилась пробка из сургуча, а может быть воска и на изнанке сосуда чернели следы древнего масла, и можно было взять красавицу за две очаровательно изящные ручки! Розовая поверхность сосуда, слегка волнистая от пальцев изготовившего её мастера (подумать только, несколько веков назад!). Потрясающе! Вокруг нас собрались соискатели: «Повезло! Молодец! Ух ты! Ах ты! Далеко ли, глубоко ли? В каком точно месте?» Я загордилась. Мой папа – герой! А я, обыкновенная девочка, держу сокровище! Амфору понесли домой, в палатку, и отец положил её в свой бездонный рюкзак.

В Рай

Поход в «Рай» – это отдельная история. До «Рая» не так-то легко добраться. Он располагается на носу мыса, того, что с правой стороны бухты Нового Света. Есть два пути: через гору и вдоль моря. Конечно мы выбираем «по-над морем». На самом деле нам просто нравится море. Его хочется всё время видеть, наглядеться впрок. А обратно мы и вовсе поплывём. Мы взяли с собой ласты. Таков план. Компания из шести человек. Все взрослые, за исключением меня. Они болтают о тех же затонувших судах и возможных находках.

У меня полная свобода. Одурев от запахов южного леса: смолы, раскалённого камня, моря и ещё чего-то неуловимого, наверное, счастья, я почти что бегу. По пути замечаю зелёных ящериц, скромные розовые пушистые цветы – кошачьи лапки, мох. Успеваю набрать полные руки камешков, шишек, ракушек (как их сюда занесло?). Замечаю внизу в море медуз. Кричу, обернувшись: «смотрите, какие огромные!». Но меня никто не слышит. Взрослые увлечены, говорят громко, так как дорожка только для одного человека, идут гуськом. Вдруг передо мной тропинка исчезает, но там, через несколько шагов, продолжается снова. Ни секунды не раздумывая я лезу в гору, как ящерица, на всех четырёх, лезу повыше, но оглядываюсь и застываю. Очень высоко! Очень страшно! Внизу уже мечется отец: «Давай вниз. Давай. Давай!» Но я напугана и обездвижена. Под ногами сыпучий бок горы. От ужаса я ничего не слышу. Через вечность чувствую руки отца, он придерживает меня, и мы осторожно спускаемся на продолжение тропинки.

«Прямо отец Фёдор какой-то» – облегчённо говорит он. Мне всё

равно, кто я – главное спасена. Я присмирела и бреду за папой. Вот проходим «холодильник» – щель в горе, где всегда холод. «Уже недолго и попадём в «Рай»» подбадривают меня все. Пришли! Прекрасный вид, но мне всё равно. Обратно плывём морем. До дома далеко! Хорошо, что мы в ластах – они моё спасение. Я монотонно и равнодушно плыву. Скорей бы уже. «Ну что, Кошкин, устал?» – спрашивает отец. Устала не то слово – без сил.

[131]

* В древности город Судак называли по-разному: византийцы – Сидагиос; иранцы – «sixta-ka» – священный, чистый, непорочный, святой; греки – «Σουδαία» – Судея; итальяцы – «Солдаия».

** По правде сказать, с ними я и приехала на поезде в Судак (двое суток) – так рассказала мне через много лет мама, но я была полностью уверена, что встретились мы случайно на пляже – вот такие шутки у моей памяти.

РАЗНОГОЛОСЬЕ

Калина ли, рябина ли,
Краснеют от смущения.
Смотри, дубы былинные
Обнажены до имени,
До корневищ, до семени...

И в жар от откровения –
Кармин по венам листовным,
И все покровы лишние,
Лес обнажённый искретен.

Уже ковры расстелены,
И небеса раскинуты,
Дороги позатеряны,
Озёра опрокинуты.

Над лесом – треугольники
Разноголосьем осени.
В подмогу ветер северный
Опустошает просеки.

По небу – гуси-лебеди,
В лесу – рябина спелая.
Прощайте – белоснежные!
Ну, здравствуй, снежно-белая!

ПЛОД ЖЕЛАНИЙ

Там – от взглядов скрыт случайных,
Там – в тени листа, в прохладе,
Зреет дивный, зреет тайный,
Плод – он зелен, сочен, хладен.
Неприметный, долгожданный,
Там, в листве – лимон желанный.

Жду – как станет наливаться,
Как засветит ярким солнцем.
Гостю к чаю подаваться
Будет тонкий, кислый ломтик.

Будет сорван долгожданный.
Плод желаний!

ОХОТА

1.
Я иду на охоту
Осенних безоблачных дней.
Изумрудна поляна.
Янтарные листья на ней.

2.
Пруд завязан туго
Камышом по кругу.
Торжество осоки.
Ивовый наклон.

Камышовой фуге
Вторит всё в округе:
Местные пичуги,
Лаковый газон.

3.

Парча, действительно – парча
Из солнца и усталой тени.
Полднейной предаваясь лени,
Поддавшись общему томленью,
Вода, как будто горяча.

Но всё не так, не так, не так!
И жаркий отблеск – только отблеск.
Уж золотится ивы волос,
Берёз распущена коса.
И этот день – прощанье лета,
И журавли курлычут где-то...

[133]

Д и П / 2018

РОКОКО И БАРОККО

На фасаде атланты, кариатиды,
дети – ангелы,
дети-амуры.
Завитки
на фронтонах,
как увертюра.
На колоннах
античные
вазы.
Обнажённым торсом,
красотой
и прищуром
Фавн увлекает.
Смотрите –
Психею (дуру?).
Я немею –
на одном фасаде
сразу
Рококо и барокко
сплелись
нам на радость.
И
влюблённо дышат
в унисон

Елена Зельгер

два столетия.
Львы, как будто живые,
будто слышат,
что там болтают дети.
И цветы не вянут
в гранитных
вазах.

[134]

Там внизу у подножий – Мы, живущие на сто лет после,
Мы в ответе за прошлое, мы в ответе.
Мы в ответе за девственную Психею, балансирующую на парапете,
недоступную Фавну, как ни крутись он, вовсе!

ОЧЕРТЕНИЕ

«Человек человеку – почерк, две горсти букв...»

Марина Чиркова

Человек человеку что? Да не что, а так:
Как заметил из тысяч, учуял, поверил и...
Человек человеку запах... и рядом ляг!
Ух, ведь храбрость какая у той любви!

Человек человеку – всё! Или ни-че-го...
Не отдаст, не поверит, не поймёт, не простит.
Как снежок, что немедленно тает в горсти,
Как отчаянно брошенное: «прости – вот и всё...»

Человек человеку белым листом – без клякс –
Напиши, что хочешь на этом снегу.
Может быть, человек человеку враг, может, враг,
Может просто так – очертание, может, свечой в пургу.

Слюдяное окно. Первый бал. Позапрошлый век.
Но как хочется сказки и чтобы там
Человек человеку – был всегда Человек.
Джентльмены. Налейте бокалы для Ваших дам!

ВСЕ МОИ АНГЕЛЫ

Все мои Ангелы
Разные, разные:
Лики усталые, лики прекрасные,
Этот из Польши, а этот – из Бремена,
Этим так долго
Была я беременна,
Этот – от дочки моей,
Тоже Ангельчик.

[135]

Ангел из дерева
Шведского – странничек.
Детские руки лепили
И взрослые
Милых крылатых задир
И подросточков.
Ангелы в трубы трубящие
Вещие.
Ангелы в юбочках –
Ангелы женщины.

Ангелы спящие, песню поющие,
Строго глядящие, в небо зовущие,
Нежно-прозрачные, звонко-хрустальные,
И деревянные, и оловянные.

Вас вышивали, лепили, вязали,
Шили, ковали и рисовали.
Разные люди и разные руки
Вас мастерили в слезах и от скуки,
Благоговейно и, чтоб заработать,
В Праге, в Марселе,
По средам, в субботу,
В разное время и года, и дня.

Ангелы, все вы теперь у меня!
Милые. Милые, очень любимые –
Мира Хранители, мною хранимые...

Виктория Пышная

**НАЧАЛО
ПАЛОМНИЧЕСКОГО
ПУТИ**

[136]

Д и П / 2018

За окном покачивающегося вагона показались невысокие горы. Каменная земля казалась безлюдной, если бы не редкие длинные домики на холмах и низкие каменные стены рядом с ними, где паслись коровы и лошади. Ещё реже встречались церкви с колоколами и квадратными крышами, такие ярко-белые в лучах зимнего испанского солнца.

У меня, как обычно, не было определённого плана. Я просто ехала по жизни, с палаткой в рюкзаке и картой местности в кармане.

Первая же случайная встреча внесла некоторую ясность в мой маршрут. Пожилой обаятельный Амадэнос – с велосипедом, бородой и в меховой шапке, показал мне его родной город в центре Кастильи, с резными башенками и колокольнями, с изящными шпилями и аистами на крышах. Пока я сидела на станции в ожидании поезда, он принёс откуда-то дырявый английский проспект с описанием местности и посоветовал мне ехать дальше не в Астурию, как я собиралась, а в Галицию. Это самый прекрасный район во всей округе, сказал Амадэнос.

Так я оказалась на самом севере Испании, в старинном городке Понферрада. Нашла магазинчик, вкусно поела, люблюсь замком над рекой, прогулялась вокруг крепостной стены, выпила непонятного чайку в лавке сладостей и отправилась в парк к реке ставить палатку.

Последние прохожие, съёжившись от холода, спешили по домам. Пожилой дядечка с собакой пожелал мне всего хорошего и сказал по-испански, насколько я могла понять, что всё, мол, хорошо, да только осторожной мне надо быть, а то ведь, бывает, что и маньяки здесь встречаются. Я улыбнулась в ответ – я, мол, всегда осторожна. На душе было безмятежно, пуховый спальник манил, хотелось поскорей устроиться и отдохнуть.

И вдруг я увидела тёмную фигуру. Здоровый, довольно ещё молодой мужчина стоял невдалеке, скрестив руки на груди, и смотрел в

Поэзия и проза

мою сторону. «А вот и маньяк, – подумала я. Но мне самой тут же стало смешно от этой мысли. – Глупости какие». Я продолжала возиться с палаткой, а испанец всё так же неподвижно стоял и всё так же пристально смотрел на меня. Глаза постепенно привыкли к темноте, и теперь я уже явно различала его нахмуренные брови и суровый чёрный взгляд. Одет он тоже был во всё чёрное, и стоял мрачно и недвижимо, широко расставив ноги.

Мне стало не по себе. «Мало ли, гуляет человек», – пыталась я всё ещё как-то успокоиться.

Когда палатка уже почти стояла, незнакомец вдруг сделал несколько шагов в моём направлении. Уже совершенно стемнело, и вокруг не было ни души. Он остановился рядом со мной, по-прежнему не сводя с меня пристального жуткого взгляда. Я поняла, что ждать больше нечего. «Нельзя дать понять ему, что я его боюсь, такие типы ищут жертву», – подумала я и подняла решительно голову.

– Добрый вечер! – мой голос прозвучал резко и громче нужного.

Он продолжал сосредоточенно смотреть на меня. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Наконец он протянул медленно, как бы в задумчивости:

– Добрый вечер...

– Поздно уже, – услышала я свой собственный металлический голос.

«Всё, теперь всё равно здесь спокойно не поспать. Даже если он каким-то чудом исчезнет, то может появиться снова в любой момент, – подумала я, – и тогда...»

И вдруг он что-то меня спросил, медленно и тихо. Я поняла только, что он хочет что-то потрогать.

«Так, – сказала я себе мысленно, – спокойно. Вспоминай приёмы самозащиты и не суетись. Спокойно».

Сердце бешено колотилось.

– Потрогать? – переспросила я. Голос плохо слушался меня, как это бывает во сне.

– Да, – ответил он, – можно палатку потрогать?

– Палатку? – Мне потребовалось время, чтобы перевести дыхание. – Конечно. Конечно, можно.

Он подошёл к моей палатке и потёр между пальцами свободный кусок материала.

– Какая тонкая, – сказал он. – А ты не замёрзнешь?

Он всё так же пристально смотрел на меня, озабоченно нахмурив чёрные брови.

– Нет, что вы! У меня тёплый спальник. Вот, смотрите, – и я вытащила из рюкзака кусок спальника.

Он так же внимательно пощупал мой спальник, подумал и покачал головой:

– Ночи сейчас холодные.

Я объяснила ему, как смогла, что сплю в палатке и летом, и зимой, что я это люблю, и привыкла.

– И, всё-таки, здесь сейчас холодно, – не унимался он. – У нас есть дом для паломников, идущих по Пути Святого Якоба. Я могу показать тебе, где он находится. Там есть камин, и там тепло. И бесплатно.

– Но я не паломник, у меня другой путь...

– А ты скажи, что ты паломник. И вид у тебя, как у настоящего пилигрима, и рюкзак большой.

– Да, но у пилигримов есть какие-то специальные бумаги...

– Бумаги спросят, скажи: «Не знаю. Ничего не понимаю». Теплее там...

Он стоял передо мной – большой бородатый незнакомец, и его глубокие тёмные глаза светились тревогой и заботой. Я подумала, что он, пожалуй, сам до утра не уснёт, если я здесь останусь – волноваться будет, что я замёрзла.

Мой сон всё равно уже как рукой сняло. Я быстро сложила палатку и засунула её обратно в рюкзак. Мы пошли рядом вдоль сверкающей ночными огнями реки. Круглые старинные башни таинственно отражались в тёмной воде. Я всё-таки не сдержалась и обняла его от всей души перед тем, как войти в тёплый уютный приют паломников.

На следующее утро, выйдя на улицу, я сразу увидела нарисованную Золотую раковину под ногами, а на каменной стене – длинную жёлтую стрелочку, указывающую дорогу и ведущую старинными узкими переулками на Запад. Передо мной лежал Путь Святого Якоба.

2017 г., Берлин.

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

«Тайфун!»

Я только что съела несколько крошечных блестящих шариков, оказавшихся весьма вкусными котлетками, закусил их подобием пудинга со вкусом омлета и кофе одновременно, запив всё это бамбуковым напитком с лёгким ароматом зелёного чая. Посещение супермаркета было первым шоком. Ни шоколада, ни сыра, ни масла, ни ветчины, ни хлеба я там не нашла. Насколько хватало глаз, на всех полках и

прилавках располагались бесчисленные листики, тоненькие лепёшечки, какие-то червячки и корешки в сопельках и ещё много всего невероятного, и очень много суши. Это были первые дни моего первого путешествия по Японии.

Ещё с утра была прекрасная погода. Я проснулась в моей палатке в парке среди больших красных азалий и низеньких бамбуковых оградок. Всё утро гуляла я между живописными прудиками с разноцветными карпами, красными изогнутыми мостиками и серебристыми фонтанчиками, и всё было так легко, прозрачно, воздушно, так кружевно! С полупрозрачными бумажными лампиньонами, покачивающимися на лёгком ветру...

«Тайфун!»

Ветер, и правда, весьма усилился в течение дня, но я думала, что это не повод для волнения здесь, на берегу океана. Но, судя по всему, это был не простой безобидный ветер. Только сейчас я заметила, что вокруг не было не только ни одного прохожего, но и ни одной машины.

«Тайфун!»

Маленький, не очень трезвый мужчина с магазинной тележкой, из которой торчали пара старых ботинок, зонтик и свёрнутые одеяла, склонился над спящим существом на скамейке прибрежного парка. Он нетвёрдо стоял на ногах, но, судя по всему, имел твёрдое намерение предупредить спящего о приближающейся опасности. Спящий не шевелился. Я подумала, что мне, пожалуй, тоже стоило уйти подальше от берега с моей палаткой, но было так приятно сидеть на скамейке под раскидистой хурмой, в тихом безветренном уголке, вытянув ноги и полужёжа на мягком рюкзаке. «Ещё пару минут», – подумалось мне.

Так приятно было вспоминать, как шла я недавно в темноте, и, заблудившись, спросила единственного прохожего, где море, а он сказал, что его зовут Сейджи, и привёл меня на день рождения друга. И как мы ели сырых кальмаров с тофу, и разных улиток в соусах, и как все радостно аплодировали, когда мне удавалось отправить в рот очередной вкусный кусочек с помощью палочек. И как много мы смеялись! «Смеяться – это самое лучшее, что может человек!», – сказала тогда Ами, жена Сейджи. И как играли мы все вместе «Happy Birthday» в джазовом баре и пели потом караоке – душевно, самозабвенно... И слёзы на глазах Ами на следующий день, когда пришло время расставаться. Пуховая куртка в подарок, «для Хоккаидо», и слова Сейджи на прощание: «Береги себя. Мы счастливы встретить тебя. Это было прекрасное время. А вот и море. Ты спрашивала... Ты сюда хотела?»

Но теперь было поздно. Я так устала, но это настойчивое «Тайфун!» не давало мне покоя.

Завёрнутый в спальник спал крепким сном. Рядом со скамейкой лежал его тюфяк с одеждой и всякой всячиной. «Ведь можно было бы его и растолкать», – удивилась я про себя. Но приятель с тележкой предпочитал покрикивать время от времени протяжно: «Тайфун!», хоть пока и безуспешно.

А незадолго до встречи с Сейджи я попала в храм, на религиозную церемонию, – долгую и красивую, с золотыми колокольчиками, свисающими из пастей красных драконов, с письменами на жёлтых бумагах, развевающихся длинными веерами в руках монахов в коричневых и цвета охры накидках, и главным священником в золотых одеждах с пурпурной чашечкой в ладонях. Все очень красиво, нежно пели, а священник бросал в воздух бумажные золотые лепестки, и все ловили их. Мне тоже один достался...

«Тайфун!»

Голос его был слаб, но я поняла, что он не уйдёт, оставив спящего здесь, на скамейке.

«Тайфун!»

И вдруг спальник зашевелился, и из него высунулась голова.

«Тайфун!» – обрадовался стоящий над ним. Проснувшийся очень медленно, но верно встал, сложил свои пожитки, и они пошли рядышком, оба – неверным шагом, чуть пошатываясь, прочь от берега. И вдруг тот, что с тележкой, остановился и повернулся, впервые за всё время в мою сторону:

«Тайфун!»

Я тоже встала и надела рюкзак. Тогда они отправились дальше, больше не останавливаясь.

Вместо того, чтобы ночевать в палатке в этом маленьком уютном парке, я залезла на самую высокую вершину в округе, где стоял старинный буддийский храм, и устроилась под сводами его почерневших от времени толстых деревянных колонн.

Проснулась я под гулкий рёв тяжёлого дождя. Но вскоре погода снова наладилась, и я узнала, что тайфун лишь краем задел эту местность. Маленький прибрежный парк оказался, однако, затоплен.

Однажды вечером, проходя вдоль рисовых полей, залитых закатным светом, откуда, словно несметные полчища, торчали вверх копыя тонких острых листиков, я подошла к небольшой деревне. И вдруг послышались протяжные звуки флейты, сопровождаемые чуть приглушённым басом барабана. Вход в деревню через тёмные высокие ворота был украшен свечами в бамбуковых трубочках и большими разноцветными зонтиками. Войдя внутрь, я увидела длинную узкую

лестницу, ведущую на вершину холма, обнесённого каменной стеной. Там, на холме, в свете факелов, происходило театральное зрелище. Оно длилось несколько часов, с непрерывным, заунывным пением и очень медленными передвижениями по сцене артистов в устрашающих масках и костюмах. Во время перерыва одна женщина в кимоно подошла ко мне и заговорила со мной по-английски. Она представилась женой местного мэра, очень душевно поприветствовала меня в этих глухих местах и пригласила на следующий день на чайную церемонию.

И вот все собрались в большом светлом зале, с белыми изящными хризантемами в круглых вазах и полупрозрачными ширмами, разрисованными пенистыми волнами и летящими журавлями. Все поприветствовали друг друга. Моя новая знакомая Ясуко сказала что-то коротко обо мне, после чего все дружно заулыбались и закивали, отчего мне стало ещё приятнее. Мы расселись по кругу. Меня усадили поближе к даме, сидящей обособленно, одетой и причёсанной удивительно искусно и тщательно, в тёмно-красном с золотыми лотосами кимоно. Вокруг неё лежали чайные принадлежности. Она взяла в свои тонкие руки пиалу и бамбуковый пестик. Я с замиранием сердца следила за настоящей японской чайной церемонией. Лёгкими нежными движениями открывала она миниатюрные крышечки, насыпала, переливала, помешивала венчиком, и во всём, что она делала, не было ни единого намёка на спешку или на обыденность. Её действия были единой чарующей мелодией, которую хотелось слушать, и слушать, и слушать...

Несколько изящных дам вошли в зал с пиалами и сладостями, и каждый из сидящих по кругу получил серебряный подносик с голубой пиалой и малюсенькой конфеткой. Чай в пиале был ярко-зелёного цвета, с нежно-зеленоватой, густой пеной. Повернув пиалу вокруг оси, я сделала два маленьких глотка. Все ещё смотрели некоторое время радостно друг на друга, заедая горький чай сладкой конфеткой. После этого дамы в розовых кимоно собрали и унесли пиалы и подносы.

– А сейчас начнётся чайная церемония, – услышала я тихий голос Ясуко.

«Наверное, она перепутала слова по-английски, – подумала я, – ведь церемония уже закончилась».

- Начнётся? – переспросила я неуверенно.
- Да, сейчас начнётся, – повторила она с улыбкой.
- Но я думала, что чайная церемония как раз подошла к концу, – сказала я, осмелев.
- Нет, что Вы, сейчас мы начнём церемониться.
- А в чём заключается чайная церемония?
- Суть чайной церемонии в том, – объяснила моя обаятельная пере-

водчица, – чтобы сказать нашим друзьям и близким, как мы друг друга любим, как мы счастливы, что можем быть рядом и заботиться. Как мы счастливы, что мы друг у друга есть.

И действительно, все начали кланяться друг другу, и каждый говорил что-то всем по очереди, радостно улыбаясь при этом или даже смеясь от счастья. Многие кланялись также и мне, и просто обнимали меня, поскольку слов я не понимала.

[142]

И я говорила всем искренне: «Спасибо, что вы у меня есть!», и перед моим мысленным взором проплывали Ами, и Сейджи, и многие другие милые лица, и маленький человек со старыми ботинками и свёрнутыми одеялами в магазинной тележке, спасший меня от тайфуна.

Д и П / 2018

ПОТЕРЯ

Я не боюсь умереть.
Мне даже жизнь не страшна.
«Мне не о чем больше жалеть»,
Потому что любовь ушла вместе с тобой...

Закрой
Сердце, открой двери,
Воров позови.
Ведь не может быть большей потери,
Чем потеря любви.

Это страшно – забыть о любви.
Но помнить – ещё больней.
И теперь, зови – не зови,
Я не буду твоей. О, Боже мой!

Закрой
Сердце, открой двери,
Воров позови.
Ведь не может быть большей потери,
Чем потеря любви.

Поэзия и проза

Все дороги мои легки,
Всё так ясно и просто теперь.
Мы с тобой навсегда далеки.
Позади потеря потерь, потерянный мой!

Закрой
Сердце, открой двери.
Воров позови.
Ведь не может быть большей потери,
Чем потеря любви.

[143]

ПЛЕМЯ АЙМАРА

Они мудры и наивны,
Благородны и чисты.
Они приветствуют Солнце
Там, где лишь камни и небо,
Цветы и кондоры,
Парящие над пропастями,
Над узкими длинными мостами
У холодного озера Титикака.
Гордое племя Аймара.
Потомки Атлантиды.
Они знали, что они Люди.
И думали, что другие тоже Люди...

...Потерянно бредёт по Земле
Грустный добрый человек
С бездонными чёрными глазами,
С бесконечной тайной в душе...

БЕЛЫЙ ВЕЧЕР

Был дождь. Был свет. Был вечер.
Был белый теплоход.
Июнь был свеж и вечен,
Как солнечный восход.

Играл огнями город,
И ночь была бела.
Ты был красив и молод,
И я с тобой была.

Играл на струнах ливня
Чарующий Орфей.
Венок из грёз сплели мне
Нежнейшие из фей.

В твоих глазах казался
Таинственный Восток,
И губ моих касался
Тюльпана лепесток.

Лучей ночные стаи
Мерцали под луной.
И звёзды, догорая,
Шептались меж собой.

...Но струны отзвучали,
Тюльпаны отцвели.
И теплоход отчалил
От пристани любви...

ПАМЯТЬ

Я уже никогда не вернусь
В эту осень, в эту радость.
Навсегда бесконечная грусть
От тебя мне досталась.

Это было как будто давно,
Только жизнь быстротечна,
Только память всё крутит кино
Той любви, бесконечно.

ВСТРЕЧА

Посвящается Светлане и Николаю с Чудского озера

На озере сером, под небом осенним
Мы встретили Чудо-птицу.
Хотелось смеяться и с миром обняться,
И всею душой молиться.

[145]

Она освещала сияньем отрадным
Всё озеро, лес и небо.
И тот не поверит, что всё это правда,
Кто с птицей той рядом не был.

И счастья потоки она излучала,
И пела она так звонко!
С пылающим сердцем, и с мудрым началом
Во взоре, с душой ребёнка.

Мы были в гостях у той птицы осенней,
Мы ели с ней рыбу и кашу.
И хочется верить, была не последней
Душевная встреча наша.

ЛАМБАЛЛЕ

В старинном городе Ламбалле,
Где вой веков ещё не стих,
Где балки древние торчали
Из пастей чудищ золотых,

Там церковь розовая, чудом
Дракона мести избежав,
Вонзилась в небо изумрудом
Крестов сияющих оправ.

Там в каждом камне – удивленье,
Там в шуме волн – Вселенной песнь,
Там жизни юной вдохновенье
Во всём, что было, будет, есть!

НА ОЗЕРЕ

Блестело озеро металлом
В последних вздохах ноября.
Но, словно жаром запоздалым
Палитру осени даря,

Берёзка появилась в роще
Деревьев чёрных и нагих.
Она зимы ещё не хочет,
И всё танцует и хохочет,
Одна – живая среди них!

На фоне серой паутины
Уже безлиственных ветвей
Она стояла, как картина,
Увы, ушедших страстных дней.

Являя сердцу удивленье,
Что солнце есть, и счастье есть!
Оно лишь временно в забвенье,
И возвратится, словно песнь.

ВЕСНА

К острию прикоснись,
И по-детски наивно-кудряво
Приласкает тебя
Заострённый кленовый листок.

Золочёная высь
Белым снегом пропитана талым,
И ростков якоря
Не сжигает сиянья поток.

Скрыта смерть далеко,
Позабыта до новых печалей.
И зелёная высь
Кружевно и прозрачно нежна.

И звенит высоко
Колокольчик серебряных далей.
Ты весне улыбнись,
И тебе улыбнётся весна.

* * *

Утопает розовая нежность
В отблесках безбрежной пустоты.
Океана пенные одежды
Белые напомнили цветы.

Нашу встречу – тайную, шальную,
На ладонях – яблонь аромат.
И, забывшись, волны я целую,
Охлаждая вспыхнувший закат.

* * *

Нанизаны на ниточку судьбы,
Как бусинки, трепещем мы и вьёмся.
А если вдруг мы с ниточки сорвёмся, –
Опасные пути нам суждены.

Нас будет ветер по миру носить,
Играть он будет нами и резвиться.
И нам не суждено остановиться –
Свою судьбу самим определить.

Кого-то вздёрнет к солнцу, в запредел,
Другого в угол пачканый закатит,
Не хватит сил, и времени не хватит,
Вернуться к ниточке и снова стать «у дел».

Но можно! Можно ветер подхватить
И распустить свой парус над судьбою.
И шхуною блистательной морскою –
Жемчужиной сверкающей проплыть.

Нанизаны на ниточку судьбы
Как бусинки, трепещем мы и вьёмся.
Сорвёмся мы из бус иль не сорвёмся?

* * *

[148]

M.S. (Моему мужу)

Белоснежный Ермон – как брильянт среди горных вершин,
Водопадами рос умывается ранней зарёй.
Леопарды скользят плавным бегом среди пышных долин,
Средь лесов, источающих нежно-душистый алой.

Солнца струи, касаясь кристаллов небесных высот,
Наполняют ущелье и в нём приютившийся стан.
И фонтаном струится источник сияющих вод,
Возвещая начало священной реки Иордан.

Где Ваала жрецы, обезумев от Пляски Огня,
Свои жертвы сжигали под карканье гнусных ворон,
Распустился цветок драгоценного нового дня,
Среди роскоши трав, на горе недоступной Ермон.

Михаил
Погребинский

**РИВКИНО
СЧАСТЬЕ**

[149]

Д и П / 2018

Пожилая женщина склонилась над столом. В который раз она перелистывала альбом с потускневшими фотографиями. Залетевшая откуда-то ночная бабочка, билась о плафон настольной лампы и в изнеможении упала на стол. Она отчаянно цеплялась за жизнь, пытаясь подняться.

– Ну что, глупенькая, не спеши умирать, поживи ещё – произнесла женщина и осторожно выпустила её в окно.

Октябрьский вечер был тёплым. Пахло морем. С ласковым шуршанием накатывали волны на берег. Витрины магазинов дарили свет улице. В кафе рядом звучала весёлая музыка. Там праздновалась свадьба. Раздавались хлопанья дверей у подъезжающих автомобилей.

Женщина села за стол. Она разглаживала пальцами снимки, наиболее ей дорогие. Воспоминания болью сжимали душу. С одного из них глядела молодая девушка. Волосы её уложены венком вокруг головы. Голубые глаза светились добротой и доверчивостью. Вспомнился тот день, с которого всё началось.

Лето 1941 года было особенно жарким в её краях. На склоне оврага, обильно заросшего орешником, бузиной и дикой маслиной, сидела девушка с вьющимися рыжеватыми волосами и глядела на стремительно бежавший по дну оврага ручеек. Неподалеку паслась коза, за которой она присматривала. Девушка плела венок из одуванчиков. Она, улыбаясь, заметила кузнечика, усевшегося на её колено. При рождении её нарекли библейским именем Ривка, жены брата Яакова, носившей такое же имя, вполне соответствующее ей.

Продолжая улыбаться, обращаясь к своим мыслям, она шептала:

– Счастливой ты будешь, Ривка, удача ждёт тебя и успех. – Так часто говорили ей односельчане.

Поэзия и проза

Девушка проводила летние каникулы в немецкой деревне или, как её тогда называли, – немецкой колонии, у старого друга её отца, Юргена. У него она должна была остаться до сентября.

Отец Ривки, портной Гершл, был призван в Русскую армию в начале Первой мировой войны. Он попал в германский плен, где провёл четыре года. Там он познакомился с Юргеном, немцем из деревни Одесской области. В плену Гершл неплохо освоил немецкий язык. В этом ему помогло знание идиш, который несколько напоминал немецкий. С малых лет овладел ремеслом портного. Мастером он был отменным, обшивал местных жителей и ездил на заработки по всей области. Гершл кроил новые вещи, перелицовывал старые. Мог пошить пальто, костюмы, крестьяне охотно заказывали ватные фуфайки.

Вернувшись из плена, Гершл женился и поселился во Владивском районе Одесской области. В семье родилось четверо детей. Ривка была средней. Порой счастье откровенно улыбалось ей.

Ривка запомнила 1933 год. Ей тогда исполнилось 6 лет. Как-то вечером к ним ворвались местные активисты продразвёрстки и при обыске нашли немного перца и горсть пшена. Конфисковав это, они увезли отца в тюрьму, объявив его «кулаком». Не знала Ривка, что донос на отца из зависти написал коллега по ремеслу.

Не дождавшись мужа, умерла от голода Ривкина мать. Её тело погрузили на телегу и увезли неизвестно куда. Через несколько месяцев отца выпустили за недостаточностью улик.

– Счастливая, ты Ривка, отец вернулся – говорили все.

Отец отвез Ривку с младшей сестренкой в город Первомайск и определил их в патронат. Первую страшную ночь, проведённую в изоляторе, Ривка запомнила на всю жизнь. До самого утра, закутавшись в одеяло, поджав ноги, она просидела без сна, дрожа от страха. Огромные крысы носились по комнате, запрыгивая на кровати. Утром от истощения умерла сестра. Её не хоронили. Также завернули в простыню и увезли.

– Счастливая ты, Ривка, жить осталась – говорили все.

Через год отец забрал Ривку из патроната и увёз её в родное село. Оставив детей на попечительство знакомой, он уехал на заработки в чешскую колонию.

Как-то соседка попросила детей Гершла помочь ей набрать белой глины, которой покрывали стены домов. К месту добычи предстояло ехать на арбе, запряжённой волами. Дети невероятно обрадовались путешествию, но Ривка была против, видимо, предчувствуя надвигающуюся беду, она уговаривала брата и сестру остаться. Но старшая сестра была непреклонной. Назад она не вернулась.

На крутом спуске девочка свалилась в отверстие на дне арбы и погибла под колёсами.

– Счастливая ты, Ривка, – говорили все. – Будешь жить долго.

– Ривка, беда пришла, – вырвал девушку из раздумий крик односельчанки, мчавшейся к ней. Переведя дыхание, утирая платком пот с лица, с тревогой в голосе произнесла – Война, война! Передали по радио. Гитлер напал на нас. Самолёты бомбят Киев. Что теперь будет?

[151]

Ривка понимала, что война – это горе, страдания, смерть, но не могла она знать, чем обернутся для неё эти годы. Не знала Ривка, что её область вскоре будет называться румынским губернаторством Транснистрия и её судьба будет в руках голтинского* префекта Модеста Изопеску. Что во многих сёлах по ночам люди будут жечь факелы, давая сигнал немецким летчикам не сбрасывать бомбы, а лететь дальше, так как войск Красной армии здесь нет.

В конце августа Юрген велел Ривке бежать, так как в оккупированных районах всех евреев убивают на месте или гонят на массовый расстрел. И если он оставит Ривку дома, то немцы расстреляют всю его семью.

– Куда мне бежать? – недоумевала она.

– Только не в родное село. Там сейчас немцы и румыны. В чешской колонии твой отец. Наспех собравшись, Ривка направилась на поиски отца. Чешская деревня была в шести километрах от немецкой. Там она разыскала отца.

– Гершл, прости меня, я ничего не могу сделать, чтобы вас спасти, – говорил его друг Карел. – У нас оставаться вы не можете. Мою семью уничтожат за укрывательство евреев. Нам уже доставили приказ из районной жандармерии. Я отвезу вас до Ивантеевки.

Там и схватили Ривку с отцом местные полиция и погнали на правую. Вначале колонну сопровождали румынские жандармы. Они не избивали и не грабили, но с охотой отбирали у евреев ценные вещи в обмен на хлеб. Ривку взял за руку румынский солдат.

– Богдановка ну, там пах-пах – сказал он ей.

Среди евреев нашёлся старик, знающий молдавский язык. Он и перевел с румынского. Солдата зовут Илие. Ему очень понравилась Ривка. Он может спасти её и увезти в родную деревню. Там у него родители и свой дом и Ривка станет его женой:

– В Богдановке вас всех перестреляют.

– Если спасёшь нас с отцом, я согласна, – сказала Ривка, если нет, то тогда лучше нам погибнуть вместе.

– Двоих не могу – ответил румын.

[152]

Д и П / 2018

Через сутки румынские солдаты передали колонну местным украинским полицаям. На одном из перекрёстков в колонну влились евреи, которых гнали из Бессарабии и Одессы. Толпа была огромной и тянулась на три километра. Колонна напоминала длинную чёрную змею, ползущую по белому снегу и, словно сброшенную кожу, оставляя за собой упавших от изнеможения людей, которых тут же пристреливали. Трупы лежали на дороге и на обочинах. Их было много и к ним стали привыкать. Ривка просила идущих с ней рядом не оборачиваться, чтобы не видеть эту зловещую картину. Многие несли на руках детей и из последних сил старались дойти до ночлега. Внезапно людей остановили полицаи, подъехавшие на трех возах. Они приказали посадить в них детей, чтобы облегчить путь. Детей вырывали из рук обезумевших родителей и набивали ими возы, как дровами. Подводы тронулись, обгоняя колонну. Минут через двадцать донеслись нечеловеческие крики. Когда узники поравнялись с этим местом, взору людей предстала страшная картина. Все дети были убиты. В них не стреляли, а просто убивали прикладами, палками и ножами. На снегу лежали истерзанные тела. Головы многих были размозжены и тут же в луже крови виднелись вывалившиеся внутренности.

Людей загнали в коровники без крыши и они, падая от усталости на навозные кучи, несмотря на осенний холод, тут же засыпали. Не знала Ривка и не могла знать тогда, что судьба предложила ей всё преодолеть, выжить и стать свидетелем того, что должна была испытать. Когда колонна остановилась возле Ривкиного села, отовсюду слышалась музыка, и сотни неубранных трупов лежали на улицах.

– Мы гуляем свадьбы. Двадцать три года ваша Советская власть не давала нам жить. Вот теперь наш праздник. Хана вам, жидовня. Попили нашей христианской кровушки, – орал пьяные полицаи.

В селе недавно «похозяйничали» части СС. Они не просто убивали евреев, но превращали это в развлечение. За молодым еврейским парнем они гнались на легковой машине и, когда тот свалился от усталости, переехали через него. Другого, двенадцатилетнего мальчика, привязали к возу, и тянули по улицам, пока он не упал замертво.

Ривка увидела среди полицаев знакомое лицо. Это был Павло, высокий тёмноволосый парень, друживший с Ривкиным братом. Он часто заходил к ним в дом, проводя время за шахматной доской. Ривка направилась к нему. Маленькая надежда затеплилась в ней. Она будет просить только об одном – оставить их с отцом в родном селе. Павло дал ей знак следовать за ним в степь. Они отделились от толпы. На Ривке было мужское пальто, подаренное ей одной женщиной, чей муж

Поэзия и проза

погиб. Оно было большим и, хотя совсем новым, Ривка выглядела в нём очень неказистой.

– Павло, мне нечего тебе отдать. Вот возьми это пальто, больше у меня ничего нет. Ты же был нашим другом.

– Собаки вам друзья. Вам, жидкам, всё равно смерть. А ты, Ривка, мне давно приглянулась. Я возьму то, что мне принадлежит – твоё тело, – ответил он. В его глазах вспыхнула жестокость. Он начал срывать одежду с девушки. Она собрала остатки сил для сопротивления, но внезапный сильный удар в переносицу бросил её навзничь. От боли Ривка потеряла самообладание и способность к сопротивлению. Он перевернул её на спину и навалился сзади, вдавив её лицо в снег.

Она брела к толпе людей, преодолевая боль внизу живота. Лицо её было безучастным. Ей хотелось только одного, чтобы кто-нибудь выстрелил ей в спину и положил конец её жизни.

Внезапно в колонну ворвались местные полицаи. Они отбирали у людей кольца, часы и одежду. Гершл услышал голос старосты Ивана Шпака.

– А откуда ты тут, Гершко, взялся?

– Оттуда, откуда берутся все евреи, – ответил он.

Староста окинул взглядом стоявшую рядом женщину.

– О, хорошие сапоги, хромовые. Ещё совсем новые. А ну сбрасывай их, сука. Они тебе больше не нужны – заорал он.

– Ты же не оставишь её на морозе босиком, – вступился за неё Гершл.

Староста ушёл, и спустя несколько минут, появился вновь, держа в руках пару рваных галош.

– Иван, – сказал Гершл, – мне дать тебе нечего. Я об одном прошу. Ты же знаешь меня давно. Я никому никогда не причинял зла. Оставь нас с дочкой в родном селе. Убей нас обоих и закопай. Пусть наши тела будут лежать неподалеку от могил наших предков, а не гнить в степи, как собаки.

– Никто тебя, Гершко, убивать не собирается. Ты мне ещё понадобишься. У меня есть настоящая работа для тебя. Ты же хороший портной. Вот и сошьешь мне новое пальто. Его рябое лицо побагровело от самодовольной улыбки.

Староста забрал Гершла с Ривкой к себе домой и поселил их в комнатушке, половина которой была завалена награбленной одеждой и чемоданами с вещами. Появился ещё один шанс отодвинуть смерть. Гершл шил целыми днями. На улицу выходить было опасно. Улучив момент, когда старосты не было дома, к Ривке забегала её школьная подруга и приносила тайком поесть.

Внезапно отца увели в комендатуру. Немецкий офицер через пе-

реводчика спросил у Гершла, – не может ли он посоветовать, у кого можно заказать брюки-галифе.

– А кто, кроме меня, господин офицер, – ответил Гершл, на хорошем немецком, – может эту работу сделать лучше меня. Меня знают тут все, как самого лучшего портного.

Комендант очень удивился знанием немецкого языка, которым владел этот еврей. Гершлу пришлось рассказать о годах, проведенных в плену.

Офицер остался доволен работой портного и выдал ему «охранную грамоту» за собственной подписью и печатью. Через месяц коменданта перевели в другой район. За Ривку с отцом снова взялись жандармы.

Их пригнали к довоенному складу, перед входом в который лежали груды раздетых трупов. Внутри на полу лежали люди, похожие на мертвецов, но они ещё шевелились и их глаза блестели в темноте.

Ривка села на подоконник у зарешеченного окна. Она с тоской глядела в вечернее небо и чувствовала, что шансов выжить у неё не осталось.

Вдруг она увидела чей-то силуэт. Местная женщина, воспользовавшись отсутствием охраны, просунула Ривке свёрток. В нём были несколько вареных картофелин, кусок сала, несколько луковиц и буханка хлеба. Десятки рук потянулись к Ривке. Ей стали предлагать какие-то ценные вещи, оставшиеся у них.

– Мне ничего не нужно, я поделюсь, здесь для меня этого много, – сказала Ривка, раздавая еду маленькими порциями.

В декабре 1941 года в районном центре устроили гетто. В него согнали около восьмидесяти евреев. Их разместили в здании аптеки. Всем велели нашить на грудь и на спину желтые шестиконечные звезды. Среди узников были Ривка и её отец. Гетто находилось под румынским протекторатом. Здесь пока не убивали, а готовили к предстоящей смерти. Людям разрешали ходить на базар за продуктами в сопровождении жандармов. Заставляли мести улицы, стирать бельё офицерам, за что платили немецкими марками. Портные и сапожники кое-что зарабатывали. Стали привозить евреев из Бессарабии. В лагере появилась молодая красавица Софья из Бухареста. Она была беременна. Вначале войны она оказалась в Бессарабии. Там её арестовали и пригнали в гетто. Здесь она родила. Ребенка нашли задушенным в зарослях кукурузы. Все догадались, кто это совершил. Женщины хотели растерзать её за это. Тогда Софья рассказала, что один румынский офицер обещал спасти её, но изнасиловал и бросил. Теперь она не хочет, чтобы ребенок этого ублюдка жил. К ней стали относиться с пониманием.

В начале 1944 года что-то пошло на спад в румынской жандарме-

рии. Стали доходить слухи, что не хотят румыны больше воевать за Германию. Претор решил даже устроить проверку в гетто. Изъявил желание посетить узников сам префект Изопеску и даже поинтересовался, в каких условиях живут евреи. Всем велели навести порядок в помещении и при встрече с префектом стать навытяжку и, вскинув правую руку в приветствии, сказать – хайль Гитлер! Во время посещения одна, вышедшая из ума женщина, вместо приветствия приложила ладонь к виску и, щелкнув каблуком, прокричала: «Здравия желаю!» Все ожидали немедленного наказания, но на сей раз пронесло. Префект рассмеялся, грязно выругался по-румынски, и вся свита покинула здание. Через месяц всем вернули паспорта, велели спороть нашивки с магендовидами и расходиться по домам, стараясь не попадаться на глаза полицейским и отступающим войскам.

Приближаясь к родному селу, Ривка с отцом снова встретились со смертью. Их заметил полицейский и, узнав в беглецах евреев, вскинул винтовку и направил ствол на них. Раздался сухой щелчок затвора и Ривка, прижавшись к отцу, закрыла глаза. Обидно было, – за несколько мгновений до избавления, получить пулю. Выстрела не прозвучало. Когда она открыла глаза, то увидела винтовку в руках женщины, которая неизвестно как, вырвала её из рук полицейского.

– Ирод проклятый, – кричала она. Что тебе сделали эти люди? Пусть идут, куда им нужно!

28 марта в село вошли войска Красной армии и с ними долгожданное избавление. Бойцы были ошеломлены рассказами о зверствах фашистов и их пособников.

– Возьми, Ривка, винтовку, я дам тебе несколько солдат, и по закону военного времени, перестреляй эту сволочь – сказал ей молодой лейтенант.

– Нет, ответила Ривка. – Мы – не палачи. Пусть их судят по справедливости.

– Нет, – сказал Гершл. – Нам ещё жить с этими людьми.

Вскоре пришла радостная весть от старшего брата. Он жив и получил направление на ускоренные офицерские курсы в Одессу. Отец и сын рыдали, обнимая друг друга.

В конце 1945 года после окончания курсов он снова отправился на фронт.

– Счастливая ты, Ривка, у тебя брат жив остался, – говорили все.

Брат писал, что идут тяжелые бои за Будапешт и ни один мадьярский солдат живым не уйдет. Затем пришла похоронка. В боях за Будапешт пал смертью храбрых гвардии младший лейтенант Иосиф Гольдберг. Ему было всего 23 года.

Ривка не пошла в школу, а стала ученицей парикмахера, а отец продолжал шить. И не было у Ривки простого человеческого счастья. У неё развилось стойкое неприятие интимной близости с мужчиной, хотя многие предлагали ей руку и сердце.

«Может быть, я и в самом деле счастливая», – думала Ривка, стоя у окна своей маленькой, но уютной квартиры в израильском городе Нетания.

[156]

А по ночам ей часто снились овраги, поросшие лещиной, зелёные и высокие тополя вдоль дорог, тёмные, но звёздные ночи и ясно слышались украинские песни, порой безудержно весёлые, а порой грустные, задушевные и очень сентиментальные.

* Голта – часть города Первомайска, сейчас Николаевской области.

Масуд Панахи

ДАМА С СОБАЧКОЙ

[157]

Д и П / 2018

Не успел. Светофор переключился на красный, автомобили пролетали на высокой скорости. По ту стороны улицы к перекрёстку приближался сутулый, худощавый мужчина в старом спортивном костюме серого грязного цвета. Всё на нём висело, как на бродяге. Провалившиеся щёки, медленные шаги дистрофика, руки болтались сами по себе. Он остановился перед «зеброй», посмотрел назад, на плетущуюся за ним собаку. Та на своих четырёх шагала ещё медленнее, учитывая заднюю правую ногу, которая с каждым шагом издавала странный звук, словно скрежет шарниров. При каждом шаге тазовая кость правой ноги поднималась гораздо выше другой со звуком «кыржт», пауза, «кыржт». Выглядело это грустно. Я подумал: «Теперь не только моя соседка имеет искусственные суставы, но и собака». Соседка, за восемьдесят, каждое утро проделывает часовую прогулку, предписанную врачом. Видимо, и собаке назначена эта процедура. Собака подошла к хозяину, понюхала его ноги, остановилась, опустив голову. Она выглядела действительно старой. Худощавая с обвисшими ушами, седая морда, глаза прикрыты, потрёпанный хвост – верёвкой. Я часто наблюдал схожесть животных с хозяевами. Хозяева бывают похожими на своих четвероногих любимцев. Эти – просто близнецы. Старый пёс мотнул головой, уткнулся носом в асфальт и замер. Видимо, ушёл в раздумье: «Ну, какого чёрта мне нужны эти прогулки? Полежать на коврикe – ноги не держат, боль в спине, слух не тот, еда не вкусна. Эти прогулки, только бы до дому, а там спать, спать, спать».

Обычно животные на воле живут не долго: собаки, кошки – четыре, а того глядишь, и шесть лет протянут. Как только они завёывают наши сердца, потом нашу квартиру и свободу, человек становится рабом своих четвероногих хозяев.

Сзади приближалась ещё одна пара. Впереди – маленькая собачка на привязи. Женщина средних лет с довольно приятным лицом. Юбку

так и бросало по сторонам. Она держала в руке лайн, то отпуская его, то натягивая. Собачка с хвостиком торчком быстрыми шажками приблизилась к перекрёстку. Увидев собаку с уткнувшимся в землю носом, резко тормознула, попятилась к хозяйке, остановилась у её ног. У старика зашевелились уши, но поднять их он не смог. Открыл глаза, поднял голову. Зрачки были покрыты серыми бельмами (чёрт возьми, он ещё и, слепой), нос вдруг задвигался в разные стороны, стал жадно вдыхать забытый запах, что-то припоминая. Дёрнулся на поиски к источнику знакомого аромата. Собачка, следившая за стариком, была знакома с подобными ситуациями, и спряталась за хозяйкой. Послышались быстрые: «Кыржт, кыржт, кыржт». Старый пёс стал принюхиваться и преследовать собачку. Она начала крутиться вокруг хозяйки, шаги старика ускорились: «Кыржт, кыржт, кыржт». Послышался сердитый голос женщины:

– Вы, господин, придержали бы вашего кобеля.

Участившиеся скрежетания были прерваны хриплым голосом хозяйина:

– Пошли! Уже зелёный свет. Ждать не буду! – и шагнул вперёд.

Худощавый, ссутулившийся мужчина с провалившимися щеками медленно шагал, за ним плёлся пёс, поскрёживая правой ногой, тыкаясь носом вверх и жадно хватая благоухание, растворяющееся в воздухе.

Женщина, взяв собачку на руки, ускорила шаги, пролетела мимо меня, обдав приторным запахом духов. Что-то знакомое... Откуда этот аромат?

А... это было летом. Помню мимолётное видение в автобусе. Находился у родных, посетив моего друга, человека осторожного, не то ропливого, не любящего конфликтов. Думаю, мальчишкой он даже не участвовал в драках. Детство оставило в нём неизгладимую потребность самосохранения. После инфаркта он стал ещё осторожнее: шагал медленно, при сильном ветре переходил на другую улицу, убеждая окружающих, что трудно становится дышать.

У меня промелькнуло воспоминание о посещении друга: «Ах да, аромат!»

Решили поехать к нему в мастерскую:

– На машине?

– Нет! На автобусе!

С паузами дошли до остановки:

– Ты же ненавидишь автобусы.

– Сегодня – на автобусе! Я тоже хочу немного выпить. Гусик рыбу приготовил, нас ждёт.

Сел на первый ряд, предложил и мне присесть.

– Я постою.

Ехать в микрорайон при такой жаре не очень приятное занятие. Автобус заполнялся. Вдруг, вошла она, средних лет, прекрасные черты лица, гладкая кожа, великолепная причёска, без всякой косметики и украшений. Всё – родное. Ну, просто божественная невеста. Села напротив друга. Долго ждать не пришлось. Коленкой по моей, подняв брови вверх и указывая на первый ряд.

– Да, вижу! – пауза, а он опять, коленкой, и пальцем, мол пригнись поближе. Я склонился к нему. Болезненным, хриплым голосом:

– Всё отдал бы!

– Ну, попробуй, чем чёрт не шутит, может, и познакомитесь.

Он умолк, задумался, и опять подзывает. Склонился:

– Ну что, решил? На следующей станции сойдёт и ты её никогда не увидишь.

– А как быть с сердцем? Здесь его голос действительно задрожал.

– А что с сердцем?

– Я же помру!

– Помирать в объятиях красавицы – одно, дома – другое, а ещё хуже – в больнице. Он немного скис, и дёрнул меня за бьюки.

– А жить-то хочется?!

– Когда-нибудь мы все покинем этот мир, долго нас вспоминать не будут, а после – забудут. А смерть с богиней останется на устах. Поколения будут пересказывать, книги писать, песни слагать, фильмы снимать. Подумай, пока не поздно.

Он глубоко вздохнул, его тело еще глубже провалилось в сидение автобуса. Так и осталась на его лице окаменевшая улыбка вождения. Автобус остановился, богиня встала и грациозно спустилась по ступенькам. Прощай, красавица! Спасибо за мимолётный подарок и за то, что ты выбрала именно этот автобус...

«Нет, то был совсем другой аромат духов... Сейчас вспомню... По-моему...»

За спиной послышался знакомый звук: «Кыржт, кыржт, кыржт». Повернувшись, увидел удаляющегося старого пса, волочившего по земле хвост...

НА ПОЛУСТАНКЕ У ТАЙГИ

[160]

Д и П / 2018

С опушки небольшого леса, захватывая своей красотой и живописным простором, открывалась панорама, едва доступная беглому взгляду. Казалось, нога человека не касалась ни одной из троп, настолько они были ухожены и чисты. Лишь эхо доносило паровозный гудок из долины, и где-то из-за вековых елей, просачивался густой серый дым, ползущий к одинокой, укрытой ветвями избушке. За ней – полоска тёмного елового насаждения; вблизи него – группка людей. Одни – в военных униформах, другие – в гражданском. Последним со ступеней теплушки выпрыгнул человек в заострённой папахе. Затем тепловоз с двумя вагонами, покачиваясь и пыхтя, исчез, проглоченный тайгой.

Несколько вооружённых солдат в папахах сбили толпу в колонну и направились в сторону избушки.

Раздался скрип, открылась дверь избушки. Оттуда вышел худощавый молодой человек в будёновке и длинной шинели, сжимая руками винтовку с примкнутым штыком. За ним следовал высокий, в белой униформе, офицер. Он приостановился, застегнул китель, надел фуражку, и подошёл к молодому красноармейцу. Последним вышел бородастый мужик в надетой набекрень папахе и душегрейке и с нелепо висящим за спиной карабином. Молодой штыком ружья указал в сторону небольшой полянки, по которой извилистой змейкой вилась тропинка, ведущая к гористой части леса.

У офицера были правильные черты лица, под грустными голубыми глазами – провалы щёк. Весь его облик подчёркивал явное недомогание от усталости и взволнованности. Однако, взгляд и шаги были полны достоинства, и устремлены в сторону тайги. Поодаль от него шли бородастый мужик и молодой красноармеец. Пройдя несколько метров, красноармеец заметил:

– Семёныч, а Семёныч! Гляди-ка, беленький-то гхордый, как вышагивает....

– Да-а, видать, гордый, – мрачно ответил бородастый.

Пройдя ещё несколько шагов, молодой склонил голову к плечу, критически посмотрел в спину заключённого и, быстро повернувшись в бородатому, усмехнулся:

– А тот намедни плакал, деньгхи предлагал, только бы его отпустили...

– Глупый был. В тайге и неделю не прожить, с голоду и холоду помрёшь, или звери растерзают.

– Семёныч, Семёныч! А этот?– не унимался молодой.

Мужик, сдвинув папаху к затылку, почесал лоб, и глубоко вздохнул:

Поэзия и проза

– Этот плакать не будет.

Ответ Семёныча молодого не удовлетворил, он скривился, посмотрел на офицера. Офицер, не сбавляя темп, шёл по тропинке, приближаясь к темнеющей гуще леса. Молодой оглядел его с головы до ног, и долго смотрел как сапоги офицера вышагивают ритмичные шаги. Он направил ружьё в спину пленного. Бородатый повернул голову к молодому, и тот, заметив его осуждающий взгляд, медленно опустил ружьё.

С каждым шагом лес приближался всё ближе. Офицер, не сбавляя темпа, шёл всё также уверенно по тропинке, исчезавшей в самой гуще высокогорья. Ещё несколько метров, и всех поглотили тёмные заросли тайги.

Тропинка в лесу была совсем узкой, и все шли гуськом: впереди офицер, за ним молодой солдат, замыкал – бородатый.

Пройдя пару сотен метров, вышли на просвет, между двумя соснами стоял небольшой грубо срубленный стол и доска на двух пеньках. Молодой приказал:

- Стоп, – и повернувшись к бородатому, спросил:
- Семёныч, а Семёныч, – как всегда?
- Как всегда, – вздохнул тот.

За столом начинался глубокий, скалистый обрыв. Молодой приказал офицеру:

– Туда.

Офицер посмотрел на тропинку, которая вела ещё глубже в лес и с чуть заметной улыбкой зашагал в сторону обрыва. Взгляд его остановился на величественной панораме тайги. Горные вершины цеплялись за горизонт и словно уходили в небо, растворяясь в его голубизне.

Молодой и бородатый сели на лавку. Из-за пазухи солдат достал свёрток. В нём – полбуханки чёрного хлеба, вяленая вобла, кусок сала. Пошарив рукой в другом конце пазухи вытащил бутылку самогона. Бородатый подвинул к нему помятую солдатскую кружку. Офицер, сделав шаг в сторону пропасти, посмотрел на скалистый обрыв. Молодой протянул было руку к ружью, но бородатый остановил его.

- Семёныч, прыгнет-то...
- Такие не прыгают, – уверенно произнёс бородатый.
- Тебе лучше знать, ты же служил у них.
- То-то и оно, такие не прыгают.

Офицер, сделав шаг назад, провёл ещё раз взглядом по этим величественным горам и замер, медленно сняв фуражку, гордо держал её у левой стороны груди.

Молодой налил полную кружку самогона и осторожно поставил перед бородатым, пододвинув к нему свёрток с хлебом. Тот снял па-

паху, отодвинув хлеб, перекрестился и залпом выпил. Потом протёр рукавом бороду.

Молодой вновь наполнил кружку и, поднёс ко рту:

– Семёныч, а Семёныч! Ты закусывай, работа наша не простая, а самогон помогает выполнять долг.

– Долг?! Для кого долг, а для кого – матушка Рассея! – покачивая головой, возразил старый.

Молодой поморщился:

– Эх, ядрёны мать этот самогон, – и стал жевать сало. Семёныч из-под бровей посмотрел на офицера:

– А ну-ка, налей ещё!

– А это с удовольствием, – ухмыльнулся молодой. – Семёныч, как повелите.

Офицер, казалось, забыв обо всём, всеми помыслами и душой был там, в горах.

– Эй, барин, – позвал бородатый.

Офицер не слышал его.

– Эй, барин, – громко повторил молодой.

Офицер повернулся, Семёныч жестом подозвал его. Тот твёрдыми шагом подошёл к столу и остановился. Семёныч пододвинул к нему полную кружку самогона. Офицер, стоя с фуражкой у груди, посмотрел на бородатого, затем на молодого, жадно уплетавшего за обе щёки хлеб с салом.

– Ну, что? Пей... напоследок...

Офицер медленно протянул руку к кружке, поднёс её ко рту. Вдруг остановился и твёрдым уверенным голосом произнёс:

– Благодарствую, – замер на пару секунд, посмотрев задумчиво на кружку, оглядел конвойных, и уже тихим голосом добавил:

– А вы, случайно, не болели какой-либо инфекционной болезнью?

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙТИ

Он лежал на мостовой, не в состоянии понять произошедшее. Дышал глубоко. Над ним тёмное небо – нет, это просто сон. Как осознать всё, пытаться вспомнить, глотая воздух. Перед глазами мелькали эпизоды дня:

...Окно. Звон колоколов. Перекрестился. Ставни закрыл, папку подмышку, лестница. Спустился. Улица. Группа дворовых молодцов. Матернулись, мол, наш интеллигентик на работу хилает. Светофор, старушка, помог ей перейти улицу. Работал допоздна. Надо домой.

Коллега с папкой: «Проверь, пожалуйста». Ему сына со школы надо забрать. Выключить компьютер. Вахтёр. Толпа. Шумит ночной клуб, весёлая молодёжь. Его квартал. Группа бездельников. Слышен плач. Известно – за проход надо платить.

– Отпустите, я не знал, – ранец школьный летит к ногам.

– Ребята, не трогайте мальчика. – Малыш подбежал ко мне, спрятался за спиной. Они окружили меня:

– Ты кто такой? А, это ж наш интеллигентик, ну, братва, надо прочить его.

[163]

Холодок прошёл по телу, дыхание рывками, что-то тёплое сочилось меж пальцев. Показалось – знает этих людей. Они стояли у его ног и, испуганно смотрели на него. Глава шайки что-то держит в руке. Крик:

– Тикаем, – испугано выбросил руку вперёд, из неё что-то выпало на камень. Звон. Топот удаляющихся шагов.

...Жадно глотает воздух, рука сжимала живот, кровь, хлюпая, рвалась наружу. Брызги летели на мостовую. Теперь он ясно услышал плач мальчишки:

– Дядя, дядя не умирайте, пожалуйста, не умирайте.

Он хотел ответить, но не смог. Страх охватил его. Он мотнул головой. Сопrotивляясь разумом, крепче прижал руку... Секунда решает – время распротиться Телу с Душой навсегда... Не хотелось умирать. Тело медленно слабело, отдавая энергию зарождавшемуся духу. Только плач пацана обнадёживал: «Он жив». Мутилось в голове, перед лицом вырисовывалась белая, прозрачная вуаль, приобретающая образ человека, знакомого ему. В нём он узнал себя. Вдали, что-то ослепительно озарило двойника. Громко кричал: «Нет, нет, не уходи». Но голоса своего не слышал. Только внутренний голос: «Отпусти». Метаморфоза свершилась, Дух приобрёл форму. Единство связи с Телом прервалось. Протянутая рука, удерживая Тело, безжизненно упала на мостовую. Дух безжалостно удалялся дальше. Безлюдная улица, рядом всхлипывающий мальчик дёргал за воротник Тело. Послышались звуки сирены.

...Из тумана появилось очертание ворот. На ступеньках, по сторонам, стоят опрятно одетые создания. Справа – стройный юноша с красивым лицом, в белом костюме и шляпе. Слева – тот же юноша, но в чёрном, с тростью в руке. Дух посмотрел на них, поздоровался. Чёрный, сняв шляпу, кивнул:

– Добро пожаловать.

Белый держал в руках смартфон, постукивая по клавишам:

– Есть такой номер! Всё ясно. Значит так, сначала ознакомьтесь с ожидаемыми местами. Потом пройдёте по коридору до конца, а там вам укажут место вашего пребывания.

Ворота медленно стали раздвигаться, юноша в Белом:

– Направо – Рай, налево – Ад.

Дух подошёл к ступенькам, остановился. Юноша в Чёрном, подмигнув ему, шепнул:

– Налево! Уверен, – тебе понравится.

Ворота за ними закрылись. Справа ступеньки вели вверх, Слева – спускались вниз, средние – прямо. Оба юноши посмотрели на очередь.

Белый:

– Что сегодня за день?

– Какое имеет значение? – ответил Чёрный.

– Очень много народу.

– Ну..., видимо массовая драка меж соседями. Для меня это праздник. Всё равно надо работать.

Дух остановился в конце коридора. Посредине – небольшие весы. «О... видимо не туда попал?!» – подумал он.

Раздался громогласный голос:

– Туда, туда. Встань на чашу.

Дух встал, чаша весов пошла вниз. Сверху, медленно кружась, летело райское пёрышко, оно упало на другую чашу.

Чаша стала подниматься, опускаться и, наконец, обе оказались на одном уровне.

Послышался голос:

– Великолепно! Последнее время вас стало меньше. Твой пропуск.

В руке у Духа оказалась карта. Он стоял, долго думая:

– Простите, это пропуск в Рай?

– Ты заслужил! Десять заповедей мало кому удаётся исполнить.

Хоть молод, смог.

Вдруг Белому пришлось услышать то, что в многовековой практике никому не приходилось.

– Да, но я хочу в Ад!

– Чего ты хочешь? В А... д...?!

Вселенная вздрогнула. Юноши в белом и чёрном отскочили от трясущихся ворот: «Что там происходит?»

Повисла пауза. Громоглас:

– Это противоречит небесным законам. Легче вдохнуть в тебя новую жизнь, чем изменить тысячелетние правила.

Тишина. С комком в горле:

– Я сделал это всего один раз.

Дух стоял с опущенной головой, чувствуя свою вину, но был уверен в выборе.

– Иди, твори зло, будет тебе Ад.

Пропуск в руке воспламенился. Дух *вдруг почувствовал* ожог в пальцах. Бросил догорающий пропуск на пол уже в своей комнате.

...В распахнутые окна ворвался ветром звон колоколов, развеял за-
тухающий пепел. «Каждый день эти колокола. Надоело». Закрыв став-
ни, закурив, перекинул сумку через плечо, направился к двери. На ней –
плакат: на фоне жёлтого костюма пальцы, образующие форму сердца.
Плакат проколот дырами, в центре сердца торчит нож. Выдернув его,
ловко крутанул в руке, сложил, опустил в карман. Улица. Группа ребят,
покуривая и хохоча, бросали реплики прохожим. Из парадного вышел
мужчина в кепке, натянутой на лоб, с сумкой на плече. Он затынулся и
резко выдохнул дым стрелкой. Щелчком пальцев выстрелил окуроч на
мостовую. Руки в карманах. Направился в сторону группы. Прегради-
ли дорогу, окружили его. Главарь разглядывал с головы до ног:

– Да это наш интеллигентик! Не знаешь правил?!

– Не знаю, и знать не хочу!

– Ишь какой прыткий, сейчас узнаешь! Полез в карман, но интелли-
гентик уже приложил нож к его горлу. Вся орава отскочила в сторону.

Подтянул за шиворот главаря к себе.

– Слушай, подонок, ещё раз увижу тебя и твоих засранцев здесь,
будешь лежать на асфальте, понял?

Резким движением полоснул ножом главаря по щеке. Всех будто
ветром сдуло.

...Женщина с покупками. В коляске плачущий ребёнок. Старшего
держит за ручку, – тот норовит вырваться на дорогу. Она смотрит на
мужчину, ожидая поддержки. Светофор открыл зелёный глаз.

– Ну, чего глазеешь? Нарожала, вот и расхлёбывай, – и перешёл дорогу.
Вечерет. Пора домой.

...Коллега:

– Помоги?! Жена приболела, а мне пацана из школы надо забрать

– Ты что ослеп, не видишь, компьютер выключил, мне тоже пора.

Велосипедная стоянка. Посмотрел по сторонам, щелчок, замок
упал на землю. Въехал во двор, затормозил, достав из сумки бутылку,
допил содержимое. Пустую отшвырнул в сторону. Звон разбитого
стекла. Взглянул на свет падающий из окна. В комнате мелькнул силу-
эт женщины. Свет погас. Стоя у двери, ковырнул ножом, она откры-
лась. Пропадал в темноте. Через некоторое время женский крик:

– Помогите! Помогите, – голос стих.

Застегнул молнию брюк. На коленях всхлипывала женщина. Заку-
рил. Свет зажигалки осветил его руки. На пальцах кровь. Обратился к
женщине:

– Что это у тебя?

– Я – девственница, – дрожащим голосом ответила она.

Слабый свет, падающий на женщину, осветил черты её лица. Он не ошибся, – это была пожилая дама. Он быстро направился к выходу. Но тут открылась дверь соседа. Рванулся по лестнице вниз. Сосед подошёл к открытым дверям. На коленях – женщина с книгой в руках:

– Боже, прости, прости, прости!

Сосед в ярости закричал:

– Сволочи! Уже и старух насилуют.

Вышел во двор. Вдохнул свежий воздух. На лице сверкнула улыбка: «Теперь уж точно получу нужный пропуск». Затягиваясь сигаретой, услышал детский плач и знакомый голос:

– Сколько раз говорить тебе, за проход надо платить.

К его ногам полетел школьный ранец. Он взглянул на него, вроде, знакомый. Свистнул. В толпе возник главарь шайки:

– Всё в порядке, мы ведь пошутили.

Бывший интеллигентик ударил ногой по ранцу и сказал пацану:

– Не болтайся поздно по улице.

Раздался выстрел. Он зашатался, свалился на мостовую. Из окна незаметно торчало дуло ружья, из него шёл лёгкий дымок. Тихо закрылась ставня. В соседнем окне женский силуэт с книгой в руках. На мостовой скорчилось тело мужчины. У изголовья плачущий мальчик:

– Дядя, пожалуйста, не умирайте. Послышалась сирена машины...

Знакомые ворота. Как и прежде – оба юноши, в чёрном и белом.

Дух – юноше в белом:

– Значит так, – правила мне знакомы, пожалуйста, без формальностей, просто, открой ворота.

Они медленно раздвинулись. Дух посмотрел на юношу с тростью, и подмигнув ему вошёл в ворота. Они закрылись за ним.

– Не очень-то вежливый!

– А мне он даже понравился, облик знакомый... Не могу никак его вспомнить.

Стоя у весов, Дух думал: «Теперь должно получиться».

Раздался голос:

– Это как весы покажут.

Дух уверенно подошёл к весам, встал на чашу, она пошла вниз, на лице Духа сверкнула улыбка. Сверху, кружась и медленно паря, райское перо упало на пустую чашу. Спустя секунды – его чаша стала

подниматься. Сперва Дух растерялся. Всё выше, и выше пока чаши не оказались на одном уровне, и замерли. Раздался голос:

– За последнее тысячелетие подобное помню только раз.

В руке появился пропуск в Рай.

– Не может быть! Я грешен. Весы ошибочны!

– Весы в порядке. Все совершённые грехи учтены.

Пауза.

– Все святые – в прошлом грешники.

– А..а... Старуха?

– Вот именно, старуха. Она молилась за тебя, так молилась, что мы не смогли ей отказать.

[167]

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕРЕВНЯ

Порыв ветра ворвался в помещение, и распахнул ставни. Мужчина, с усами «щёточкой», в очках в круглой оправе закрыл окна, подтянув тяжёлые занавеси.

Раздался долгий, непрерывный звонок. Он растерянно схватил трубку, услышав знакомый голос.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, – ответил он. – Я Вас слушаю!

Настала пауза. Стоя по стойке смирно, он внимательно слушал, время от времени кивая головой.

– Товарищ Сталин, готовые к отправке на фронт новобранцы две недели находятся на станции Баладжары. Каждый день звоним в Грозный, когда же отправят поезд. Так точно, будет исполнено. – Лоб покрылся испариной. – Сократили продовольствие нефтяникам, их ведь надо кормить. – Он руками прижимал трубку к уху, боясь пропустить слово. – Будет исполнено! Спасибо, товарищ Сталин, и вам так же.

Раздался длинный гудок, но телефон всё ещё был прижат к уху. Медленно опустил он трубку на стол, затем положил её на чёрный ящик и замер. Глубоко выдохнул, достал из бокового кармана платок и протёр лоб, лицо и шею. Постоял пару минут, что-то обдумывая, потом нажал одну из кнопок. Вошла секретарша с блокнотом, он быстро сунул платок в карман.

– Мне Баладжары, и товарища Смирнова в кабинет.

– Слушаюсь, Мирджавар Аббасович, – она закрыла за собой дверь.

Снова раздался звонок. Он дёрнулся, но звук в телефоне уже был другим...

– Гусейнов, каково положение? – Мужчина, на другом конце линии,

видимо, подробно объяснял ситуацию. Он не дослушал. – Да, да, мне всё известно. Добровольцев отправишь в сборочный пункт. Им скажут, когда прибыть.

В комнату вошёл среднего роста, крепкого телосложения русоволосый офицер в военной форме и отдал честь. Мирджавар Абасович указал офицеру на стул.

[168]

– Сопляков – домой, пусть подрастут, – продолжал он телефонный разговор. – А то что скажут немцы? А этих готовь, через два дня будет поезд. Выполняй!

Вошедший офицер, держа фуражку на коленях, переждал разговор.

Багиров зашагал по комнате. Ему было известно – всё, что происходит в республике, передаётся в центр. Разговор надо провести так, чтобы он дошёл именно по адресу.

Он подошёл к Смирнову, взглянул на него и перевёл взгляд в сторону стола.

– «Хозяин» звонил! – Сказал Багиров, краем глаза наблюдая за реакцией Смирнова. Тот невольно выпрямился. – В конце нашего разговора и о тебе справлялся. – Смирнов побледнел, его левая щека нервно дёрнулась вверх. – А как, мол, там наш товарищ Смирнов, довольны ли мы его работой? А я что, мог бы что-то другое сказать? Прекрасный гражданин, великолепный человек, со всей ответственностью выполняет свой долг.

На лице Смирнов появилась еле заметная улыбка.

– Спасибо, товарищ Багиров.

– Не надо меня благодарить. Я сказал, как есть.

Он подошёл к столу и сел. Только теперь Смирнов почувствовал какое-то облегчение, их глаза оказались на одном уровне.

Брови Багирова сошлись на переносице, отчего появились глубокие морщины:

– Вот вопрос. Вам известна ситуация на станции Баладжары?

Смирнов кивнул.

– Этот вопрос я решил. А проблема Крыма вам известна?

– Так точно! До меня дошёл слух, – продолжал Багиров, – что некоторые товарищи в «руководящих этажах», которые вертятся у ног «Хозяина», подстрекают его, чтобы нам насолить. До какой степени надо дойти, чтоб такое предложить ему? Выселить бакинцев! Вы знаете, что он им ответил? – Багиров ловко направил на собеседника падающий на очки свет, едва заметно прищулив правый глаз.

Смирнов улыбнулся:

– Товарищ Багиров, мне эта история известна. Он ответил: «Кто же в три смены нефть качать для фронта будет, твой народ?»

Багиров именно это хотел услышать из уст офицера, уже смелее добавив, еле сдерживая негодования:

– А теперь – эти! Сукин сын, Микон, и его подручный подкапываются под нас!

Смирнов посмотрел на рассерженного Багирова и махнул рукой:

– Вы не обращайте внимания. Он – человек Великий, и подобного не допустит.

– Вот именно, вы это очень хорошо подметили – Великий! И поэтому я решил, вы и товарищ Гусейнов займётесь сбором новобранцев. Проверьте нанесённые и ненаписанные на карту поселения, обратите внимание на жителей горных районов. Ещё, товарищ Смирнов, учтите посевные работы и сборы урожая, этим тоже надо кому-то заниматься.

– Не беспокойтесь, товарищ Багиров. Вас понял. Всё будет выполнено, и ещё раз – спасибо.

За ним закрылась дверь. Багиров распахнул ставни. В комнату ворвался бакинский ветер. Заколыхались тяжёлые занавеси. Он глубоко вздохнул, облокотившись руками на подоконник, глядя задумчиво на волнующие всплески Каспия.

Через пару дней обещанный поезд прибыл, все вагоны были заполнены новобранцами. Состав тронулся на север страны.

Смирнов и Гусейнов, которым пришлось объездить множество районов республики, с помощью местных секретарей заполняли журнал. «ГАЗ – 61» был весь покрыт грязью и глиной, его пассажиры, выходя из машины, стряхивали с шинелей и фуражек пыль. Гусейнов посмотрел в журнал и с радостью произнёс:

– Это – последняя деревня.

Навстречу спешил местный партийный работник в каракулевой папахе, небольшого роста, в замусоленном пиджачке. За ним, стараясь не отставать, шёл пожилой мужчина с козлиной бородкой.

– Добро пожаловать в нашу скромную деревню! Вот список.

Смирнов взял его, и, прочтя фамилии, сморщил губы:

– Это всё? Двадцать пять человек?

– Деревня маленькая. Это все, что остались.

Подоспел его пожилой спутник, поздоровался с гостями и пригласил их к себе отдохнуть.

– Отец, нам не до отдыха. Немцы под Сталинградом, нам войны нужны. Есть ли по-близости другие деревни?

Смирнов старался уловить суть разговора, не понимая язык, заметил, что старик указывает рукой в сторону горы и, нахмурившись, ждал от Гусейнова перевод.

– Аксакал говорит – он слышал от своего отца, что там, в горах, есть

ещё одна деревня, но сам он не видел ни деревни, ни жителей. Ещё он сказал, что на нашей машине мы сможем проехать пару километров, а после – пешком.

– Вот что, Гусейнов, мы здесь задержались. Пока день впереди, успеем туда и обратно, – поехали.

Они, сели в газик и тронулись в сторону горы Баба-даг. Проехав пару часов по ухабистой местности, они оказались у подножья вершины.

[170]

– Ну вот, видимо, приехали!

Смирнов забрал из машины свой военный планшет и, перебросив ремень через плечо, добавил оптимистически:

– Приехали?

Гусейнов посмотрел в сторону гор, чьи многочисленные холмы и вершины напомнили ему волны Каспийского моря, и покачал головой:

– Ну, пошли.

Оба потопали по заросшей старой тропинке. Солнце медленно катилось в сторону гор. Возникли длинные тени.

– Надо бы лошадей взять в деревне... – пробормотал Смирнов.

– Аксакал сказал, что здесь с лошадьми не пройти.

Поднявшись на холм, они остановились и замерли, невольно залюбовавшись картиной, неведомой рукой окрашенной во всевозможные зелёно-голубые тона. Ослепляющие лучи солнца медленно скрывались за вершинами гор.

– Твою мать, – словно очнулся Смирнов, – далеко ли? Надо торопиться.

Внизу они оказались довольно быстро, но их ожидала очередная преграда.

– Твой аксакал был прав, конь здесь бесполезен.

– Да, аксакал же – старец! – Смирнов уже карабкался к следующей вершине, за ним, едва поспевал Гусейнов. На горизонте появилась первая звезда. Природа поменяла наряд на голубой.

Смирнов тяжело дышал.

– Слушай, а твой аксакал ... не ... сказал, как ... долго идти?

– Сказал! – Проговорил с трудом Гусейнов, ему тоже очень трудно дышалось.

– Ну, и что?

– Долго!.

– Как долго?

– Очень долго!..

Так покоряли они одну за другой холмистые вершины.

– Стоп! – Оба, не сговариваясь, тяжело дыша, повалились на зем-

лю. – Перекур. – Смирнов достал из запачканного кармана шинели пачку папирос, протянул Гусейнову. Тот приложил руку к груди в знак благодарности.

– Начальство не любит папиросного дыма.

– Великий-то курит!

– Да, но он – Великий.

Смирнов чиркнул спичкой, отчего осветилось его также запачканное лицо. Затянулся.

– Это правда! – Он посмотрел в сторону горы. – Вроде бы, рукой подать, там начинаются кустарники, а дальше – не могу разобрать.

– Отец аксакала рассказывал: за грядами камней, у подножия горы, есть деревня.

Смирнов сделал очередную затяжку, указывая папиросой в сторону горы:

– А не сказал ли этот, с козлиной бородкой, – проговорил он несколько злобно, – как называется эта деревня?

– Аксакал сказал, что его отец забыл.

Они спустились с возвышенности и вошли в кустарные заросли, которые оказались не только высокими, но с колючками. Из этих джунглей был слышен громкий мат на двух языках. Голоса то умолкали, как будто случилось что-то непредвиденное, и только повторенная эхом ругань подтверждала, что они ещё живы. Исцарапавшись так, что на лицах и руках местами сочилась кровь, они подобрались к скалистой гряде. Остроконечные скалы напоминали сторожил, выстроенных в ряд и оберегавших гору от неприятеля. Из-за облаков появилась бледная луна. В долине вдруг послышался собачий лай. Смирнов остановился, прислушиваясь, на измученном лице появилась улыбка:

– Слышал?

Гусейнов кивнул:

– Собаки!

Они заспешили, спотыкаясь, устремились в сторону лая. После скалистого леса открылась высокая гора во всём своём величии, на треть покрытая снегом. У её подножия змейкой расположились дома. Окна слабо освещены, а из дымоходов вился дым.

– Аксакал говорил правду, но я не могу понять, как можно жить так далеко от цивилизации?

Трудности были позади, и путники в ободранных шинелях направились по едва заметной тропинке.

По подножью эхом катился собачий лай. Они оказались на маленькой деревенской площади, освещённой луной, казалось, их ждала вся деревня. Некоторые жители держали в руках керосиновые лампы. Поя-

вился мужичок, голова, усы и борода его светились голубым светом. С улыбкой и с протянутыми руками он направился в сторону Смирнова:

– Ай, саламу алекум, добро пожаловать! – И, поздоровавшись, отошёл в сторону, с любопытством разглядывая офицерскую униформу, особенно голубые звёзды, блестели под лунным светом на погонах. Он обратился и к Гусейнову:

– Ай, саламу алекум, каких гостей нам Алах послал!

[172]

Послышались голоса приветствий. Герои дня кивали в ответ. Старец поднял руку вверх, и все замолкли. Старик с голубой бородой повернулся к толпе.

– Рустам, сынок, возьми гочу*. Самира, займись чаем.

Некоторое время разглядывали друг друга. Наконец Гусейнов промолвил:

– Война, отец, война.

В толпе зашумели. Старец опять поднял руку вверх:

– Какая война, сынок?

– Война с немцами! Воинов набираем, отец.

– Разве война не закончилась?

– Нет! Продолжается.

– О... Какую весть ты принёс, сынок... Воинов наберём, наши молодцы – волков руками душат. Одного не понимаю, могли бы молодцов заранее подготовить, почему своевременно нас Николай не предупредил?

Смирнов посмотрел на Гусейнова:

– О каком он Николае?

*Гочу – сорт барана, приносимого в жертву.

Мирджавар Аббасович Багиров работал учителем в деревне с 1917 г. В 1933 он стал преемником Владимира Ивановича Полонского. Был Первым секретарём ЦК Коммунистической Партии Азербайджанской ССР почти 20 лет, до смерти Сталина 5 марта 1953 г. 17 июля 1953 г. по приказу Берия был снят в КГБ со всех должностей за критику, назвав Берия хамелеоном и ужасным врагом партии и народа. Позднее был председателем Куйбышевского Министерства нефтяной индустрии СССР. 13 марта 1954 был арестован и в 1956 г. казнён.

ТРОТУАР

У входа в супермаркет «ЛИДЛ», скрестив ноги, укрывшись потёртым одеялом, сидел на картонной подстилке средних лет мужчина.

Рядом – свёрнутый рулон напоминал спальный мешок. Под капюшоном, над заросшим лицом – светлые глаза без «мешочков» – непьющий. Он смотрел на заснеженные плиты, и медленно покачивался. Пешеход остановился перед ним, что-то бросил в бумажный стаканчик и быстро зашагал дальше.

[173]

– Данке, – не взглянув на пешехода, продолжал покачиваться Нищий.

Так сидел он с окаменевшим лицом, пустым взглядом, просто глядя перед собой в никуда.

Рядом, послышались обрывочные шорохи, напоминающие шаги. Вдруг он замер. «Что-то знакомое, иногда надо закрыть глаза, чтобы ясно увидеть», – подумал он. Лёгкий ветер всколыхнул и закружил снег с плит. Широко открыв глаза, он посмотрел в сторону шороха. –

Сгорбленная, пожилая женщина. Рюкзак за спиной, казалось, давил её к земле. Подтаявший снег. Она осторожно двигала ногами, скребя снег, оставляя следы. Медленными шажками приближалась к супермаркету.

– Не успели улицу песком посыпать, – проговорила она. – Только б не упасть, только б не упасть. Надо было дома остаться. Нет, – на занятие пора, не пропускала школу, а теперь, тем более, надо изучать язык.

Ведя с собой разговор, она подбадривала себя, не обращая внимание на окружающих. Внимательно следила за шагами. Сделав очередной шаг:

– Айн...ц, гуд, цва...й, зер гуд...

Нищий подался телом вперёд, следя за пожилой женщиной.

Перед ним остановилась молодая женщина, державшая за руку закутанного мальчика:

– Ну смелее, брось монету в стакан.

– Но ведь это же не стакан, мама!

– Бросай, бросай, потом объясню. Холодно.

Мальчик опустил монету.

– Ну а теперь побежали.

Они быстро исчезли. Нищий, посмотрел им вслед и повторил за мальчиком:

– Мама! – Глаза его засветились и повлажнели.

Он продолжил следить за старушкой. Глядя ей вслед, тихо произнёс:

– Мама, – потом громче – мама Белла, зай форзихт (будь осторожна).

Пожилая дама повернулась в его сторону, их взгляды встретились, она, сделав следующий шаг, поскользнулась и упала. Встать больше не смогла:

– Ой, всё-таки, упала.

Боль сначала не почувствовала, смотрела в серое небо, думая, что же ей теперь делать. Послышался скрежет тормазов. Выскочили двое – шофёр, напоминающий Валуева, с чёрной, как сажа бородой и его друг. Подбежали к лежащей на снегу старушке. Она стала стонать. Попробовали поставить её на ноги, но послышался крик боли:

– Нет, нет оставьте меня, – по-русски сказала она, указывая рукой на покрытые снегом плиты.

Верзила, боясь причинить больше вреда, чем пользы, сказал другу что-то на своём языке. Тот вернулся к машине, принёс маленькую подушку, осторожно подложил её под голову женщине. Верзила вынул из кармана смартфон, мизинцем стал набирать номер «112»:

– Алло, алло! Слушай, брудер! Скорей, посылай машину, хорошая женщина упала, – прокричал он на плохом «немецком» и внимательно выслушал ответ. – Знаешь где Ляйпцигерштрассе, у Лидла? Скорее, брудер, мутерхен больно.

Нищий держит одеяло в руке, по щеке спешит слеза:

– Мама Белла, мама Белла, – твердит он, укрывая её одеялом.

У верзилы глаза налились кровью, раздался грозный голос:

– Слушай, ты что, её сын? Как ты, сын, можешь в такой пагода мутерхен на улицу посылать?

Нищий продолжал причитать:

– Мама Белла, – теперь он расплакался действительно по-настоящему.

Пожилая дама, взмахом руки старается привлечь внимание мужчин:

– Их нихт мама Белла, абер Белла, – и добавила по-русски, – откуда он знает моё имя?

Мужчины умолкли. Женщина опустила руку, её лицо искривилось от боли. У бородатого углы губ опустились вниз, брови поползли вверх. Обращаясь к другу:

– Ты что-нибудь понял? – Тот пожал плечами.

– Она не мама, но Белла. А кто это мама Белла?

Женщина уже слабым голосом:

– Их нихт его мама. А зовут меня Белла.

Трое мужчин с грустью смотрели на лежащую женщину.

Раздалась сирена, рядом остановилась пожарная машина. Врач поставила диагноз: «Перелом ноги». Женщину положили на носилки, перенесли в машину». Санитар спросил:

– Чья подушка?

Шофёр протянул широкую ладонь, сгребая её:

– Одеяло, наверное, ваше?

Нищий, забрал одеяло.

Раздался голос пожилой женщины:

– Данке, данке, – махнула рукой, – Ой..., ой... больно.

Автомобиль тронулся. Трое мужчин, стоя на обочине, помахивали удаляющейся пожарной машине с наклейкой «112».

[175]

Нищий посмотрел на бородатого:

– Она так похожа на мою маму Беллу.

Бородатый, взяв одеяло, укрыл спину Нищему:

– Да, брудер. Мама – это всегда мама.

Берлин 04.04.2018

Михаил Пикер

**ВАНТУЗ
ИЛИ МЯГКИЙ
ЖИВОТИК**

Художник Шломо Файерман был крупным евреем с покрытым рыжей щетиной лицом и нечёсаными волосами. Носков он не носил и, придя в гости, шлёпал грубыми, босыми ногами прямо в гостиную. Рисовал Шломо энергично, но непохоже, хотя и умел. Он говорил: «Или правильный рисунок, или правильное настроение». Шломо от природы был общественником и всегда готовился к какому-нибудь мероприятию. Вот и сейчас к нему должна была приехать из Франкфурта маленькая, жилистая писательница Оля Галушко, чтобы обсудить поэтический фестиваль. За её девчоночьей внешностью скрывался суровый, наработанный жизненными трудностями, характер.

Они давно знали друг друга, но на ночь Галушка оставалась впервые. Шломо питал к Оле немалую симпатию, поэтому принялся искать вантуз, чтобы прочистить безнадежно засорившийся душ в его жилище. Шломо давно развёлся и одинокая жизнь его вполне устраивала. Он переносил вещи из дома в дом и, где давали слабинку – там и оставался. На этот раз он жил у бабули, которая на время переехала к дочери. У Шломо была студия в бывшем гэдээровском доме, но там жить было решительно невозможно. Нынешняя квартирка была трогательно старушечья, с белыми занавесками на окнах и старыми фотографиями молодых людей. Вантуз он нашел только в день приезда Оли.

Вскоре на пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла одетая в украинскую вышиванку Галушка.

Шломо поплёлся чистить душ. Ясно, что художник и вантуз – явления несовместные. Неумеренно надавив на рукоять, он быстро что-то нарушил. Раздался треск. Потом всё стихло. В ванную вбежала Оля. Там она увидела стоявшего посредине, заляпанного чем-то подозрительным, художника, державшего в вытянутой руке вантуз и сосре-

доточенно думавшего. Из вывернутого куска трубы толчками выплескивалась жижа. От этой картины Олю охватило смятение и она стала метаться по ванной, хватая подвернувшиеся под руку тряпки и, то вытирать ими лицо Шломо, то затыкать плюющуюся трубу. Потом они вместе, ухватившись и тяжестью своих тел пригнув трубу к отверстию, воткнули её, куда надо. Растрёпанная, с горящими глазами стояла Галушка рядом с неожиданно ставшим ей близким, вонючим художником и, тяжело дыша, отирала тыльной стороной ладони пот со лба. В голове её проносились разные мысли: «Вот они, вроде, что-то поправили, а заработает ли это и как теперь побыстрее убрать разлившееся по полу дерьмо?» – но поверх всего она вдруг обнаружила, что думает ещё и о том, что вот так, наверное, должна вести себя настоящая, верная жена. И смутилась от этого, ведь замужем Оля никогда не была, да и не собиралась.

Быстро стемнело. Благополучно приняв душ, распаренные, они сидели в сумерках рано наступившего вечера, пили чай и говорили о разном. Оля что-то предлагала, на чём-то горячо настаивала, но с удивлением замечала, что снова пытается отогнать одну мысль: «Именно так, наверное, должны сидеть друг напротив друга и неспешно беседовать, прожившие вместе не один год, муж и жена».

Шломо тоже ощутил присутствие какой-то особенной близости – того, чего сейчас, в наше расчерченное время, так все боятся. Как возникает чувство? Никто не знает, с какой минуты два человека становятся близки? Когда мы перестаём играть по правилам и делаемся немного сумасшедшими? Они смотрели друг на друга и осознавали, что вступили на запретную территорию.

Шломо, словно со стороны, услышал свой голос:

– А давай, я нарисую тебя нагую.

– Давай.

Оля легко сняла платье, как будто давно принадлежала ему, потом села костлявым тельцем на диван и замерла, вытянув шею.

Шломо быстро набрасывал её контуры, как всегда непохоже, стараясь лишь уловить проносившиеся в голове оттенки эмоций. Секса у них не случилось, но всё происходившее было гораздо интимнее секса. Здесь было, скорее, возвращение к детской незащищённости, словно ёжик сквозь иголки приоткрыл свой розовый, мягкий животик.

Первый луч солнца неожиданно ярко осветил позирующую девушку.

– Отвернись, я оденусь, – смутилась она. – Пойду уже. Как раз успею на первый поезд.

Они шли к вокзалу в утреннем мареве, всей грудью вдыхая холодный воздух.

Обыденность быстро закрутила каждого из них. Они посмеивались, вспоминая ту ночь и, одновременно, отгоняя воспоминание о ней, как ненужную и даже нелепую случайность.

Вскоре состоялась выставка картин Шломо Файермана, там были все его работы, однако самую пронзительную – портрет обнажённой Оли Галушко он оставил дома. Словно бы ёжик, чуть приоткрыв свой мягкий животик, снова свернулся клубком.

[178]

Д и П / 2018

ПАРАД

А самолёты, словно метки,
По небу весело летят,
В кабине пчёлки-авиетки
Два авиатора сидят,

Усы по воздуху расправив,
В иллюминаторах-очках,
И тот, что слева – это Павел,
А тот, что справа – Аристарх.

Плывут легко и величаво,
На тихоходных скоростях.
И тот, что слева, ищет славы,
А тот, что справа – Аристарх,

И тот, что слева, улыбаясь,
Пеньковой трубки ест мундштук,
А тот, что справа, всем на зависть,
Читает Гумилева вслух.

* * *

Бросьте меня, бросьте,
Если со мной тесно,
Даже не беспокойтесь –
Новое интересней.

Поэзия и проза

Оставьте меня в покое,
Ведь вдалеке брезжит
Что-то совсем другое,
Зовущееся надеждой.

Бросьте меня, знаю –
Только предметы бьются,
Только детей бросают –
Взрослые расстаются.

[179]

Бросьте меня, бросьте,
Если со мной пресно,
Сяду в другой поезд
И навсегда исчезну.

* * *

Всё просто так и лепестками роз
По-доброму усыпаны тропинки.
И воздух, газированный до звёзд,
Недорого бытует по старинке,

Готовься, нет, и твой наступит час
Рассыпаться на множество осколков.
А этот мир продолжит и без нас
Своё существованье втихомолку.

Как рыбина глядится из воды,
Как гладиатор на пустой арене,
В сожжённом доме углем чертишь ты
Извилины своих стихотворений.

Нелепый взгляд тревожащихся глаз –
Подбросишь вверх, и в воздухе повиснет.
Мы – это чей-то скомканный рассказ,
Нам дали шанс прожить чужие жизни.

* * *

Звезда Вифлеемская, хлопают створки
Небрежно окрашенных, грубых дверей.
И ели раскинули лапы над гротами,
Скрывая бродящих там диких зверей,

[180]

Волхвы бородатой толпой
Нерешительно топчутся в сенцах.
Была бы метель в том краю,
Она б замела и вертеп,
И лежащего в яслях младенца.

* * *

Она жила совсем одна,
Теперь она живёт вдвоём,
Теперь её зовут – жена,
Теперь она имеет дом.

Как это всё произошло,
Она доселе не поймёт,
Но видно время подошло
И бог решил...

Она живёт...

* * *

Вот птицы в странном опереньи
Воспроизводят свой полёт.
Им наплевать на наше мнение,
Создав другое измеренье,
Они торопятся вперёд,

Они как бабочки стокрылы,
Из ниоткуда в никуда
Проламывают флёр унылый
С какой-то губельною силой
И падают на провода.

А в затухающем просторе
Стоят усталые дома.
Лежит заплаканное море
И сходит медленно с ума.

* * *

Пастух с отарой посреди низин
Стоит один и так невыносимо
Вселенная незримо голосит
Свирелью в сизых завихреньях дыма.

И, словно бы в ответ на этот зов,
Земля меняет правила движенья.
И чередой давно знакомых слов
Становится в иные предложенья.

Всё мироустроенье наших дней
Осознаёт изломанный калека
И странный, опустившийся еврей
Доказывает теорему века.

Уездный Леонардо на листах
Чертит никем не виданные схемы
И, как природа в регулярный скучный сад,
Вторгается гармония в поэмы.

* * *

Вот и осень подходит к концу,
Нам немного резвиться осталось.
Отходная, аптечная старость
Нам с тобою совсем не к лицу.

Может, сделаем что-нибудь так,
Чтобы всё это вмиг изменилось.
Может, Бог нам пошлёт свою милость,
Ты ведь знаешь, Господь – не дурак,

И уже на другом берегу,
Там, где дует прерывистый ветер,
Я и сам измениться смогу
И тебя, незнакомую, встретить.

* * *

Когда спасенья, вроде бы, и нет,
Когда в семье лишь отчужденья дрожь,
Ты постарайся больше жить вовне,
Смотреть на день, вдыхать ноздрями дождь,

И там, раскинув руки далеко,
В холодном воздухе, среди деревьев голых,
Ты вдруг вздохнёшь особенно легко
И влюбишься в свой некрасивый город.

ПУТЕВАЯ ЗАМЕТКА

Резной простор и глубоко внизу
Неторопливо бьётся сердце храма.
И серою, смиренной полосой
Склонился холм к его подножью. Амен!

На хорах сонмы ангелов стоят,
Горит свеча и маковки алеют,
И праведники с грешниками вряд
Ступают на нездешние аллеи.

Как молоком пропитанная шаль,
Лежит река в одеждах побережий.
Туманами опутанная даль
Серебряным дагерротипом брезжит.

Невзрачный инок крестит на холме.
Распарывающие небеса зарницы.
Я слышу в необъятной тишине
Шуршанье крыльев пролетевшей птицы,

Спокойно дышат в предрассветный час
Чешуйчатые наслоения глины.
И вся история, от Рюрика до нас,
Отражена в глубоком сне долины.

НАТУРАЛЬНЫЕ ЦВЕТА

[183]

Прозрачное стекло росы.
Сусальных нитей вязь плетётся.
Разложены в траве холсты
Сушиться на осеннем солнце.

Лазурь, сурьма, ультрамарин,
Белила, кобальт, охра, сурик
Впитались кожей земли
И кружат голову до дури.

Колесованьем – облака.
И, скинув шапку, крикнуть «волю»,
Шагающим издалека,
Смолёным срубам колоколен.

* * *

Берёза голосит, как кол в руке заноза.
Лесоповал и лес листвой сквозит.
Весной ещё на всём следы мороза,
Бренчат рябины сморщенные гроздья
И обнажённых веток ком висит.

СТОЙБИЩЕ НОЧЬЮ

Разбросан ягель, как конфеты,
Снег, словно сахарная крошка.
Я знаю – существует лето,
Но здесь, у нас, зима немножко.

Вдали фонарики блистают.
И восхитительной картиной
Бескрайние олени стаи
Сплетают спины паутиной.

Поникнув умной головою,
Оленевод на нартах дремлет.
Сосна с пожухлою корою
Сумятице спокойно внемлет.

Тонка, как занавес, картина.
Вокруг меня олени лица.
И, угли в стороны раскинув,
Костры чадят хвостом куницы.

ВАТРУШКИ С ТВОРОГОМ

Как на масленицу в городе
Продают ватрушки с творогом,
Подходите, люди добрые,
Будет вкусно и недорого.

Продавщицы очумелые
В сарафанах нахлобученных
Расторопно и умело
Выдают товар раскрученный.

Мужичонка, весь расхристанный,
Пальцы пьяные кровяня,
Отстранённо и неистово
Давит кнопки на баяне.

На гармонике играть ещё
Он учился в годы Сталина.
Но жена его и товарищи
Преждевременно мир оставили.

Он сегодня спозараночку
Чисто вымылся, побрился,

Вынул старую тальяночку
И как заново родился.

Раскраснелись то ль от водки,
То ли от мороза щёчки.
И приплясывает дробко
Рядом мамка-одиночка.

[185]

Д и П / 2018

Михаил Пикер

Константин Кербель

«ПОДЪЕСАУЛ»

У Гоши был дед. Ещё с Великой носил у себя в поясице железный «подарочек». Ходить не мог. Лежал. Над кроватью – домотканый ковёр. На нём черкесский кинжал и казацкая шашка. Она была более метра. Двухлезвенная, эфес-рукоятка без крестовины, с круглым наконечником. Дед любил учить:

– Смотри, малой. Саблей можно только рубить. Справа, слева, но только сверху.

– Деда, а кого рубить?

– Готовили «пахарей» за две недели. Тренировались на лозе, кавунах, тыкве. Главное на скаку не прогадать.

– А это не сабля?

Дед приподнимался, снимал клинок и, вертанув его три-четыре раза для координации движений, прижимал к губам.

– Казацкая шашка рубит, колет и подрезает. Замах не нужен. Секунды, а многого стоит. Это кольцо для пассивных ремней португепи. Они на выпуклой стороне. По-кавказски, лезвием назад. Шашку всегда носят на плечевой португепе, а не на поясной, как саблю.

– Это что, лучше?

– Это быстрее. Всегда, внучок, наперед надо быть. Конь и шашка – спутники мужчины на всю жизнь. Любить коня и уметь владеть сталью – это значит сохранить жизнь себе и защитить родных.

– Деда, а кинжал?

– Длинный клинок в ближнем бою неудобен. Вот на помощь и приходит «Сашхо» – нож-кинжал. Острый, как бритва. Им не защищаются, только атакуют, и его удары смертельны.

Гоше нравился кинжал больше, чем папин кортик. Он лежал в буфете. Папа был далеко. С Северного флота его перевели на Тихоокеанский. Мама со своим городским профсоюзом расставаться не захотела. Отец – лежачий больной, да и сын уже три школы поменял. Папа с капитанским понятием, маминым доводам подчинился.

– Малой, давай чаёк и музыку!

Гоша ставил на столик пузатый заварник, сахар-рафинад, мелкие

баранки. Подходил к секретеру и переводил белый пластмассовый, стреловидный переключатель «Яузы» на «пуск». Песня была записана восемь раз. Дед так хотел. Ему она тоже нравилась. Там «...Ехали и ехали по Берлину наши казаки...»

Внук пристраивался с краешка кровати. Дед ворчал сквозь свои усы, но протягивал правую руку. Она была твёрдой, пахучей, мужской, надёжной.

Берлин был где-то очень далеко. Девушка-регулировщик задержала казаков, пропуская бронетехнику. Это и решило её судьбу. Кубанский полусотник с высоты седла разглядел свою половинку. Так и выехали вместе с майской столицы Германии. Получили приказ пробиваться к Карпатам. Красная Армия наступала стремительно. Враги не успевали эвакуироваться. Отдельная бригада СС выводила архивы на Балканы. Приказ казаки выполнили. Личный состав уничтожили. Архив передали командованию.

От полусотни осталось девять человек, да израненный подъяесаул со своей потяжелевшей черноглазой казачкой.

Лежали в одной больнице под Белозёрами. Из него таскали осколки, а Оксана родила Марию. После двух ранений организм не выдержал. Ей врачи вообще не разрешили рожать. А она поставила жизнь за жизнь. Счастье за счастье.

На кладбище маме стало плохо. Давали что-то понюхать, совали таблетки, тёрли виски. Гоша стоял и смотрел на деда. Крупный, скалистый, он как будто раздвигал этот деревянный ящик. Собрались опускаться, но подъехал «Уазик». Из него цугом прошли семь великанов. Один из тыквеннообразной ёмкости в тёмные стаканы налил какой-то жидкости. Выпили залпом. Сняли папахи. Подержали их, прижимая к груди. Бросили на землю. Расстегнули бурки и движением плеча освободились от них. Взялись за верёвки и опустили гроб. Всё делали молча, без слов. Резко рванули шашки. Опустились на левое колено. Подняв клинки высоко над головой, они одновременно переломили их через правое колено. По два осколышка бросили на крышку гроба. Встали, подняли бурки, папахи и уехали.

Гоша пришёл в комнату. Мама сказала, что кровать и ковёр уберёт через сорок дней. Он сел. Снял шашку. Дважды описал круг и прикоснулся к лезвию губами. Положил рядом с собой и зажал рукоятку. Поправил подушку и заплакал. Единственный маленький – о любимом, ушедшем стареньком.

Берлин, 2018 г.

«УМА»

- Женька, я на балкон. Чай попить.
- И, конечно, покурить.
- Курить не пить. Это святое.
- Октябрь на финише. Прохладно.
- У меня куртка наверху, да и в Берлине минусов почти не бывает.

[188]

Подхватив пузатенький стеклянный заварник, стал подниматься на второй этаж.

– Экипировался по самое «горлышко», – незлобиво проворчала жена, сидя на диване с двумя «поворотами». Она терпеливо ждала очередной сериал. Приятно, что муж продолжает её так называть. Веет юностью, озорной свежестью.

Виктор плеснул в чашку несколько глотков пахучей жидкости. Чай заваривал почти по-киргизски. Они используют цедру лимона, корицу, гвоздику, сок лимона и апельсина. В общем понимании это совсем не чай. Нет здесь никакой заварки, а он добавлял – зелёную. Получался очень насыщенный аромат и замечательный вкус. Такой напиток утоляет жажду и снимает лишнее напряжение. После рабочего дня, это даже очень обязательно. Быть генеральным директором фирмы приятно ласкает слух, но «Бог, ты мой», сколько требуется выдержки, терпения и такта.

Он построил дом по жёстким архитектурным правилам. Спальня на восток, обеденная зона и зал – на запад, кухня – на юг. Краину района «Рудов» не спешили застраивать. Это радовало. Виктор любил открытые горизонты. Особенно восток и запад. Зоревые события дня, самые впечатляющие и надолго задерживаются в памяти. Небо и звёздный свет. Он тихий, неназойливый, ликующе подмигивает своей пульсацией. Вот и прекрасная, знакомая, небесная фигура. Правда, она как будто находится дальше и звёзды не такие крупные и яркие, как в том далёком детстве.

Город Бешkek расположен в Чуйской долине, у предгорий Тянь-Шаня, на высоте девятьсот метров над уровнем моря. Поэтому вся навесная панорама была ближе и доступнее. Как у многих детей, у него появилось пристрастие к созерцанию неба. С плоской крыши саманного дома, где летом они ночевали с отцом, впервые и увидел «Ursa Majoru» – Большую Медведицу. Семь звёзд, напоминающие ковш с ручкой. На тёмно-аквамариновом поле неба, астеризм¹ сверкал зеленовато-розовой ритмичной морзянкой. Потом, уже в школе, со своим другом Ажибеком, они искали «Полярную» звезду, отложив пять расстояний от двух крайних звёзд ковша и ориентировались на север.

Он стал вторым секретарём горкома партии. Виктор закончил экономический факультет. Школьный друг рекомендовал его в Райисполком. Первомайский район Бишкека не самый большой из четырёх, но мощности перерабатывающей промышленности быстро набирали обороты. На молочном комбинате пустовали производственные площади. Молодой, инициативный экономист решил их использовать под запуск линии изготовления мороженого. Для южной республики товар особенно востребован и должен иметь хороший сбыт.

Горком проект одобрил. Нужны были кадры и специалисты.

– Девушка, время приёма давно закончено. Посмотрите, уже больше девятнадцати часов.

– У меня «представление» на четыре. Я жду, жду, а никого нет.

«Как же я забыл, сам назначил и вот – закрутился». Посетительница поднялась со стула, собираясь уходить... и тут рвануло. Сразу, внезапно! На всю ширину грудной клетки, на всю голову, руки, ноги и остальные части тела. Молодость всегда привлекает своей яркостью, красотой, свежестью. Он смотрел на неё и ему становилось радостно. Стройность её фигуры подчёркивал тонкий поясок между чёрной, чуть укороченной, юбкой и белоснежной блузкой, оттеняющей светлую, бархатистую кожу. Спокойные голубоватые глаза таили в себе скрытую привлекательность, талант, с чуть озорным хулиганством. Золотистые волосы, волнующий румянец на щеках и алые, припухлые губы. Воистину остолбенеешь!

Она, смущённая, с некоторым любопытством и удовольствием, улавливала впечатление, производимое на молодого мужчину. В нём чувствовалась необыкновенная подвижность, острый ум, хватка, напор и коммерческий талант.

– Проходите в кабинет и пишите заявление. Меня зовут Виктор. А вас?

– Женька, ой извините, Евгения.

– Нормально, – нежно улыбаясь, он открыл кабинет и пригласил свою будущую жары², свою будущую аял³.

Именно она, Евгения, предложила за основу изготовления мороженого брать не молоко, а каймак⁴. Пришлось изменить технологию, согласовать с Санитарной эпидемиологической станцией. Всё решил готовый продукт. Чем дольше жирное молоко томится в печи, тем разнообразнее по цвету становится каймак. От розового, светло-золотистого, до оранжево-коричневого. Ассортимент сам по себе становится разнообразней без искусственных красителей.

Начинали с лотосниц и киосков. Затем арендовали, а потом и построили кафе. Открыли филиалы в других районах и санаториях на озере Иссык-куль. Пришлось запускать на комбинате вторую линию. Успех

был ошеломляющим. Брэндом продукта стала «Ума» – Созвездие Большой Медведицы. Упаковки дополнялись флагом штата Аляска, «Звездной ночью над Роной» Ван Гога, потоками Урсиды⁵ и самыми яркими звездами в созвездии Большой Медведицы: Алиот, Духбе, Мицар.

В конце осени тысяча девятьсот девяносто первого года, всё тот же школьный друг Ажибек вызвал Виктора в Горком. Встретились, обнялись, похвастались своими семействами. У первого – третий сын, у второго – трёхлетняя дочь.

– Виктор, наступают не лучшие времена.

– Что случилось, Анжи?

– Не перебивай. Советский Союз, наверное, прикажет долго жить!

– Как это так? Не может быть!

– Всё может. До официальной даты распада СССР осталось не много времени. Думаю, до конца года объявят. Ты собирал бумаги на выезд в Германию. Как у тебя с этим дела?

– Всё готово, но как оставить то, что мы подняли тут?

– Витя, дорогой, всё бросай! Бери жену, дочь и уезжай! Как по-русски говорят: «Жизнь человека коротка, да погудка⁶ долга.

– Ажибек, а ты, что решил?

– Переберусь к родственникам в аил⁷, подальше от городов.

После 26-го декабря⁸ город изменился. Милиционеры боялись и выходили в штатском. По вечерам киоски и ларьки грабили и поджигали. Европейцев светлокожих с каждым днём становилось меньше. На базарах в открытую жарили коноплю. Рэкет и наркомания процветали. Рэйдерские захваты шли с применением оружия. Россия не принимала своих соплеменников с республиканскими паспортами. Виктор с семьёй вылетел в Берлин через Алма-Ата.

Берлин, 2018 г.

¹ группа звёзд на небе, созвездие;

² невеста;

³ жена;

⁴ кисломолочный продукт;

⁵ метеоритные потоки;

⁶ звук, путь, дела;

⁷ село;

⁸ дата распада СССР.

«ВОСПИТАХА»

– Доброе утро, Эмилия Валерьяновна! Вызывали?

– Кому доброе, а кому не совсем.

«Странно, её что, ночью комары закусали? Вряд ли такой «студбеккер» чем-то достать возможно».

– Антон Маркович, ну посмотрите, что вы с нами делаете? Мы, вообще, какие-то недомерки?

– Эмилия Валерьяновна, что вы хотите сказать?

– Что я хочу сказать? Если по своим именам вы близко подошли к Макаренко, то по своим практическим действиям, вы к нему даже не приближаетесь.

– Я совсем к этому человеку без претензий.

– Да, а посмотреть, что пишут ваши воспитанники домой, не интересуется?

– Эмилия Валерьяновна, нас одинаково учили, читать чужие письма не совсем прилично.

– Период адаптации в новом коллективе... Это вам чуть-чуть знакомо?

– Как и большинству сознательных педагогов.

– Сознательный?! Так читайте вслух и наслаждайтесь повествованием.

«Мам, привет! Зубы чищу, майки и носки меняю! Поправляюсь! Мам, а у нас Воспитаха –мужик, во! Дурит всех подряд! Два дня мы бесились. В «сон-час» лагерь «на уши ставили», отбою не подчинялись. Заменили на этого Антона. Мы договорились, что в «отбой», до проверки мы спим. Как только комиссия ушла, мы оделись и через окно вылезли. Где ползком, где перебежками, вышли за территорию. Отошли на пару километров. Он заставил нас бегать по склонам. Свистнул и мы все в озеро. Прикинь, эта «Пилюлькина» с градусником, близко к купалке не подпускала. «Нет, только когда плюс восемнадцать в воде»! А на берегу жарница! Тут же – мы ночью купаемся! Два свистка – мы из воды. Упражнения на разогрев и сговор в воду! Обалденно!

Разожгли костер. Он рассказывал нам про затерянные экспедиции в ледяной Антарктиде и знойно-пустынной Австралии. Про пиратов и доблестных рыцарей. Мы сидели близко друг к другу. Было тепло от того, что мы вместе, родные и близкие. Искры костра срывались и освещали небольшой островок. Кругом темно. Мы как будто тоже затерялись. Кроны сосен сомкнулись над нами. Иногда, при их покачивании, проглядывали звёзды и откуда-то несмело, разбавленным молоком, дотягивался расплывчатый свет луны. Мы стали ждать, когда запоют соловьи. Антоша поведал, что поют только самцы. Песня – это при-

влечение самки и сообщение: «Я здесь живу». Затем прилетает самка. Если ей место понравилось, они начинают строить гнездо. Он сказал, что старые птички поют лучше молодых. Даже обидно! Если самки не прилетают, он поёт в одиночестве ещё несколько дней. Стало его жалко. Потом меняет место. Когда у пары появляются птенцы, они уже не поют, видно уже не до веселья. Мам, почти как у людей, правда? Их пение невозможно передать. Такие трели, щёлканье, свисточки. Эти звуки такие красивые и залиvistые, что и нам захотелось что-то спеть. В палату пробрались на рассвете. На зарядке стояли сто процентов. Никто не прятался за кустами или отсиживался в туалете. За зарядку получили переходящий приз и решили, что до конца смены он наш!

После завтрака был музыкальный час. Готовимся к концерту. Выпустили газету и убрали территорию. На обед мы брели нетвердой походкой, а после, без горна бухнулись в сон-час. Весь лагерь был в шоке! Что случилось с шестым отрядом? Мы поголовно все спали. Следующий ночной бросок – рыбалка!

Мам, сходи в свой заводской профсоюз и обязательно возьми путёвку на вторую смену! Не забудь!

Твой сын, Денис»

– Хорошо написал...

– Знаю, что неплохо. Но вы тоже, не перегибайте! Сухомлинский!!!

Берлин, 2018 г.

«ГОЛОС СУДЬБЫ»

Моей сестричке посвящаю...

Ан-26 терпеливо дождался окончания посадки пассажиров. Запустил двигатели и вывел их на режим максимальной тяги. Выпустил закрылки. Отпустил тормоза и начал разбегаться по взлётной полосе. Пилот потянул штурвал на себя. Ан-26 сначала приподнял нос, а затем и весь оторвался от земли.

Пассажирка поправила ремень безопасности и облегчённо откинулась на спинку среднего сидения. Для неё оно было наилучшим. Не любила иллюминаторы. Высота немного пугала. По проходу всегда кто-нибудь мог задеть.

В сопровождении стюардессы, извиняясь и балагурия о «неземном образе, который повсюду живёт в его душе», молодой человек занял

свободное место. Приподнял над густой, чёрной шевелюрой не существующую шляпу, с дурацкой улыбкой произнёс:

– Мишка!

«Нагловатый, самоуверенный, не серьёзный». – Это определила голова, а губы вдруг беспечно выдали:

– Ирка!

От звука двух имен стало легко, комично, запросто, как в детском садике.

– Ну, всё. Домой!?

– Да, из Дома!

Его округлые, чуть навькате битумные шары, подпрыгнули на бугристый лоб. Придавив их мохнатым избытием дуг, с удивлением произнёс:

– Такие красавицы живут только в «Северной Пальмире!»

– Встречаются и в Уральске, столице Царской!

– Да, за неделю убедился. Они какие-то светлые все. Высокие, стройные. Мне даже иногда казалось, что у них души прозрачные.

«Бестактный! Разве можно восторгаться другими девушками, если рядом сидишь с той, кому делаешь комплименты и пытаешься ухаживать. Не сильно ты мальчик «подкован»... А может это и хорошо. Говорит искренно и честно. Не успел покрыться пенной скорлупой».

– Я с «пирушки», это с греческого, по-русски, – с симпозиума. Мы в нашем центре геномной биоинформатики намерены получить генный портрет русского человека. Понимаете, как это позволит повысить эффективность лечения многих заболеваний. Продолжительность жизни увеличится. Образцы есть. Сейчас займёмся секвированием – расшифровкой геномов. При таком анализе каждый нуклеотид проверить надо не менее двух десятков раз... Айсберг! – Без паузы сразу спросил: – А к нам, в светлейший град Петра по какому случаю?

– На конкурс.

– Однозначно «Красоты»!?

– Нет, на другой....

Она демонстративно отвернулась. Не дождавшись продолжения, он по-детски обидчиво опустил нижнюю губу: «Провинциалка! Ну что с неё взять?» Решил почитать. Раскрыл сумку-планшет и стал перебирать свои записи... «Нет! Это что же такое? Ей оказывают внимание, а она фунт презрения? На какой конкурс её вызвали? Профессиональный? Повар, парикмахер, модельер? Она же из Свердловска! Геолог, камнерез, ювелир?»

– Малахитовый зал Эрмитажа насчитывает более двухсот изделий – сказал он без всякой подготовки.

Попутчица удивилась: «При чём тут малахит? Он что, бредит?»
 – На колонны алтаря Исаакиевского собора было израсходовано тысяча пятьсот пудов малахита.

«Опять! У него что, заело?»

– Малахит – загадка, он знак «Весов» и «Тельца», а у Вас какой знак?

– Скорпион! – она сказала чуть раздражённо, но это её знак.

Он опять поджал губы и молча наклонил голову: «Издевается, честное слово издевается! А какие открытые глаза. Это на лице главное. Есть интерес к жизни и она очень как-то со свежестью её воспринимает! “Скорпион!” Злюка! А может действительно «поздняя осень»? Молодая душой хризантема! Ей хочется узнать что-то новое, постичь, открыть себя в новом качестве?»

– Может быть камень действительно обладает магической силой. Привлекает внимание окружающих и укрепляет личное обаяние.

Кокетливо-извинительно попутчица улыбнулась.

– Ваш светлый образ, улыбка и взгляд так тонко очаровательны, ясны и отрадны, что никакая «Павлиний глаз» – не конкурент!

«Куда меня опять понесло!»

– Обыкновенная углекислая соль меди с примесью железа.

«Опять я со своей химией! Нужна она ей. Это же неинтересно!»

– Нет, нет. Это камень здоровья: улучшает зрение, лечит бронхит, кашель, желудок, бессонницу, головные боли...

Мой телефон... Сейчас... Позвоните... Обязательно в Эрмитаж! Георгиевский и Малахитовый залы!

В знак согласия соседка скромно опустила глаза.

Самолёт решил заходить на посадку. Стал изменять конфигурацию из «полётной» в «посадочную». Выпустил шасси, подкрылки и закрылки. Выровнялся, выдержал плавное снижение, уменьшил скорость. Приземление. Контакт с земной поверхностью на все три стойки одновременно. Классика!

В салоне раздались аплодисменты. Все засуетились, стали доставать ручную кладь, поправлять причёски, прихорашиваться. Полёт, а человек не птица, это всё-таки немножечко стресс. Как и положено мужчине, Мишка спускался по трапу впереди попутчицы. Прижав вырванный лист из блокнота к сумке, записывал номер телефона. Перронный автобус ожидал в метрах двадцати. Они сделали два или три шага. Он внезапно остановился, испугался, содрогнулся, струсил и оцепенел. Пассажиры обходили его «двумя ручейками». Он стоял и держал в руках бумажку с номером для той, которая уходила... Уходила тяжело прихрамывая, переваливая своё тело из стороны в сторону, подтягивая левую ногу.

...Март 1945-го, ясный и тёплый. Последняя военная зима была пережита. То, что она последняя чувствовалось повсюду. Ясное, безоблачное небо. Величавый покой и тишина. Над бугорками землянок, придавленных «паковым» снегом, вырывались серпантинными столбиками лёгкие дымки. Какое-то время они держались над трубами, не желая расставаться с теплом. Охлаждались и развеивались, не оставляя следа, но согревали тех, кто был там, под землёй. Люди выползали, шли к своим сарайкам, кормили птицу, свинок. Останавливались, разговаривали, даже иногда улыбались. Они знали друг друга и знали всех тех «трудоармейцев», которые остались в живых. Сделав «вызов» из Бухтарминских степей Казахстана, к ним возвращались их жёны и дети. В комендатуре ещё надо было отмечаться, но жить им разрешалось уже не в лагере, а на «поселении».

Мария Бытовская довезла в целостности и сохранности всех трёх своих девочек. Яков не сразу узнал своих «принцесс». Четыре года разлуки – срок не маленький. Встречались, будто знакомились заново. Мужчины работали по двенадцать часов. Шесть-восемь спали, работали по хозяйству и снова спускались под землю. «Уголь – это хлеб промышленности!» Лозунг, который знал каждый в посёлке.

Старшие девочки были в школе. Пятилетнюю Иришку Мария взяла с собой на «Террикон». Выписывать уголь «предателям народа» не разрешалось. Женщина шла к огромной конусной горе. На неё поднималась самопрокидывающаяся тележка. Разлеталась порода, в которой можно было отыскать кусочки антрацита. Терриконик всегда дымится как «проснувшийся» вулкан. Большие массы сыпучих тел окисляются кислородом воздуха и влагой. Тепло не рассеивается и они воспламеняются. Иришка помогала маме и приносила в мешочек чёрные камушки. Вдруг её левая ножка продавала зольную корку и она обожгла её. Мама быстро прекратила работу и они пошли домой. Было больно, но девочка терпела и слезинок не выпускала. Мария смазала обожжённые места жиром. Через четыре дня под коленкой, в складках кожи, созрел крупный фурункул. Видно, травма от ожога и загрязнение, стали причиной его появления. Девочка температурила. Яков упросил единственного медика-ветеринара. Он пришёл и вскрыл «чирей», но провёл скальпелем не вдоль, а поперёк. Рана зарубцевалась, но сухожилия были перерезаны. Ножка росла медленней, становилась тоньше и слабее.

Одноклассник Эдик, был во многом необычный. Любил всё странное. Фантастически завязывал шарфы, носил всё длинное и свободное. Инструмент тоже выбрал необычный – виолончель. Закончил Петербургскую консерваторию. Играл в струнном оркестре. На концерт ла-

уреатов долго уговаривал. Мишка согласился прогуляться по «Невскому» и отсидеть ради друга «оперную пытку». К действиям на сцене не прислушивался. Разбирал свои лабораторные записи. Не обратил внимания на объявленную «Первую песню Леля» из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка». Голос! Звуки до боли знакомые и родственные его душе. Они затронули самые глубокие струны его сердца. В зале было полутемно, а из чуть освещённой сцены разливалось дивное звучание. Он не мог ясно видеть лицо солистки, но там был её голос! Голос той, о ком он мечтал всю жизнь!

– Ирка!

– Ты слушай, какое редкое лирическое колоратурное меццо-сопрано! А какие обертоны! Яркие! Красочные!

– Подожди ты со своими сопранами и обертонами. Это же Ирка. Дай программу. Точно, Бытковская Ирина. Всё, я пошёл!

На него возмущённо сердились, а он уже бежал, чуть согнувшись между рядами к выходу.

За кулисами стремительно подошёл. Склонился к её руке и целуя их восторженно шептал: «Красивый, прекрасный голос! Узнала меня?! Мой, только мой голос! Наш голос! Наш и навсегда!»

Они живут в Берлине. Район Шарлоттенбург. У них сын и дочь. Две внучки. Она их ласкает и целует, «лелюшкой и лелем» называет и, конечно же, поёт своим принцессам, какой была и она в том послевоенном детстве.

Берлин, 2017 г.

[197]

Д и П / 2018

Давид Брацлавер

СОЛДАТЫ

В вулкане кровавых баталий,
Который страшнее чем ад,
Солдатам приказы давали:
«Вперёд! И ни шагу назад!»

А рядом чины в серой форме
Под свастикой поднятых рук
Давали приказы: «Nach vorne!
Vorwärts aber kein Schritt zurück!»

Мгновенья историей стали,
Звучало почти в унисон:
«Хайль Гитлер!», «Да здравствует Сталин!» –
С полотен враждебных знамён.

В огне, под осколками стали,
Где страшен мертвец и живой,
Простые солдаты мечтали
Из ада вернуться домой.

Свершились солдатские грёзы,
Весной отгремела Война.
И радость и горькие слёзы –
Смешались в бокале вина!

Поэзия и проза

СОЮЗ ДРУЗЕЙ

Ревела грозная стихия,
Снег покрывал сосновый бор.
Поспешно складывая крылья,
Упал Орел к подножью гор.

Почуяв кровь, с небес слетая
На Землю – радость не тая,
Орлу кончину предвещая,
Кружилась стая Воронья.

Орёл промолвил: «Вороньё!
Я пострадал при встрече с бурей,
А ваше карканье – враньё,
Надеюсь, в голубой лазури,
Предвосхищая чудеса,
Крылом погладить небеса».

Недолго слышалось веселье
И радость в криках Воронья.
На зов Орла через мгновенье
Откликнулись его друзья.

Орлов невиданная сила
В борьбе с коварной силой зла –
Победой смерть предотвратила
Неунывавшего Орла.

Он вновь парит в небесной сини
В пургу или густую мглу.
Подвластны горные вершины
Преград не знавшему Орлу!

Встречая ранние рассветы
Слова он произносит эти:
«Друг другу вторят голоса –
Орлов в лесах и в небесах!»

[198]

ГОРОД – ПАМЯТЬ ЮНОСТИ МОЕЙ

Я вспоминаю шум прибоя,
Объятья пенистой волны –
Индиго. Воды Черноморья
С дворцовой площади видны.

[199]

Маяк, песчаные причалы,
И стая чаек на скале...
Рукой хозяйской с пьедестала
Им машет Дюк де Ришелье.

И брызги уличных фонтанов
Искрятся бисерной дугой,
Кусты черёмухи жеманной –
Кораллов россыпь под луной.

Красавцы гордые – платаны
Себя раздели догола.
Их не пугают, как ни странно,
Ни зимний холод, ни жара.

А в парках – дивные аллеи,
Обитель ароматных роз,
Кармином огненным алеют
При колдовском сиянии звёзд.

Цветы акации душистой,
Кусты сирени голубой,
Трель певчих птичек голосистых,
В садах весеннею порой.

Ты – лучезарная принцесса,
Ты – колыбель волшебных дней!
Одесса, милая Одесса,
Ты – память юности моей!

Я НЕ ЛЮБЛЮ ОСЕННИЕ РАССВЕТЫ

Рассветы не люблю встречать осенние,
Но я люблю их раннею весной.
Люблю пернатых слушать песнопения,
Недавно возвратившихся домой.

Люблю дожди, но не дожди осенние,
Люблю я те, которые весной,
Чтоб расцветало каждое растение,
Политое небесною водой.

Я не люблю, когда плоды осенние
Срывает лихо ветер озорной,
Есть у меня другое предпочтение –
Цветение черёмухи весной!

Я не люблю, когда порой осеннею –
Туман, и небеса покрыты мглой.
А я люблю с весёлым настроением
Встречать зарю весеннею порой!

СОНЕТ

Возможно, от душевной боли
Твердят, твердят твои уста:
«Мы верные друзья, не боле,
А остальное – суета!»

Но рук волшебные объятия
И томный взгляд манящих глаз,
Влекущий беспредельной страстью,
Неповторимый нежный глас –

В предновогодний тёплый вечер
Мне вспоминаются не зря:
Огнём любви пылали свечи,
Когда небесная заря
Была союзником при встрече
В конце седого Декабря!

БУМАЖНЫЙ ЛИСТОК

Измятый маленький листок
бумаги голубой
унёс проказник-ветерок
по скользкой мостовой.

В нём неизвестная строка
из неизвестных слов...
Я ждал, что ты издалека
откликнешься на зов.

Я нашу дружбу обещал
заботливо беречь.
И вот письмо тебе послал –
надежду нежных встреч...

Умчался маленький листок,
и не найти следа.
А тайна непрочтённых строк
осталась навсегда.

Влечёт течение реки
обрывки смытых слов,
слов, где лекарством от тоски
прописана любовь.

НЕ УХОДИ

Романс

Не уходи, прекрасный вечер,
Не отводи глаза свои.
Они теплом согреют встречу
В объятьях искренней любви.

Весна ушла, но тайна лета
Нас ожидает впереди.
Мечтаю нежные рассветы
Встречать с тобой, не уходи!

[201]

Д и П / 2018

Давид Броцлавер

На землю льются волны света,
Грустит вечерняя заря,
Звезда на небе, как примета
Скользит, надеждою горя.

Прохладный парк устало дышит –
Я слышу стон в его груди.
Но ты моей мольбы не слышишь:
«Не уходи, не уходи!»

НЕЖНОСТЬ

Нет силе нежности предела,
Как неприступная броня –
Хранит союз сердец и тела
В потоках страстного огня.

Она пленяет нас так сладко,
Не выпуская из оков.
И посылает нам украдкой
Непревзойдённую любовь.

Дарите нежность полной мерой –
Она сильнее потоков слов.
Дарите дамам, кавалеры,
Тепло за верную любовь!

УЛЫБКА СУДЬБЫ

Романс

Помню девушку с русой косою,
Томный взгляд голубых её глаз.
Я влюбился весенней порою.
Я влюбился тогда в первый раз.

Первый раз испытанье любовью
Унесло мой душевный покой.
Мне казалось, в глазах черных
Отражается рай неземной.

Но Фортуна шутя улыбалась,
Притворяясь лукавой лисой.
В жизни рядом со мной оказалась –
Кареглазая с чёрной косой.

Что поделать с собой – я не знаю.
Но, пленённый другою красой
Я, грустя, иногда вспоминаю
Синеглазую с русой косой.

[203]

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Темнеет небо. Зимний вечер.
Гляжу, не уставая, в даль.
А на деревьях робко ветер
Кольшет белую вуаль.

На землю падает, сверкая
Снег серебристою волной.
И входит сказка неземная
В хрустальный замок ледяной.

Мне в этот поздний час не спится,
От лика лунного светло.
Снежинки, как шальные птицы,
Летят в открытое окно.

И гибнут, обречённо тая,
Не в силах встретиться с Весной.
А Месяц, в облаке вздыхая,
Плывёт над сказочкой лесной.

НОВЫЙ ГОД

Шипит шампанское в бокале –
Тост поднимает Тамада.
Мы вспоминаем в зимнем зале –
Свои весенние года.

В календаре мелькают даты –
Года уносятся стрелой.
Им, к сожаленью, нет возврата –
Они стремятся в мир иной.

Один раз в год собравшись вместе,
Страхнув в бокал душевный прах,
Мы вспоминаем об Одессе,
О черноморских берегах.

Но только небо в прежней сини,
И только облакам легко...
Мы – иммигранты, мы – в Берлине
Встречаем вместе Новый год.

ДЕРЖУ ПАРИ

«Держу пари, что я ещё не умер...»
Осип Мандельштам.

Держу пари, что я ещё не умер –
Душа не улетела в мир иной.
Не грусть мои переполняет думы,
И не прельщает призрачный покой.

Прельщает блеск небесного светила,
И свет Луны, и Солнца добрый луч.
И жизнь надеждой тучи опалила,
Чтоб стало меньше этих мрачных туч.

Чтоб смертный час на сером горизонте
При приближеньи удалялся вдаль,
А чёрный, над душой висящий зонтик,
Сменила белоснежная вуаль.

Держу пари, что я ещё не умер.
Смерть не спешит ко мне – «Старухе» лень
Ползти за мной холодной ночью лунной.
Творца благодарю за каждый день!

Благодарю за то, что дал мне юмор,
За то что Он прощает мне грехи.
Держу пари, что я ещё не умер,
И подтверждение этому – стихи!

ЛИСА И ПЕТУХ

[205]

Басня

Лиса похвастаться решила
Своею хитростью и силой,
И доказала это наспех
Всем петухам и курам на смех.

Ах! Захотелось ей, Лисице,
Добычей лёгкой поживиться.
Подумала, ведь чепуха –
Поймать любого Петуха.

Повыше задирая нос,
Сказала: «Это не вопрос,
Съем у зверей перед глазами
Петра со всеми потрохами!»

Она отправилась в атаку,
Но Петушок был бойкий в драке –
Плутовку из последних сил
Ударом метким угостил,

Ей ловко всунув под ребро
Остроконечное перо.
В глазах Плутовки свет потух, –
Так заклевал её Петух.

И всё зверьё понять сумело,
Что побеждает в ратном деле
Боец, который посмелее,
Чем хвастунишки и злодеи!

ОСЛИНЫЙ ХОР

Басня

Осёл, командовавший хором,
всем соловьям сказал с укором:
«Пришла идея, неплоха, –
взять запевалой Петуха!»
Все вскоре убедились сами,
как радостно дружить с Ослом:
он дирижировал ушами
и подпевал себе хвостом!
На соловьёв смотря гордо,
как на жужжащих серых мух,
во всё закукарекал горло,
Ослом назначенный Петух.

Мораль простая! С этих пор
известен стал Ослиный хор.
Смеётся зритель: «Ха-ха-ха! –
Петух пускает петуха!»

ЗАВИСТЛИВЫЙ ОСЁЛ

Басня

Грустит Осёл: «Тяну я тяжкий воз!
Который год вся жизнь моя без толку.
Жую солому, в праздники – овёс,
А все мясные блюда – только Волку!»

Затем вздохнул: «Мне это не к лицу,
Я тоже волчью проявлю натуру
Отважным нападением на овцу», –
И натянул на плечи волчью шкуру...

В овчарне поднялся истошный крик.
Когда лжеволка уши промелькнули,
С винтовкой прибежал старик,
И над бандитом засвистели пули!

Остался цел Осёл, отделавшись испугом,
И говорил себе, шагая лугом:
«Нет лакомства вкуснее, чем солома!
Я убеждён, что это – аксиома».

С тех пор Ослы мясной вопрос замяли
И не нуждаются в морали.

[207]

КУКУШКИ

Басня

Не в гости, а в родимый дом,
Вернулись с Юга птичьей стаи.
Встречая солнце вешним днём,
Лес звонким пеньем услаждали.

Кукушки пели и плясали.
Плоды кукушечьей любви
Поспешно в гнёзда разбросали,
Жаль, по-привычке, не в свои.

И удивляли многих птиц,
Птенцы, чьи ушки на макушке,
Как у проказницы-Кукушки,
Проклёвывались из яиц.

Лишившись блага колыбели,
Окрепли и, взмахнув крылом,
Птенцы на радостях пропели:
«Ку-ку» – на языке родном.

Бесшумно стали яйца класть,
Будто игрушки для подружки,
В чужие гнёзда, как их мать, –
Детей не ведает Кукушка.

Известно, что среди людей
Немало странных матерей,
Которые не жаждут знать,
Зачем нужна ребёнку мать!

ВСЁ БЫВАЕТ

Басня

Козёл весёлый озорной,
Встряхнув бородкой,
Промолвил: «Стань моей женой», –
Козе-красотке.
«Благодарю, любимый мой, –
Она сказала
И стать козлиною женой,
Пообещала.
Была добра и весела,
Но были слухи:
Коза ребёнка родила
С ослиным ухом.
Подарком радовать Козла –
Не прекращала.
Детей похожих на Осла
Ему рожала.
С Бараном ночь переспала,
И на прощанье –
Козлу в подарок принесла
Рога бараньи.
Измена, словно меч врага –
Помеха!
Растут кудрявые рога –
Для смеха!

КОБРА И УДАВ

Басня

В пустынном мире обитая,
давно змей женщин не встречал.
Влюбился молодой Удав
в красоту Кобру и, считая,
такую страсть знаменьем добрым,
он предвкушал восторг утех.
И вот с красавцем Змеем Кобра
решилась на любовный грех...

Но был трагическим конец!
Удав был негодяй, поверьте:
объятьями своих колец
довёл любовницу до смерти!

Мораль банальна: сладострастье
не каждому приносит счастье.
А главное, злодей Удав –
категорически не прав.

[209]

СОРНЯКИ

Басня.

Парк привлекал к себе кустами,
Цветов, растущих вдоль аллей.
Между седыми берегами
Струился ласковый ручей.

Цветы нарядом щеголяли,
Но жаль весёлые деньки
Для них последними настали,
Когда явились сорняки!

Ручей, врагов не узнавая,
Как прежде продолжал журчать.
А сорняки, как банда злая,
Пришли с цветами воевать.

Фальшивой лаской обжигаясь,
Как озарением мечты,
Не зная, кто их обнимает –
Завяли яркие цветы.

Так наше общество, друзья,
Страдает, чахнет и хиреет
С тех пор, когда уже нельзя
Себя избавить от злодеев!

Мина Полянская

**АНДРЕЕВСКАЯ
ЛЕНТА**

*«И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою».*

А. С. Пушкин. «Полководец».

В Петербурге я поселилась в гостинице «Рахманинов» за Казанским собором на Казанской улице, упирающейся в главную улицу города – Невский проспект. Два окна доставшейся мне комнаты номер 12, между которыми вытянулось высокое, чуть ли не до самого пола, венецианское зеркало, выходили во двор. Его я ещё не успела разглядеть, войдя через парадный вход с улицы. Справа у стены над изголовьем кровати заметна была репродукция, в контрастных красках изображающая русского императора Александра Павловича на белом коне, в треугольной шляпе с плюмажем и в мундире капитана, пересечённом, как португеей, голубой Андреевской лентой.

В других комнатах гостиницы, как выяснилось, размещались картины, преспокойно отражающие быт русской дворянской жизни 19-го века, и только в моей красовалось полотно с изображением всадника-царя, напоминающее о бурной эпохе наполеоновского нашествия. Неудивительно, что внезапное явление портрета, отвечающее тревожным настроениям моего приезда, я восприняла не случайным совпадением, а настораживающим знаком.

К тому же ещё и собор, за которым располагалась гостиница, к моему изумлению оказался единственной во всём мире православной церковью, через которую проходил Пулковский меридиан. Что это могло означать с точки зрения вечности, я не знала, однако в этом

пересечении тридцатого меридиана с церковным зданием скрывался некий таинственный священный символизм. Обращённая полукругом к Невскому колоннада, завершалась памятниками двум полководцам. Фигура Барклая-де-Толли – ближе к Казанской улице – изображена была в условном робком ожидании – жезл идеологически и фактически приспущен, тогда как Кутузов с поднятым жезлом призывал к наступлению.

Мой приезд совпал с празднованием дня рождения города. В честь этого события вокруг памятника Кутузову была сооружена деревянная сцена, напоминающая скомороший помост, и на нём молодежь плясала рок-н-ролл – с ритмичным подпрыгиванием, перебрасыванием партнерши через голову и вращением в разные стороны – и Кутузов своим жезлом по-отечески благословлял седьмое поколение танцующих потомков. За памятником Барклаю был отчего-то сооружён именно тир, и посетители – так уж получалось – стреляли полководцу почти в спину, причём, без злого намерения, так что я вполне могла убедиться в равнодушном отторжении народонаселения от полководца.

Я была подготовлена к изначальным свойствам города – прямолинейной однозначности перспектив – и без особого труда научилась ориентироваться в центральной части города. Шагая по проспекту, наблюдала город как бы со стороны, извне, пытаясь постичь его с точки зрения временной метафоры, надеясь, что и мне откроются его индивидуальные черты. Я вслушивалась в русскую речь, стараясь уловить незнакомые мне выражения и фразы, и радовалась солнцу, поскольку помнила, что в «Белых ночах» погода была беспросветно дождливой. В самом лучезарном настроении шла я в сторону Невы, чтобы, не откладывая, посетить Военную галерею Зимнего дворца – главную цель моего заграничного похода. В последующие дни – не сегодня – я намеревалась ознакомиться с эрмитажными сокровищами, а сейчас – решительно направилась к длинному залу галереи с аркообразной, вытянутой крышей с врезанными в неё окнами мелкой расстекловки, обращёнными к безоблачным небесам.

Не сразу открылись мне страницы истории, в цепи которой одно звено, похоже, затерялось. В годы отрочества я обнаружила в домашней библиотеке огромную, в коленкоровом переплёте книгу с названием «Война и мир». Помню, как поразил меня портрет писателя на титульном листе. Лицо графа (титул указывался), широконосое и скуластое, с огромной бородой не вполне отвечало моим представлениям о знатности рода. Автор романа был облачён в просторную серовато-синюю блузу с ниспадавшими многочисленными, напоминающими

драпировку, складками. Впоследствии я узнала, что блуза, сшитая из дорогой ткани, названная «толстовкой», была стилизована под народные мотивы и сделалась символом свободы у либералов. Граф оказался ещё и первым представителем знатного сословия (послепетровской эпохи), отрастившим мужицкую бороду, и, вследствие своего эпохального авторитета, сумевшим зародить ещё одну «моду» – на бороды. Облик писателя-графа настолько поразил меня, что я, несмотря на устрашающие размеры книги, всё же углубилась в чтение, разумеется, выпуская многочисленные рассуждения и философские отступления. Внезапно я обнаружила среди действующих лиц своего предка Михаила Барклая, подозреваемого в измене и чуть ли не выброшенного «за борт» Бородинского сражения, в котором сыграл на самом деле решающую роль. Впоследствии я узнала, что после выхода романа ветераны войны осыпали писателя оскорбительными письмами, обвиняя в преднамеренной лжи.

Среди возмущённых героев войны оказался гусарский герой-полковник Денис Давыдов, командир партизанского отряда, владелец села Бородино. С небольшим вздернутым носом, белым локоном на лбу, неизменной трубкой в зубах и закрученными усами, он был ещё и знаменитым поэтом. Гусар-поэт, некогда участвовавший в травле Барклая, в преклонных годах, тряхнув стариной: «Ради Бога, трубку дай, ставь бутылки перед нами, всех наездников сзывай с закрученными усами», – поднялся на защиту Барклая, ещё, к тому же, и зачинателя партизанского движения.

Между тем, романый Кутузов, возглавивший армию, занимал ту же выжидательную тактику, что и отстранённый императором перед самым сражением Барклай. Толстой оправдывал Кутузова, оставившего Москву французам, рассказывая о «дубине народной войны», о русском духе, который умел постичь именно этот, исконно русского происхождения, полководец.

Я изучила русскую филологию в Кембридже и самостоятельно на русском языке написала этот рассказ – лишь в некоторых местах его выправил беллетрист Кедрин, автор романа «Волосы Самсона».

И узнала я, что в августе 1812 года деревня Царево-Займище для решающего сражения была заменена селом Бородино, и что отстранённый и униженный в своём значении Барклай, командовавший теперь правым крылом и центром, во время битвы намеренно искал смерти и что пули и картечь со свистом пролетали мимо него, не оставляя ни царапины, меж тем как под ним убито было пять лошадей. И что всюду и везде был виден его расшитый золотом мундир в орденах и лентах и огромный разноцветный плюмаж на шляпе. И что солдаты, до того

не верившие ему, приветствовали его громким «Ура!», а смертельно раненый Багратион просил прощения за участие в интригах против него. И что после боя Барклай признался императору: «26 августа не сбылось моё пламеннейшее желание: Провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

Быть может, Наполеон, почитавший честь круговой военной поруки и достойного противника, повелел оставить Барклая живым? Наполеон, оторвавшись от шахматной игры, глянул в подзорную трубу и воскликнул: «О! Да это сам Барклай-де-Толли! Разжалованный главнокомандующий! Он восхитил меня своим искусством ещё при Прейсиш-Эйлау. А в российских переделках озадачил своей тактикой». Но после слов «озадачил своей тактикой» – узлом в пункте судьбы Наполеона, когда вполне уже мог явиться ему в облаках пушечного дыма символ одинокого острова в океане, где бесславно завершит он дни свои – должен был бы он спохватиться и умолкнуть. Ибо ещё свежи были воспоминания о несостоявшихся из-за Барклая-де-Толли сражениях в России, когда безвозвратно и навсегда у корсиканца-воителя потеряна была связь с неумолимым ходом времени. Однако сей мрачный гений войны, пламенно её любивший, вполне мог с иронией произнести: «Гуманный полководец, этот Барклай! Как странно он себя ведёт? Так он – желает смерти? Так не бывать этому!»

Что-то такое в этом роде могло быть. Да, так оно и было! И Кутузову, который, согласно роману, ел во время судьбоносного сражения курицу, невозможно было вмешаться и в это стихийное событие так же, как и в разрушительную, самодовлеющую силу дубины народной войны.

В семейных архивах отыскалось ничтожно мало документов о Михаиле Барклае. Но всё же я обнаружила два старинных конверта с письмами, свидетельствами интриг зависти вокруг полководца, а также копию его письма, в котором он сообщил жене о значении его собственных действий во время сражения: «...Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита – это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни».

Это письмо, искреннее и душевное (как впрочем, и другие письма Барклая, с которыми я ознакомилась), окончательно убедило меня в невероятном искажении его трогательного, лирического образа. Открылось мне ещё, что поэт Пушкин назвал его высоко поэтическим лицом и посвятил стихотворение «Полководец», получив за это упрёк в недостаточном патриотизме, так что вынужден был даже оправдываться и писать некое «Объяснение».

Вы спрашиваете – зачем мне нужен был оригинал портрета, известный мне по репродукции с картины Доу, которая висела у меня над письменным столом? Начиталась ли книг о «живых», или оживающих портретах у Эдгара По, Генри Джеймса, Уайльда, Гоголя и таким образом стала жертвой излишней книжности? Теперь, когда я доверяю свои воспоминания бумаге, я прихожу к неизбежному выводу: какой же незрелой была я со своими взглядами, и главное – умеющая обо всём судить. И о тайнах жизни тоже. Я мечтала попасть в трудные обстоятельства, чтобы иметь удовольствие проявить подобающий героизм. Вот он – мой женский портрет: своевольная девушка с легко воспламеняющейся душой, скудным опытом, надуманными идеалами, наивными и категоричными убеждениями, с желанием всё испытать, всё познать. Летом 2010-го я отправилась в Петербург с тем, чтобы увидеть портрет. Меж тем, я отнюдь не забывала предостережение одного опытного в портретных тайнах писателя об опасности стремления проникнуть глубже поверхности портрета.

Военная галерея сразила меня обилием портретов мужчин в регалиях. Такого количества генералов, собранных в одном месте, я ещё нигде не встречала. Исключением явился портрет императора, помещавшийся над торцовым входом. Лишь императору дозволено здесь было находиться в капитанском чине на галопирующей белой лошади, подаренной ему Наполеоном в 1808 году, когда, казалось, ничто не предвещало коварного похода на Россию. То был роскошный оригинал репродукции из моего гостиничного номера и единственная работа, представленная в галерее не Доу, а берлинским придворным художником, страстным любителем и знатоком лошадей Францем Крюгером, прозванного «Pferde Krüger».

Я отнюдь не феминистка, но смутилась от такого мужского натиска и от отсутствия портрета Надежды Дуровой. Здесь торжествовали генералы, воспетые другой женщиной-поэтом: «Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса, чьи шпоры весело звенели и голоса», – похороненной в Елабуге на том же кладбище, что и Дурова, но, увы, в затерянной безымянной братской могиле.

Барклай-де-Толли был помещён среди парадных портретов в центральной части галереи. Он писан во весь рост, согласно свидетельству поэта, на фоне лагеря войск у Парижа, окружённого высотами, взятыми русскими войсками под его командованием весной 1814 года. И был он изображён с наградами за победы в заграничных походах. А также с памятной серебряной медалью участника Отечественной войны и Бородинского сражения, созданной специально для всех участни-

ков судьбоносного сражения. На всех окружавших (обрамлявших) его портретах красовалась такая же медаль на голубой Андреевской ленте на самом почётном месте: под изысканно красивым, напоминающим мальтийский, крестом Святого Георгия второй степени, полученным также за победу в Бородинском сражении.

Эту медаль я изучила раньше: всевидящее Око в середине треугольника, напоминающее масонские символы, на самом деле были христианским, и на оборотной стороне уникальной военной награды высечены были слова из Библии: «Не нам, не нам, имени Твоему». Такое же Око я заметила внутри фронтона над центральным входом Казанского собора, задуманного магистром Мальтийского ордена Павлом I, убитым при невыясненных обстоятельствах, так что даже распространился слух о молчаливом согласии сына Александра I на убийство отца. Сын же по слухам возглавлял в Греции некое общество. И совершенно не понятно было, кому, отцу или сыну, принадлежала странная символическая идея глаза.

Глаза Барклай-де-Толли, в которых я сразу увидела оскорблённое достоинство, как будто бы даже преднамеренно отведены были художником от зрителя, а в углах рта залегла скорбная складка. Без сомнения, это был один из лучших портретов галереи! Душа ли природы, или другая благая весть явились художнику и принесли ему вдохновение и прозорливость? Всё, что изобразил Доу на портрете, награды и оружие и в особенности медаль... не ордена, а серебряная медаль участника Бородинского сражения, выстраивали драму, нет – трагедию человека, ставшего жертвой толпы слепого и буйного века.

Вдруг показалось мне, что глаза полководца наблюдают за мной из-под нервно подрагивающих век, так что я даже отвернулась от портрета. Дневной свет, проникающий сквозь стёкла на крыше, казалось, оживлял всю картину и в особенности фигуру генерала, окружённого густой мглой, мерцающей таинственным светом. Живые глаза полководца конечно же померещились мне. Тем не менее, захотелось уйти от всего этого великолепного, парадного разноцветия, которое, словно завораживающие романтические полутени, вытесняли истину, так что на мгновение показалось даже, что никогда не увижу настоящего, непреломлённого в стекле дневного света. И я поспешила покинуть галерею.

Я устроилась в сквере на скамейке позади памятников у Казанского собора, в котором захоронен был Кутузов, скончавшийся вскоре по завершении высокой миссии – изгнания французов из России – в прусском городе Брунцлау, и Михаилу Богдановичу суждено было взять

Париж и получить фельдмаршальский жезл. После смерти в 1818 году прах полководца увезён был подальше от двух столиц и предан земле в местечке жены – лифляндском Бекгофе.

Надвигалась пора белых ночей, и прозрачные сумерки незаметно и ненадолго опускались на город, шпили и башни гордо вонзались в небо, и таинственной вырисовывались из полумрака очертания зданий с высокими тёмными окнами, а фигуры людей на их фоне выглядели призрачными и недолговечными. Воздух посвежел, и на землю вокруг склонившего голову Барклая легли неторопливо удлиняющиеся тени белых ночей. Тени удлинялись неторопливо, и вокруг царил покой, несмотря на приглушённый шум проспекта.

Я подошла к памятнику, приподняла голову, он, разумеется, оставался неподвижен. Мохнатая пчела – как она здесь очутилась? – с жужжанием кружилась вокруг него, потом стала путешествовать по приспущенному жезлу, знаку нерешительности полководца, представленному здесь для всеобщего обозрения сменяющихся поколений. Я наблюдала за пчелой с тем напряжённым интересом, с каким иной раз фиксируешь внимание на незначительных мелочах, когда страшно думать о главном, или, когда волнует новое непонятное чувство, или какая-нибудь ужасающая мысль вдруг пронзает мозг. Пчела вскоре улетела в сторону сквера педагогического университета. Мысль о том, что он, мой полководец, безмерно одинок именно здесь, в самом центре блистательного Петербурга, пронзила меня, и вспомнились его глаза на портрете, чрезмерной живостью чуть ли не разрушающие гармонию искусства.

Я не способна строить визуальный образ и, как правило, никакие видения не встречают меня на пороге сна, а усилием воли я могу вызвать весьма слабое изображение того, что произошло вчера. Каким образом ночью (когда страдала бессонницей, ощущая полное отрезвление, без дремоты) произошёл этот внезапный сдвиг реальности в сон, каким образом возник затем в моей комнате ОБРАЗ, я не могу сказать. Той ночью я вдруг решила не раздеваться, и легла под одеяло, свернувшись клубочком. Я не заснула, но как будто бы проснулась, включила свет и увидела Барклая-де-Толли. Полководец сидел в кресле у зеркала в плаще, накинутом на фельдмаршальский мундир, с чёрной повязкой, поддерживающей правую, раненую в битве при Прейсиш-Эйлау, руку. Он отражался в зеркале – и не один! Над затылком нависало – отражение картины над изголовьем – всадник в чёрных сапогах и белых лосинах на белом коне! Пространство комнаты, разделяющее нас, оставалось, но утратило своё господство. Мой ум был занят не мерами, а бытием и значением происходящего. Что мешает тебе, мой Барклай, уйти в небеса и обрести покой? О, тебя нужно освободить от обиды, нанесённой

императором, уступившим в трудный час России желанию толпы? И больше я ничего не помню.

Проснулась я от шума воды за окнами, выглянула в окно и обнаружила, что бессолнечный двор-колодец полон зелени, да ещё с кустами алых роз у противоположной стены, увитой плющом. Некто в косоворотке-толстовке, ещё и с пророческой седой бородой поливал из шланга травяной двор, пересекаемый дорожками из красной плитки. Зрелище цветущего двора-колодца с декоративным «а ля Толстой» поразило меня не меньше, чем, если бы я увидела деревья с лианами и висящими на них обезьянами. Яркая зелень и розы во дворе-колодце смотрелись здесь не то чтобы курьёзом, но даже издевательством над петербургской традицией, так же, как и классически трудолюбивый «Лев Толстой». Я распахнула окно и крикнула: «Лев Николаевич!», но дворник не обернулся, хотя меня можно было услышать со второго этажа. «Ах, Боже мой, Лев Николаевич, ты ничего не слушаешь», – процитировала я вдруг строчку из «Идиота». Не трудно с ума сойти поклоннику Достоевского, который, как известно, с невероятным упорством изображал петербургские дворы как замкнутые, безвыходные пространства, провоцирующие преступления. Идея превратить закрытый, застывший в мертвенной неподвижности, без единой скамеечки двор-колодец в цветник казалась изощрённой игрой ума даже и в Петербурге – городе, заявляющем о своём первородстве и диктующем поведение.

«Я вполне могу справиться с навязывающим кошмары «петербургским текстом», – постановила я с преждевременной самоуверенностью. Ибо, как только я решила, что одолею активность петербургского пространства, то сразу увидела ЭТО – на каминной доске нарядной бабочкой красовался голубой бант.

Не спешить с выводами! Ленту на камине мог оставить кто-нибудь из прежних жильцов этой комнаты. Я обнаружила моду на Георгиевскую ленту – ею даже украшали дверцы автомобилей и окна домов, но Андреевской не встречала и, возможно, это была первая с нею встреча в петербургской бытовой жизни. Я дотронулась до ленты – она была старинной выделки – и спрятала её в потайной карман сумочки. Вновь подошла к окну. Никого! «Толстовец» исчез вместе со своим «рабочим инструментом». Спустилась в вестибюль, у стойки – дама в шёлковом платье в алых розах на зелёном поле.

– У вас интересный двор.

– Да, – сказала она, – а сегодня к нам «толстовец» приходил ухаживать за ним из любви к Рахманинову, который жил в нашем доме.

– Настоящий толстовец?

– Настоящий! У нас существует настоящее, вполне законное, зарегистрированное толстовское общество.

– Это делает честь традициям, поскольку толстовцев уничтожали беспощадно.

– Так это когда было! Сейчас времена не советские! И мы с традициями – не хуже других.

– Я заметила, что некоторые окна и фасады домов украшены Георгиевской лентой.

– Мы в последнее время часто украшаемся ею. Это – наше достоинство.

– А как насчет Андреевской ленты?

– Андреевская? Зачем она?

– Да это я так, к слову пришлось.

Я отчего-то завернула за ворота педагогического университета. Старинный парк, отделённый от Казанской улицы живописной чугунной оградой, и дворец графа Разумовского с колоннадой над аркадой и барельефами навевали грусть и словно затаили в себе некое воспоминание, видение моей души. Я шла неторопливо с ощущением, будто когда-то бывала здесь и всё это видела.

Думала о работавшем во дворе не камуфляжном толстовце. И о Толстом, о его отказе от творчества в преклонные годы. «Сочинительство греховно, – объяснял он, – поскольку основано на воображении, лжи, подтасовке». Я размышляла о границах свободы творческого воображения, о праве менять реальность по своему произволу. И не могла понять, почему Толстой чуть ли не убрал Барклая из Бородинского сражения, да ещё и как антагониста Кутузова, ради какой художественной правды? Неужели и он совершил литературную провокацию, неужели ради утверждения своей идеи вмешивался в ход романа, вопреки объективности?

Я вновь поднялась по лестнице Зимнего дворца, бродила по залам. И направилась в мой зал. Подошла к портрету. Я ошеломленно взирала на медаль: она была без ленты! Под высоким красным воротом с крестом Святого Георгия произошёл сдвиг вправо, выводящий «систему» из равновесия, и отсутствие маркированного центра лишало происходящее смысла. Между тем, мундиры на портретах вокруг – все были при голубых пятнышках. Я спросила у стоящей рядом девушки, видит ли она под крестом голубую ленту? Девушка уставилась в указанное мной место и сказала: «Никакой ленты нет. Зачем вам лента?» Однако все – все герои были при лентах! Разве что Остерман-Толстой оказался

без ленты, но потому, что был в плаще, прикрывающим и другие награды из-за отсутствие левой руки, которую потерял в битве при Кульме. О, я никогда не забуду этого момента опрокинутого бытия!

Я больше не посещала галерею, а в потайном кармане сумочки некая лента всё же покоилась безмятежно и уютно, как облаканный котёнок. Вернувшись в отчий дом, я узнала, что «портретная» лента в галерее находилась на своем месте.

Я заказала медальон с портретом Барклая внутри, – миниатюрой, выполненной на фарфоре. На внешней поверхности миниатюры изображено Око в треугольнике – копия медали участника Отечественной войны и Бородинского сражения – знак моего тайного союза с полководцем. Медальон я ношу на груди на цепочке, а 27 августа, в день Бородина, прикрепляю к нему свою ленту в виде банта. Иные знакомые интересуются символами медальона и, рассчитывая на шуточный ответ, спрашивают, не принадлежу ли я, случайно, тайному обществу? Я серьёзно отвечаю, что принадлежу к обществу «Бородино». Получив такой «конкретный» ответ, молодые люди не переспрашивают. Молчат в недоумении.

Однако меня не покидают мысли о реальности происшедшего и об Александре Павловиче, прозванном Благословенным, за победы в наполеоновских войнах, вокруг которого и сегодня выются легенды, в особенности из-за внезапности его смерти. Согласно одной из них царь не умер в Таганроге в 1825 году, а под именем Фёдор Кузмич отправился пешком бродить с посохом по Руси, подвергаясь наказаниям за бродяжничество – били плетью жестоко. Побывал ли сказочный Фёдор Кузмич в Лифляндии у могилы Барклая, просил ли прощения за исторические подтасовки?

Однако некий факт, разрушающий образ «сказочного царя», не укладывается в моём сознании. Аура красивой легенды утрачивается, как только вспомню, что поэта Пушкина Александр Павлович сделал чуть ли не первой жертвой своих немногочисленных репрессий. Нити этой паутины ещё никто не распутал. Не познал ли поэт некую истину целиком, без оторванного клочка? И, страшась своего пророческого видения, затем-то и зашифровал стихи о царе, так что вначале последующего века учёным приходилось с трудом их расшифровывать: «Властитель слабый и лукавый, Плешивый щёголь, враг труда, Нечаянно пригретый славой, Над нами царствовал тогда».

Страх, что не сумею преодолеть силу сказки, чары, а стало быть, некоей великой тайны, остался во мне. Но я полна одушевления и даже задумала повесть о том, как Фёдор Кузмич всё же совершил па-

ломничество к могиле Баркляя-де-Толли. Вначале я принялась «выстраивать» повесть о том, как в конце своей жизни Лев Толстой, написавший записки о Фёдоре Кузмиче, намеревался совершить такое же паломничество – то есть к могиле Баркляя – и поэтому отправился из дому в последний необратимый путь. Однако неумолимые факты его подлинной жизни настолько грозно вставали на пути, мешая сочинять, что пришлось отказаться от литературной провокации – безумной затеи ложных показаний и произвола.

Ну, а пока что я, «частный человек», что называется «privatier», всё же оглашаю свои листки – предлагаю мою петербургскую историю читательскому суду, надеясь на понимание.

[221]

Альберт Леин

* * *

На галерах унижений
Воздух затхлый тих, несвеж,
Мы – Матросы не сражений,
Всё же с вёслами надежд.

Будто сон, просторы неба,
Палуб с близостью ветров.
Ничего, лишь ломтик хлеба –
Подаяние врагов.

Мы – невольники столетья,
Ссылок, каторги, тюрьмы,
Мы – у времени под плетью
И без солнца в трюмах тьмы.

Раб всегда не в уваженьи,
И хозяин их небрежн.
Мы – Матросы унижений,
Всё же с вёслами надежд.

* * *

Заката выкровленный пояс,
И вечер в муть упал реки,
Вползает в душу тихо поезд
Безликих страхов и тоски.

И в хляби туч холодный месяц
Нырнул, как будто водолаз.
И киснет тишина, как тесто,
И город в ней уже погряз.

И бродят призраки бессонниц
По улицам далёких снов,
И разливает темень соки
От рук земли до крыш домов.

Забылся мир от битв суетных.
И даже спят колокола
Церквей, обросших лихолетьем
Войн, притаившихся в углах.

* * *

Слово просто воспринимать,
Плохо, если в него не веришь,
Слово дал, это как тюрьма,
Слово – совести строгость меры.

Не любя, любить не хочу,
Лишь бы с кем выпивать не смею,
Самой ценной валютой чувств
Откровений купил я смелость.

Приходите, не гости вы,
Всем готов поделиться с вами,
И каратность своей любви
На общенья меняю знамя.

Если что-то не так сказал,
Или дерево я обидел,

Власти царственного туза
Принимаю в любом я виде.

Ваш подарок прощенья мне
Снисходительностью пониманья,
Заарканьте моих коней,
Если что-то таю в кармане.

[223]

Я за дружб откровенья зорь,
И пусть скажут: «Так не бывает».
Непривычности чту мозоль,
Славлю счастье, себя отдавая.

* * *

Мудрее, снисходительнее, старше,
С годами осмотрительнее став,
Сломав не в первый раз души сустав,
Мы украшаем то, что было раньше.

В наивности парчи был день вчерашний,
Всё начиналось с чистого листа.
И девочка, газету разлистав,
Твои стихи читает нараспашку.

Легенды Гедиминовой башней
С очередной тайной на устах
Плывут сиюминутностью в гостях,
Подробностей ночные сняв рубашки.

С судьбой всегда в числе ты проигравших,
И потому на взлёте лет, устав,
Ты видишь на распятии Христа
Свою мечту, уже тебе солгавшей.

Прощай, стремленья верой не погасшей,
Завистники пусть радость обсвистя,
Помогут жить, о прошлом не грустя,
Пока ещё свечою не погасшей.

* * *

На коленях тёплый плед,
Ночь плывёт в тумане белом,
Износилась, поредела
Книжка чековая лет.

[224]

Безрассудчно щедры
Все мы в юности бываем,
Чеки времени швыряем
В небытья пустые рты.

И совсем не в нашей власти
Быть желанными в гостях...
Обрываются запасы
Дней на чековых листах.

* * *

Электричек охрипли гортани,
Расставания болью гвоздят,
Лотерейным билетом свиданья
Уходящим машу поездам.

Что там видится в спешке вагонам,
В колыбельности ритмики рельс,
В разрезающем ветром батоне
Спелых звёзд, сквозь луны эдельвейс?

И кричу я мечтам уходящим,
Только виденным мной миражам:
«Поскорей, поезда, возвращайтесь
К ожиданьям надежд горожан!»

* * *

Облака густые
И ветров вражда,
Вьюги золотые
В серебре дождя.

Праздник листопада,
Осени восторг...
Небо туча гладит,
Будто лист тетради,
Что пятном промок.

* * *

[225]

Дома, как будто истуканы,
Обособлением живут,
Сентябрь, реквиemiана,
Когда грусть ближе к торжеству.

Когда мечта парит высоко,
Потери прошлые омыв,
Когда вчерашние намёки
Приобретают прочный смысл.

Когда не кажется спешащим,
Что вечности принадлежит,
Когда всё будто настоящее,
Ничто не омрачает жизнь.

Когда не кажутся побочным
Чужие боли и беда,
И верится в добро пророчеств
Без осложнений и труда.

Борис Бронштейн

КОРОТКИЙ ВЕК

Ах, как мчится поколенья век,
Как на счётах косточки летают.
За мелькнувшими кометою годами
Изумлённо наблюдает человек.

Молнией проносятся года!
Скорость их оторопело наблюдая,
Пальцы резво на руке мы зажимаем,
Но пуст кулак – промчались времена...

Вывод прост: что всем нам надо жить
Не потом – сегодня, а не завтра!
День, прожитый просто так, бездарно,
Как ни скорбно, не восстановить.
Время, убежавшее коварно,
В банк нам не удастся положить.

И узнать, куда нас приведут
После смерти – что за место будет,
С кем поселят, ряд какой дадут?
Стол и стул? Быть может, кресло ссудят?

Выбор – он лежит в пределах тесных,
И советники при этом не нужны.
Ведь заветов было только десять
На Скрижалях, что с Горы снесли.

[227]

Михаил Вайман

* * *

Когда я до предела настрадаюсь,
любви и горя чашу изопью,
в загадочных стихах, как Нострадамус,
я душу закодирую свою,

и все сомненья, радости, печали,
тщету надежд и заблуждений былъ, —
всё, прежде, чем в далёкий путь отчалить,
надёжно запечатаю в бутылъ,

и брошу за борт в бездну вод глубоких,
и долго будет этот страшный груз
покоиться средь чудищ многоногих,
безмолвных крабов, слизистых медуз.

Найдёт его рыбак в прибрежном иле,
и может быть, во тьме морских глубин
нырлящик в поисках кораллов или
восторженный, лихой гардемарин?

Кто б ни был тот, кто разгадает коды,
моих страстей распутает клубки, —
смеясь, он скажет, что в былые годы
на белом свете жили чудаки.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Мне сказала юная колдунья:
«Выслушай слова мои и взвесь.
Хочешь быть счастливым – в полнолуние
ты найди цветущий эдельвейс.

Эдельвейс – цветок высокогорный,
он не выставляет напоказ
тайну красоты своей. Упорно
прячется он от недобрых глаз.

Он даётся в руки лишь влюблённым.
Эдельвейс – загадочный цветок».
Я бродил по неприступным склонам,
поднимался, не жалея ног,

по крутым уступам к Красным камням,
к Синим камням, на гору «Седло», –
в поисках заветного цветка мне
в давние те дни не повезло.

Погодя, другие ветры дули,
норовили время обогнать.
Я забыл пророчества колдуньи,
но потом припомнил их опять...

Как-то прочитав журналов стопы,
я воспринял как благую весть
указанье, что по гороскопу
ты и есть цветущий эдельвейс.

Нет, не зря искал я так упорно
эдельвейс в горах, и неспроста
свежестью лугов высокогорных
дышат юные твои уста.

* * *

Летят по небу клином журавли,
им нипочём земное притяженье.
Я с юных лет, не веря в поражение,
боролся с притяжением земли.

Куда-то ввысь меня мечты влекли.
От тяжких пут стремясь освободиться,
я падал, как подстреленная птица,
и становился вновь на костыли.

Казалось бы, уже решён вопрос,
давно я дожил до седых волос.
Теперь земли холодные объятья

уж так близки и недалёк исход.
Зачем же я – безумный Дон-Кихот,
не прекращаю прежние занятия?

ОСЕНЬ

Унылое, сырое время года;
туман окутал рощу, небеса.
В моей душе ненастная погода,
а на глазах – холодная роса.

В саду не слышек звонкий щебет пташек,
ресницы чуть дишь приподнял рассвет.
Срывает ветер лепестки с ромашек,
будто гадает, любит или нет.

В жасмине приуныли красногрудки,
курлыча, улетели журавли.
В моей душе увяли незабудки,
цветы надежд ещё не расцвели.

[229]

Д и П / 2018

Михаил Вайман

* * *

«Ах. ножки, ножки, где вы ныне?»

А.С. Пушкин

Ваши ножки прекрасны, Светлана,
чародей их, наверно, ваял,
Чтоб о них вспоминал непрестанно
тот, кто их хоть на миг увидал.

Для меня каждый шаг ваших ножек
обращает ход времени вспять;
становлюсь я при этом моложе
лет на двадцать иль на двадцать пять.

Не дразнили б меня ваши ножки
так тревожно, волнуяще так,
если б вы хоть надели сапожки,
или смыли с ногтей алый лак.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Мы с Леськой много лет дружили,
спокойно наши дни текли,
без распрей жили – не тужили,
друг другу нервы берегли.

Её ласкал я на досуге,
оберегал от бед. Я ей
порой оказывал услуги
в её охоте на мышей.

С ней, впрочем, всякое бывало:
съедала ль чью-то колбасу,
или к Вулкану ревновала
меня, – к любимому мной псу.

Потом, когда меня не стало,
меня умчали ветры вдаль,
она ужасно тосковала,
терзала душу ей печаль.

Упёршись носом в подоконник,
неистово скорбя, тужа,
она лежала, как покойник,
с восьмого глядя этажа.

Мне сообщили не без стога, –
звонивший говорил навзрыд, –
что Леська сорвалась с балкона...
Я понял: это суецид.

[231]

Игорь Коган

Посмертная
публикация

Послание самому себе на собственную дату рождения

Тридцать шесть – и всё пустое место...
Тридцать шесть – всё в жизни пронеслось...
Тридцать шесть – пропащее наследство...
Ничего нажать не удалось...

Образован. Умный. Элегантный –
Жалкий и безвольный пустоцвет...
До сих пор – чуть теплятся таланты,
Только вот таланта больше нет...

Серая, озябшая могила
Вместо глаз, заполненных мечтой.
Твой Пегас – угрюмая кобыла,
Раз в году приходит на постой...

Оптимист в коротеньких штанишках,
Ты всё ждал – успеешь, полетишь...
Вместо жизни закопался в книжках,
И на них, как в тёплой люльке спишь...

Весь чужими мыслями согретый
Ты живёшь на свете, словно вор...
Нет тебе житья на этом свете –
Вот мой беспощадный приговор.

Впрочем – не печалься. Бог с тобою.
Ты другой дорогою пошёл...
Если твой Пегас ни в зуб ногой,
Ты в другой стезе себя нашёл...

Кабинет, вертушка, секретарша –
Кворум подчинённых и гостей...
Завертелась жизнь в ритме марша
Под весёлый хруст твоих костей.

[233]

Дон-Кихот плешивый – сивый мерин,
Поздно закусивший удила.
Как ты глуп – ты всё ещё уверен
Что твоя минута не пришла?

Нет – она была...
Она сидела десять лет назад перед тобой.
И в глаза любовницей глядела –
«Руку протяни – и будешь мой!»

Но паскуда совесть – злая тётка,
Стала между вами как скала...
И слова твои застряли в глотке...
И удача встала и ушла...

Ты был горд своим поступком смелым
И зажил на свете не таясь,
А твоя удача – между делом... походя...
Другому отдалась...

Славен муж, который сделал дело,
Даже если совесть нечиста...
Ты же – как нетронутая дева...
Всё сидишь, баюкая Христа...

Что ж – живи, как знаешь, как умеешь...
Как рождён – ведь душу не убьёшь...
Ты и в семьдесят-то пятый день рожденья
В старческом маразме пропоёшь...

Семьдесят пять – и всё пустое место...
Семьдесят пять – всё в жизни пронеслось...
Семьдесят пять – протухшее наследство...
Ничего нажать не удалось...

МОЛИТВА

[234]

Д и П / 2018

Пять утра.

Небо такое спокойное, глубокое и чистое, что если очень постараться можно увидеть Бога...

Господи, хорошо бы стать небом и твоим домом – такой тихой, родниковой бездной...

И живут во мне облака, и летают во мне самолёты, и птицы переливаются журчащими трелями...

Господи, почему ты не создал меня небом, деревом, травой, птицей, кошкой, или собакой?

Почему я не могу петь или хотя бы чирикать?

Почему я не могу спокойно расти и зеленеть?

Почему я не могу, сгорая от любви и преданности, лизать руки хозяина?

Или, мурлыкая, свернуться калачиком у его ног?

Зачем ты создал меня человеком?

Ну что плохого я тебе сделал?

За что ты меня так наказал?

Почему я должен прятаться, притворяться, говорить не то, что я думаю и думать не то, что я говорю?

Почему я должен вести себя так, как хотят этого другие и говорить, только то что хотят от меня услышать?

Чтобы жить легче и лучше?

Но ведь это надо уметь!!!

Уметь видеть людей насквозь...

А я не умею...

Слышал, небось, какую про тебя байку сочинили?

«Чего Бог не дал, того в аптеке не купишь».

И ещё...

Поэзия и проза

«Хорошо, что бодливой корове Бог рог не даёт».

Не дал ты мне, Господи, ни мудрости, ни рогов.
Хотя, быть может, насчёт рогов я сильно ошибаюсь.
Может они и есть, кто знает...
Но ежели и есть, то не твоя это, Господи, заслуга.
Не ты мне их, Господи, наставил.
Да и рога то не те... так, одна декорация... ими не забодаешь...

[235]

Даже завистью Ты меня не наградил...
Злобной такой завистью – чтоб ночами не спать, мучиться...
«У него есть, а у меня нет...
Вот скотина!
Да что б он издох!
Да что он – чтоб и детям его...
Да чтоб им всем из рода в род...
Да чтоб бабе евойной век целый носить, не сносить...
Господи!
Да что ж ему, паскуде, сделать такого, что б он по миру пошёл...
Умный, подлюга – не тронешь, не обнимешь, не предашь...
Заказать его, что ли?..
Сейчас, говорят, сто евро дашь в зубы – и замочить могут»...

Господи!
Я тебе не надоел?
Ты от меня не устал?
А я от тебя?
Как ты думаешь?..

2008 г.

У НЕГО БЫЛИ МАМИНЫ ГЛАЗА

У него были мамыны глаза...
А в глазах стояла бездонная, в несколько тысячелетий глубины, отцовская грусть.
Он был убит во время тишины, когда стоял, запрокинув голову и, щурясь от яркого солнца, считал мелкие облака...
Смерти он не узнал и не заметил...
Он закрыл глаза и медленно опустился на колени...

Затем также медленно лёг на бок и положил ладони под голову – так он обычно спал.

Потом перевернулся на спину, раскинул руки и открыл глаза.

Солнце позолотило ему зрачки.

Потемневшее небо оплакало его и прогремело в честь него несколько раз...

[236]

...Потом из ближней рощи вышел другой солдат, держа в руках винтовку с оптическим прицелом.

Он подошёл к своей жертве, склонился и долго, пристально всматривался, недоумевая и не веря...

В глазах этого почти мальчика светилось такое живое восхищение, такое полное, такое настоящее счастье...

...У снайпера перехватило дыхание.

Он отбросил винтовку и начал хлестать себя по лицу, издавая рычащие, клокочущие звуки...

Неподалёку разорвался шальной снаряд.

Снайпер вздрогнул и медленно опустился на колени, удивлённо разглядывая своё разорванное тело, из которого сильными толчками хлестала смерть.

Потом всё расплылось перед его глазами, и он упал, уткнувшись лицом в ладонь убитого им солдата.

1976 г.

[237]

Д и П / 2018

Лубицистика . Менцары . Эссе

Яков Бердичевский

НАРОД КНИГИ

*Заметки
о еврейском экслибрисе*

Для народа Библии и Десяти заповедей, с древнейшими устойчивыми культурно-историческими традициями, формула «национальной формы и социалистического содержания» по самому своему определению неизбежно должна была привести к полному духовному обнищанию и нравственному опустошению.

В экслибрисе, одном из немногих достоверных и подлинных документов культуры народа, как в зеркале, отразились жуткие вехи этой немыслимой, порой чуть припудренной крикливыми лозунгами, партийно-государственной политики бездарно-закамуфлированного геноцида.

Желание закрепить право собственности владельческим знаком на самых дорогих и близких душе предметах возникает в глубокой древности. А что может быть дороже и ближе книги – доброго, преданного друга, неизменного советчика, постоянного спутника непрекращающейся, бесконечной эстафеты поколений?

Экслибрис (книжный знак) впервые появился на родине книгопечатания, в Германии в 1480 году, спустя двадцать лет после выхода первой печатной книги (Страсбург, 1440) и через пять лет после издания Иоганном Гутенбергом знаменитой 42-строчной Библии (1452 – 1455).

Появление же первого экслибриса, кото-

[239]

рый по праву должен быть отнесён к памятникам еврейской культуры, датируется 1503 годом. Он награвирован великим художником немецкого Возрождения Альбрехтом Дюрером для учёного и библиофила Виллибальда Пиркхаймера, чья библиотека – одна из крупных в Европе – насчитывала около четырёх тысяч томов. Этот экслибрис – геральдический – снабжён афоризмом «Начало премудрости – страх Божий» на трёх, к тому времени ставших классическими, языках – еврейском, греческом и латинском.

Обращение к еврейскому языку на экслибрисах XVI – XVII веков (да и позднее) можно считать традиционным. Экслибрисы на книгах российско-еврейских библиотек появляются в XVIII – XIX веках.

Мы располагаем достоверной информацией о библиотеках евреев – приближённых Петра I – вице-канцлера П. Шафирово, первого полицмейстера Петербурга А. Девиера, почтдиректора барона Ф. Аша, камердинера царя П. Вульфа, придворного шута Яна Дакосты и др.

Гинцбургом, предпринимателем, банкиром, филантропом, прямым потомком баварского цадика и талмудиста Симона бен Элиезера, принявшего фамилию Гинцбург-Ульм.

Генеральной линией ОПЕ была издательская деятельность, открывшаяся в 1866 году «Сборником статей по еврейской истории и литературе» и завершившаяся в 1928 году сборником «Еврейский вестник».

Многие из старых частных библиотек евреев, да и современных, не обошлись без книжного знака. Нередко у владельцев имеются экслибрисы для каждого раздела его библиотеки. Часто экслибрисы были оплачены художникам, иные же преподносились в дар, в знак глубокого уважения к личности и составу библиотеки владельца. В основном, экслибрисы выполнены профессиональными мастерами. Но попадают и работы любителей, однако, и они исполнены с большой любовью к книге как к памятнику материальной и духовной культуры. Мы представляем здесь, на страницах альманаха, небольшую подборку экслибрисов.

Еврейский экслибрис – это один из знаковых разделов в истории культуры, этноса и истории еврейства.

Мною выпущена монография «Народ книги», выдержавшая три издания. В ней дан подробнейший разбор экслибрисов и их владельцев. Остаётся разделить утешение Цицерона «Ego plus quam feci, facere non possum» («Больше, чем сделал, сделать не могу») из «Послания», XI, 14.

Мина
Полянская

**ДРУГИЕ И
ДОВЛАТОВ**

*Из цикла
воспоминаний*

*«Эх! Эх!
Придёт ли времечко,
Когда (приди, желанное!)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого
Белинского и Гоголя
С базара понесёт?»*

Н.А. Некрасов

В гостях у Валентина Пикуля. Пятидесятые годы.

До четвёртого этажа следовало подниматься по главной лестнице, затем перемахнуть (во как!) через окно, соединяющее парадный и чёрный ход, а дальше – подниматься по чёрному ходу ещё выше, чтобы достичь, наконец, желанной чердачной квартиры. Этот сказочный подъём запомнился в подробностях Боре Антипову. Ну как такое путешествие в квартиру не запомнить?

Мама моего мужа Бориса Антипова, красавица Галина Павловна Антипова, урождённая Соловьёва, питомица театрального и педагогического институтов, в начале пятидесятых годов была гражданской женой Валентина Пикуля в пору написания его лучшего произведения – романа «Океанский патруль». Она помогала Валентину Саввичу материально, поскольку, в отличие от писателя, получала зарплату (как постоянный начальник пионерского лагеря Кировского завода), в то время, когда в течение многих лет Валентин Саввич писал объёмный роман, мечтая о будущем гонораре. Борис ревновал маму, устраивал сцены, когда она жила на Красноармейской у писателя, оставляя его с бабушкой и дедушкой на улице Марата.

Дед Бориса Павел Васильевич Соловьёв – бывший офицер лейб-гвардии Финляндского полка, воевавший в Первую мировую, интересовал Валентина Саввича. Он приходил на Марата в восьмиметровую комнату послушать деда, а потом на карточках записывал его рассказы о войнах – мировой и гражданской. Павел Васильевич видел царя, когда тот приезжал к войскам, и был, надо сказать, разочарован его внешним видом: «Разве ж это царь? Его соплём перешибить можно! Вот наш полковник – это да!» Лейб гвардии Финляндского пол-

ка (он любил это подчёркивать) Соловьёва, золотопогонника, дважды расстреливали большевики. В первый раз его «отмазывали» солдаты, которые заявили расстрельщикам, что «Соловьёв солдат по мордам не бил». А во второй раз, это уже при подавлении Ярославского мятежа, матрос, руководивший опять расстрельной командой, узнал Соловьёва, ожидавшего смертной казни у стены (к стенке поставили) с другими несчастными белогвардейцами, крикнул: «Этого я уже расстреливал! Его – отпустить!».

Пикуль, по его собственному признанию, использовал рассказы Павла Соловьёва в своих романах, а спустя много лет Борис встретил успешного тогда писателя, проживавшего уже в Риге, у Александрийского театра, и тот сказал ему: «Ты напоминал мне в детстве Павла Первого, я поместил тебя в один свой роман». Борис, надо сказать, до сих пор не знает, в какой роман.

Запомнил десятилетний Боря, кроме лестницы, ещё и чердачную квартиру на Четвёртой Красноармейской 16, состоявшую из сорокаметровой кухни (были ещё и две крохотные комнатки для мамы писателя и для него самого) с открытой ванной у стены и туалетом, слегка прикрытым занавеской. Там же стоял рабочий верстак романиста, любившего создавать поделки из кости, эбонита и дерева. Кусок кости Борис выпросил, а Пикуль ещё и предупредил, что запах при распиливании будет, как у покойника. Я отвлекаюсь на эти интересные петербургские приметы времени и писательские причуды, но постараюсь перейти к делу.

Сергей Довлатов вспоминал: «Мама моя Валю подкармливала (тот бедствовал, голодал, плохо питался), привечала, и т.д., и т.п. А когда тот «раскрутился», начал печататься и хорошо зарабатывать, на очередной зазыв-приглашение ответил: «Вас, ... имя, отчество ... (армянка!) я очень уважаю, но ваш муж – еврей, а я недолголюбиваю евреев».

Итак, был чей-то день рождения. За столом сидели писатели, и Борис запомнил только Виктора Конецкого и толстого мальчику с женщиной (это, вероятно, была армянская мама Довлатова). Впрочем, Борису, как он рассказывает о себе, пацану, тонкому, как шнурок, многие тогда казались толстыми. Между тем, его во время застолья ВСЕ наставляли: «Смотри, какой хороший мальчик Серёжа! Он почти твой ровесник, читает газеты, а ты нет!» Почему-то присутствующие поучали «пацана», повторяя, что Серёжа, читающий газеты, всё знает, а Боря ничего не знает. У власти стоял упитанный Никита Сергеевич Хрущёв, и в сознании двенадцатилетнего подростка упитанный четырёхдесятителный Сережа, читающий официальную периодику, и властитель (властитель печати тоже) вдруг слились в единое целое. Вот такой озорной пово-

рот! Но каким же образом из мальчика, регулярно и охотно читающего советские газеты, образовался представитель интеллигенции – скептик? Видно, достали его, наконец, лживые газеты про удои, кукурузу и капрон!

Антипова Галина Павловна.

[244]

И кто же на самом деле помогал материально и духовно романтисту – мама Сергея Довлатова, которую прогнал антисемит (антисемитом Пикуль был на самом деле и не скрывал этого своего неприличия) или мама Бориса Антипова? Довлатов «сделал» свою художественную правду? Возможны ли литературные придумки для утверждения своих идей и чувств? Возможны!

Наша семья много путешествовала, прежде, чем найти своё пристанище, много реликвий, памятных вещей растеряла в пути, но почему-то сохранилась старая книга с дарственной надписью замысловатым почерком Валентина Саввича Галине Павловне на первом издании «Океанского патруля» 1958 года. Запись на мой женский взгляд мужчины эгоиста, влюблённого в себя, но не сумевшего или не посмевшего до конца скрыть свои чувства и угрызения совести по отношению к женщине, которая не меньше Сниткиной помогала создавать его лучшую книгу, выше которой он никогда не поднимется: «Галочке Антиповой – хорошему и честному человеку, которому я очень за многое благодарен, – спасибо, мой дружок, ласковый и добрый, – всегда твой. В. Пикуль и автор этой книги 12.02.58 (подпись)».

Пушкинский заповедник. Середина семидесятых.

ГЭБ! Так грозно называли Ленинградское городское бюро экскурсий на набережной Красного флота 56, ныне Английской набережной. Уникальное пристанище искусствоведов, историков и литераторов мигом развалилось в начале перестройки. Ещё живы коллеги, ожидающие, что объявится бывший «ГЭБовец» и напишет о нём книгу. Впрочем, одна книга уже есть: «Роман с ГЭБом» Ирины Елиной.

По окончании филологического факультета я ещё год училась на курсах «Пушкин в Петербурге», а затем шестнадцать лет трудилась в литературной секции ГЭБа, где у меня было разработано шестнадцать литературных тем. Двухдневная экскурсия «Пушкинские горы» с ночёвкой на влажных простынях была самой трудной, но оплачивалась хорошо: двадцать пять рублей. Четыреста километров – это много для

поездки в душном, набитом людьми, львовском автобусе по плохой дороге. А следовало говорить о дорогах пушкинского времени: *«теперь у нас дороги плохи, мосты забытые гниют»*, не пропустить домик Станционного смотрителя, читать дорожные стихи Пушкина, отшельнические, печальные, блистательные: *«на большой мне, зная, дороге умереть Господь судил»*.

На 80-м километре над рекой Оредеж возникало видение, дом-призрак, пустой, мистический. На фронтоне замка в одном старом романе была надпись: «Я не принадлежу никому и принадлежу всем. Вы бывали там прежде, чем вошли, и останетесь после того, как уйдете». Набоков надеялся, что когда-нибудь «на заграничных подошвах и давно сбитых каблуках, чувствуя себя привидением», по знакомой дороге подойдёт к своему дому: «Часто думаю, вот съезжу туда с подложным паспортом под фамилией Никербокер». О, я никогда не забуду этого момента опрокинутого бытия, когда о Владимире Набокове следовало молчать, чтобы не получить неприятностей не от ГЭБа, а от КГБ. Среди экскурсантов мог оказаться чёрный рецензент!

Дом и усадьба Пушкиных в Михайловском, Тригорское, где жили друзья Александра Сергеевича, и Святогорский монастырь, у стен которого похоронен поэт – это пушкинский заповедник, о котором и повествует знаменитый нынче довлатовский «Заповедник». Внештатный экскурсовод Сергей Довлатов в 1977 году снимал недалеко от заповедника комнату в тот самый период, когда меня «заставляли» ездить в «Пушкинские горы» два раза в неделю, а моему сыну было 8 лет. Сергей дружил с моей коллегой Татьяной Ашкенадзе-Пановой-Чистяковой, ближайшей моей соседкой по Васильевскому острову: я жила на 14-й Линии, она – на соседней. Симпатичная Панова с неожиданной рыжеватой косой через плечо и с фигурой Мэрилин Монро – я не преувеличиваю – была деликатным добрым человеком. Я очень любила Татьяну (она умерла, и на могильном камне высечено: Чистякова), готовую прийти на помощь всегда в самых экстремальных ситуациях. «Пушкинские горы» она вела грамотно и с глубоким пониманием литературной топографии. Дружба Довлатова с Татьяной была, насколько мне известно, платонической. Она от этой дружбы всё больше уставала из-за чрезмерных алкогольных возлияний и всё больше уклонялась от пушкиногорских вечеров с Довлатовым. Кстати, я случайно узнала, что бывший директор Тригорского Галина Фёдоровна Симакина, создавшая «в те годы дальние глухие» единственный «небутафорский» музей – усадьбу Тригорское, два года тому назад вернулась, слава Богу, в Пушкинские горы. Мне казалось, что она уехала из заповедника в начале перестройки навсегда. В «Заповеднике» Татьяны Пановой и

Галины Симакиной нет, как нет и той женщины, в которую Довлатов потом откровенно влюбился. Впрочем, я могу гиперболизировать не свою, а чужую любовь. Факт: я не увидела её в повести, где другие персонажи названы подлинными именами. Я тоже в своих воспоминаниях иногда кое-что лукаво упускаю, и сейчас не всё, что сохранила моя память, изложу.

А влюблён был Сергей Донатович в другую мою коллегу Наташу Антонову, нордическую блондинку с синими глазами. Наташа, моя коллега в литературной секции ГЭБа – красавица, достойно и с пониманием относилась к своей красоте. Довлатов написал стихотворение-жалобу директору ГЭБа Марине Германовне Чарной о невозможности допускать такую красавицу в ГЭБ (а её и в самом деле потом пригласили на телевидение, не из-за Довлатова, а из-за редкостной, торжествующей красоты).

Наталья Антонова на ленинградском телевидении.

Директор, получив по почте «жалобу», вызвала Наташу в кабинет и спросила: «ЧТО ЭТО ТАКОЕ?» Мы читали стихотворение и хохотали до изнеможения. Там говорилось, что он – автор жалобы, всего-всякого в жизни повидал, и даже, бедняга, руку Кочетову жал. А вот такого чуда, как Наташа никогда не встречал. Вот, надо же, вспомнила вдруг и подпись под жалобой: «Смогулия!» Больше – не помню. Наташа говорила, что знакомство с Довлатовым было для неё культурным шоком из-за потрясающих его диссидентских, подпольных рассказов. Могу себе представить, как интересны были устные новеллы о самиздате на петербургских встречах с современниками-коллегами по этой цитате Якова Гордина: «В самом центре был такой сгусток адресов, если можно так выразиться. На расстоянии считанных минут друг от друга жили на улице Рубинштейна Рейн и Довлатов. Совсем недалеко, на улице Правды – Толя Найман. Буквально за углом, на Разъезжей – талантливый прозаик Игорь Ефимов, на дни рождения которого собиралась большая компания: те же Довлатов и Рейн, Бродский и Найман, Попов и Кушнер.

На Рубинштейна, например, того обилия баров и магазинов, что нынче, в помине не было. Но отчасти это искупалось комнатой Рейна в маленькой коммуналке, где собирались не худшие люди. Или величественными прогулками огромного Довлатова с собачкой. Исчезла куда-то Наташа, никто из моих бывших коллег не знает, где она, солнышко телевидения, как её называли. Где ты, Наташа? Вспомни наше

прекрасное путешествие всем литературным коллективом в Карпатах! Отзовись!

Довлатов и в самом деле читал стихи Есенина вместо Пушкина: «Ты жива ещё моя старушка...», а публика подмены не замечала. Однажды за его спиной возник директор заповедника Семён Степанович Гейченко, которого мы панически боялись, прослушал изумлённо, спросил у приближённых: «Кто такой? Что он несёт?» «Убрать?» – спросила дама в шелках В. Зажурило – автор одной из бесчисленных книг о пушкинском Петербурге, жена литературоведа Мануйлова. Гейченко ответил не сразу, а подумавши: «Нет, пусть остаётся, что-то в нём есть». Талантливый человек, безусловный эстет, аристократ духа, Семён Степанович Гейченко учуял другого человека искусства, меж тем как писателя Довлатова тогда никто не знал, поскольку в России его не публиковали. А в Нью-Йорке Довлатов время от времени издавался, а последние три книги были опубликованы за деньги автора в издательстве «Слово/Word» у Ларисы Шенкер, о чём я знаю от самой издательницы, ныне покойной, которая ещё подчёркивала, что мою книгу о Горенштейне она издала бесплатно в порядке исключения (бесплатно она издавала только Битова и Горенштейна), за что я должна быть ей благодарна. Я чту память Ларисы Шенкер, «фаната Горенштейна», как её называли, тем более, что умерла эта яркая женщина при трагических обстоятельствах.

Вернусь к легендарному Пушкинскому заповеднику, который Довлатов справедливо изобразил авторитарным и фальшивым, и к последней личной встрече с Довлатовым. Однажды Зажурило выгнала меня (из-за многословия выгоняли многих) с группой экскурсантов из зала, где находилась экспозиция лицейских друзей Пушкина. Я рассказывала не без пафоса об Александре Горчакове, будущем и последнем канцлере России, посетившем опального поэта с риском для карьеры. «*Но невзначай просёлочной дорогой мы встретились и братски обнялись*». Схватила меня дама за плечи и сказала: «О блестящей карьере Горчакова вы расскажете в следующий раз!» Мои экскурсанты возмутились: «Как вы смеете так обращаться с нашим экскурсоводом!» Дама затем встретилась нам во дворе. Почему-то она прогоняла петуха. И кто-то из моей группы закричал: «А вот петуха вы не имеете право прогонять. Он мемориальный».

А с мемориальными экспонатами было совсем плохо. В основном это были вещи пушкинского времени, но к Пушкину отношения не имеющие, ну, как бильярд, на котором Пушкин (Онегин) «*в два шара играет с самого утра*», был и вовсе современный. Как справедливо писал Иосиф Бродский в 2009 году в книге «Пушкинский запо-

ведник», «практически ничего подлинного в тех местах и не сохранилось – только природа, деревья, да и то далеко не все. Все дома, в которых сейчас развёрнуты музейные экспозиции, перестраивались и уже неоднократно. Аллеи пересаживались, вещи подбирались, пруды выкапывались. Не так уж многое сохранилось, из рукотворного – и вовсе самая малость».

Семён Степанович Гейченко обставил застеклённую веранду своего особняка, мимо которого нельзя было не пройти, таков был экскурсионный маршрут, подлинными старинными самоварами (он умер в 1994 году, оставив на произвол судьбы своё осиротевшее драгоценное детище – заповедник).

В следующий свой приезд я утром, перед экскурсией (Тригорское, Михайловское, Святогорский монастырь), встретила огромного Довлатова, которому я, к тому же ещё и худенькая, была чуть ли не по пояс, с Наташей Антоновой и сказала им, что боюсь дамы. Довлатов хоть и шутивно, но жалел меня совершенно искренне, и говорил: «Вот я её побью!»

Довлатов вместо Горенштейна. Середина девяностых.

О скандале «Довлатов вместо Горенштейна» я сообщила ещё в 2003 году в книге «Я – писатель незаконный...»¹

Настоящая российская слава Сергея Довлатова стартовала спустя пять лет после его смерти с трёхтомника: «Сергей Довлатов. Собрание прозы в трёх томах, иллюстрации Александра Флоренского, 3 тома. Лимбус-пресс, СПб, 1995». Трёхтомник был издан вместо двухтомника моего берлинского друга – писателя Фридриха Горенштейна, который был уже готов к печати. Сейчас это моё заявление о Довлатове, «раскрученном» до чрезвычайности, может показаться парадоксальным. Но я – живой свидетель скандалов с Лимбус-Прессом и метаний Фридриха Наумовича Горенштейна по квартире в отчаянии так, что сердце разрывалось от жалости.

Таким образом, ушедший из жизни в девяностом году корректный в писательских делах Довлатов, безусловно соблюдавший цветаевскую «круговую поруку ремесла», не допуская выдвигания одного писателя за счёт другого, сделался нечаянным виновником очередной писательской неудачи одного из крупнейших прозаиков второй половины двадцатого века Фридриха Горенштейна. И вот уж кто не желал зла Горенштейну – так это Довлатов (моё заявление не касается ленинградских его собутыльников Наймана и Рейна, которые, кстати,

и Довлатову не помогали, а Анатолий Найман создал на Высших сценарных курсах такую конфликтную ситуацию, что Горенштейна исключили с курсов).

После того, как в Москве в издательстве «Слово» в 1992 г. вышел трёхтомник Горенштейна, книги его в России не издавались. Причём, строго противоположно логике рынка. Трёхтомник разошёлся сразу. Но в России, видимо, даже «книгопродавцы» немного поэты – живут не хлебом единым, но идеей, мнением, слухом, авторитетом. У российских издателей сложилось мнение: Горенштейн – писатель «некассовый». «Некассовый» – таков был сомнительный комплимент критики.

Дальновидный издатель петербургского издательства «Лимбус-Пресс» уверял, что если издаст роман «Место», то непременно прогорит. Он прервал с Горенштейном контракт, пожертвовав пятьюстами долларами, которые заплатил в качестве аванса. Горенштейн написал издателю письмо:

«Уважаемый, господин Тублин! («уважаемый» приписали мы, высылавшие факс). Прошу вернуть рукописи моего двухтомника, которые Вы, продержав два года, так и не издали, поступив по отношению к моей книге, мягко говоря, неприлично. В тот же период Вы издали тонны Довлатова и прочего. Но, мало того, Вы ещё и не вернули тексты! Прошу выслать их по адресу...»

Тексты тогда присылались по почте, и претензия Горенштейна была серьёзной: где мой текст? Верните текст романа «Место», который некогда на папиросной бумаге контрабандой Андрей Кончаловский переправлял ему через границу.

Известный петербургский прозаик, издающийся в строгих чёрных переплётках в издательстве «Лимбус-Пресс» в серии «Мастер» (это слово высечено на золотом поле), уверял меня, что беседовал с издателем по поводу Горенштейна, но тот, как замороженный кем-то, твердил: если издам, то не продам. Я с изумлением слушала писателя, чья проза не то что массовому, но и «узкому» читателю не по зубам. И, надо же, издают... Говорю здесь не о качестве произведений, а о широте и, соответственно, покупательной способности целевой группы. Если уж говорить о чисто «конъюнктурной» стороне дела, такой неважной стороне в мире жаждущих, то книги Горенштейна – вполне рыночный «товар», что и подтвердил книжный рынок 2010-х годов. Проза Фридриха Наумовича в эпоху книжного безвременья и заметно го спада русского литературоцентризма, всё же интересует читателя.

Горенштейн пытался объяснить неприятие своих книг в российских издательствах, не пускающих его к читателю, и говорил, что случайности здесь нет – всё закономерно. Нынешние писатели, которых

он иногда ещё называл «наши писатели», и издатели принадлежат к общей субкультуре. Как бы остры ни были у них разногласия, трения, конкурентная борьба – они могут сосуществовать, поскольку книги, мировоззрения их, даже будучи разными, друг другу не мешают. Тогда как культура, к которой принадлежит Горенштейн, прекратила своё существование в тридцатые годы, поэтому книги его мешают «нашим писателям».

Он противопоставлял себя шестидесятникам, а заодно и Довлатову, который был скептиком – семидесятником. Довлатов – тоже не советский писатель, не шестидесятник и уж конечно не постмодернист. Профессор МГУ, писатель Владимир Новиков, на редкость миролюбивый и дружественный литературный исследователь, так объясняет явление Довлатова, творчество которого Горенштейн назвал попросту «капустником»: «Довлатовское остроумие стратегически нацелено на преодоление пропасти между «высоким» и «низким», на выработку того «среднего штиля» (то есть сдержанно-достойного, уравновешенного, коммуникативно-ясного, демократичного, соотнесённого с жизненной реальностью во всём её объективном объёме информационно-повествовательного дискурса), создание которого является самой насущной проблемой современной литературной культуры. Общий пафос этой художественной стратегии можно обозначить следующим остроумно-серьёзным афоризмом Сергея Довлатова: «Гений – это бессмертный вариант простого человека» («Записные книжки»).²

Ну, что ж, поживём – увидим, кто есть кто. Или же не доживём, и такое бывает. Между тем, ещё Алексей Константинович Толстой, как всегда остроумно, заметил:

*«Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати,
Знать не может председатель
Комитета о печати».*

А мы, смертные, можем только гадать: как там, на Олимпе, относится к своему бурному возвращению в Россию эмигрант Сергей Довлатов, получивший полное и безусловное признание (его творчество изучают в школе, установлены ему монументы, памятные доски, названы его именем улицы). Может, и не очень доволен, может и среагировал бы на сей ажиотаж вокруг себя так: «Ребята, да что же вы такой шум устроили. Прекратите сейчас же!» А что до эмигранта Фридриха Горенштейна, то он точно заботился только о прижизненной славе. «Мне нужно сейчас, а не потом», – говорил он. И утешеньем служит

мне надежда: в иных мирах для лучших из лучших всё же есть «литературный» уголок, где все равны перед законами искусства. Его узрел в своих видениях флорентиец Данте. Это – «novile castello», благородный Лимб, где продолжается Дискуссия о сущности истинного искусства, которой не будет конца.

[251]

---

¹ Мина Полянская. «Я – писатель незаконный...» Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна. Слово/ Word, New York, 2003.

² Владимир Новиков. «Астроумие. Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба». Сост. А. Ю. Арьев. СПб., «Звезда», 1999.

Д и П / 2018

Мина Полянская

Борис
Э. Альтшулер

О МИНОЕ И МИНОЙЦАХ

1. О Мinoе

Полёт самолёта авиакомпании Air Berlin по маршруту Берлин-Тегель – Ираклион (столица Крита) продолжался три часа. Наступила осень, конец сентября. Крит встретил нас дождём, раскатами грома и температурой выше 30° С. По дороге в отель за окном автобуса мелькали молнии, словно рассыпаемые Зевсом-громовержцем, и падали островные камни. К вечеру погода исправилась. Довольно высокая температура воды вызывает напряжение в атмосфере, которое заканчивается сменой погоды на острове.

Остров Крит – это камни, камни и снова камни, среди которых притаились оливковые рощицы, и города вроде Ираклиона и Херсониссо-са. В Ираклионе в период венецианского господства родился великий Эль Греко.

Крит – самый большой среди 6000 островов Греческого архипелага в Эгейском море. В узкой приморской полосе среди скалистых берегов расположились культивированные пляжи и променады, рестораны и спортивные клубы. Повсюду дома с плоскими крышами, которые напоминают архитектуру арабских деревень в Израиле, где крыша дома соседа служит верандой. Здесь – это дань традиции древней минойской культуре, в которой выдержано большинство строений.

На следующий день, арендовав автомобиль, мы поехали в Кносс/Кноссос, расположенный в 5 км к югу от Ираклиона. На холме, на месте *древнейшего поселения на Крите*, археологи раскопали *один из первых городов Европы* с дворцом легендарного минойского царя, имя которого стало нарицательным для этой древней культуры. *Именно здесь зародилась величайшая Минойская цивилизация, принесённая на остров нашими далёкими предками, колонистами-ханаанцами, позже*

семитскими «народами моря» с территорий сегодняшнего Израиля и Малой Азии. В литературе указывается, что уже в глубокой древности между Ханааном¹ и Критом существовали тесные связи. Недаром в Торе говорится о «Галилее языческой» (Ис. 9:1,2).

Главный труд Мартина Берналя² – английского лингвиста и сиолога был опубликован в трёх томах в период с 1987 по 2006 гг. В нём автор развивает гипотезу о том, что культура и цивилизация Древней Греции и иных древних культур были получены от финикийцев и египтян. Он попытался продемонстрировать эти культурные влияния на лингвистическом уровне. Так он рассматривал происхождение западной цивилизации в Азии и Африке, а не как считалось ранее, – в Европе. По Берналю есть две основные теории о происхождении греческой цивилизации: «арийская» и «финикийская» модели. Согласно арийской модели Греция была колонизирована с северо-запада, так что иммигранты должны были прибыть из Центральной Европы. Арийскую модель Берналь отверг из-за отсутствия доказательств. Он цитирует греческих историков, чтобы показать мнения современников Сократа, Платона и Аристотеля в пользу того, что финикийцы колонизировали Грецию. Берналь предполагал, что иммигранты с севера встретились с финикийской колонизацией, в ходе которой народы смешались. Кроме того, он пытался ещё доказать, что египтяне и финикийцы были в основном африканского, а не средиземноморского происхождения. Под ариями имеются в виду ранние индоевропейцы. В настоящее время наиболее распространено предположение, что на Балканском полуострове существовало коренное население, и лингвисты по-прежнему продолжают поиски следов доиндогерманских субстратных языков Древней Греции. Минойская культура считается доиндогерманской – семитской, а начала раннекикладской элладской культуры и культур Кипра позднего бронзового века также считаются в основном доиндогерманскими. Преобладает мнение, что протогреки – результат смешения нативного населения с индоевропейскими иммигрантами, чей язык постепенно под влиянием местных языков стал греческим и хорошо развился во 2-ом тысячелетии до н.э., когда семитско-финикийское влияние стало наиболее эффективным. На фресках из Кносса минойские принцы изображены с длинными височными локонами – пейсами. (см. стр. 259)

Современные топонимы различных островов и ландшафтов Греческого архипелага Эгейского моря свидетельствуют о древней семитско-израильской колонизации:

Остров *Парос* – «паро», титулатура египетского фараона;
Карпатос – шайба холода;

Скиатос – это название говорит о скифах;
Анафи – анаф, обозначение ветви;
Кос – название питьевого стакана;
Самариá – знаменитое ущелье в Белых горах о. Крит, самый большой каньон в Европе;
Финикия – селение в 9 км от Фиры на острове Санторин и т. д.

[254]

Д и П / 2018

Критяне обосновались в своё время в юго-западной части Эрец-Исраэль.³ Библия (у Иеремии) указывает на тесную связь между Критом и филистимлянами. Ханаанцы остались в истории в первую очередь, как финикийцы. Одна из этимологий обозначения финикийцев ссылается на этот этноним. Легенда, переданная Тацитом, повествует о том, что предки евреев когда-то жили на Крите, а потом перебрались в Ливию, другими словами в Африку:

«Говорят, что иудеи бежали с острова Крит и поселились на дальних окраинах Ливии ещё в те времена, когда Сатурн, свергнутый Юпитером, уступил ему своё царство. Доказательство видят в самом имени иудеев: на Крите есть прославленная гора Ида и название живших около неё «идеев» в устах варваров превратилось в «иудеев» (Тацит, История, IV, 2,1).

Критские евреи считали себя потомками колена Завулона и полагали, что прибыли на остров в период Первого Храма. На гербе колена Звулун изображён корабль: *«Звулун живёт у берега моря, он — при корабельной пристани...»* (Быт. 49:13). К концу эпохи Второго Храма главные центры еврейского самоуправления и учёности в Эрец Исраэль находились на территории бывшего надела Звулуна. Евреи Крита упоминаются в период Восстания Маккавеев во 2-ом веке до н.э. Евреи называли остров «Кандией». Византийский император Феодосий II (408–450) изгнал их с острова, на который евреи потом вернулись.

Израильты, ханаанцы и минойцы пользовались теми же языками и, начиная с XIII в. до н. э. – курсивным руническим письмом. Древние греки, как писал Геродот, научились письму от финикийцев, а те переняли его от израильтян, чья Тора была впервые высечена на скрижалях Завета на горе Синай иудео-финикийским руническим письмом.

Платон и Аристотель считали, что первый закон человечества мог возникнуть на Крите, о чём ещё до Гомера свидетельствует уважение классической Греции перед Минойской цивилизацией. На Крите найдены самые древние письменные отчёты Европы, которые датируются примерно 2000 – 1900 гг. до н.э. Наряду с иероглифической системой письма существовали ещё две системы – слоговых и гласных. Загадоч-

Публицистика. Мемуары. Эссе

ным памятником синкретического минойского письма на о. Крит стал керамический Фестский (Phaistos) диск – уникальный документ письма минойской культуры, найденный в городе Фест на южном побережье острова и выставленный в Археологическом музее Ираклиона. Его условная датировка – 1700 г. до н.э. – эпоха третьего среднеминойского периода. Практически сразу после обнаружения диска было высказано предположение, что направление написания и чтения надписей – по часовой стрелке, от края к центру на обеих сторонах. Советскими лингвистами была продемонстрирована возможность произвольного чтения писем на обеих сторонах Фестского диска.

Греческий шрифт стал таким образом дальнейшим развитием иудео-финикийского, первой азбуки мира. Римляне, как позже и все европейские народы, переняли эстафету письменности у греков.

В 1970-е гг., т.е. ещё до Бернала, многие учёные выступили с гипотезой, что минойский язык был по происхождению семитским. И что в древности финикийцы и другие семитские народы, например евреи, пересекали Атлантический океан. Их гипотеза сегодня научно подтверждена и является рабочей. (Ганс Гифгорн, 2013).

Из дошедшей до нас карфагенской литературы следует, что в римское время морская торговля между Карфагеном и Римом была в руках евреев. При раскопках в Карфагене были обнаружены еврейские светильники, на кладбище — большое число надгробий с изображением меноры и с надписями на латыни (значительно реже на иврите). Кораблестроение, постройки многоэтажных домов и знаменитой искусственной гавани косвенно говорят о развитых познаниях карфагенян и евреев в механике, физике и математике. Недавно американские учёные доказали, что вавилоняне, шумеры и аккадцы на тысячу лет раньше индийцев могли доказать иррациональность числа, равного квадратному корню из двух.

Евреи стали селиться в Карфагене и на подвластной ему территории ещё до падения Первого Храма, – при царе Соломоне (Таршиш). В еврейской литературе существуют данные о живших в Карфагене талмудистах и раввинах, допускается, однако, что они могли жить уже в римском Карфагене (Талмуд).

Цивилизация предков израильтян и ханаанцев названа по имени легендарного царя Миноса, который был, согласно преданию, героем – сыном бога Зевса и женщины по имени Европа, дочери царя Агенора из Тира – города на юге современного Ливана. Зевс, превратившийся в быка, привёз на своей спине Европу на остров Крит. Плодом связи стал царь Минос. И сам Зевс, в соответствии с мифом, родился в пе-

щере на Крите, где был спрятан от своего отца Хроноса. Именно во дворце древнего города Кносс на острове Крит, расположенного около современного Ираклиона, в лабиринте садов царя *Миноса*, проживал легендарный Минотавр из известного древнегреческого мифа.

Возможная этимология слова лабиринт (от слов: «лабрис» – церемониальная секира, в древности использовавшаяся и являвшаяся знаковой в древнегреческой культуре на Крите, и слова «интос» – «крепость»). Оба слова – минойского происхождения. В отличие от Ближнего Востока носителями минойских лабрисов были не боги и жрецы, а исключительно богини и их жрицы. Среди археологов распространено мнение, что этот самый священный из религиозных символов критской цивилизации использовался жрицами при жертвоприношениях важнейшего животного минойцев – быков.

В Кноссе сохранились древние склады, в которых содержались громадные амфоры с оливковым маслом и вином. Благодаря этому было высказано предположение, что дворец Кносс служил складом для хранения товаров, которыми минойцы торговали с остальными народами Эгейского моря.

Этажи и стены дворца часто были окрашены в красный цвет. До 1700 года до н. э. в качестве украшения использовались преимущественно простейшие геометрические рисунки, позднее на стенах дворца появились фрески, изображающие морские пейзажи, храмовые сцены и спортсменов, а также тавромахию – архаический бой быков. Некоторые особенно ценные образцы фресок находятся в Археологическом Музее Ираклиона, а копии в самом дворце. Самые первые раскопки древнего города-дворца Кносса возглавил в начале 1900 г. опытный учёный, британский археолог Артур Эванс, который по примеру Шлимана пошёл по следам легенды. Сегодня можно увидеть и представить первоначальный вид этих древних строений – как выглядел Минойский Дворец в период своего расцвета. (*см. стр. 259*)

Мраморная копия трона кносского царя Миноса стоит во Дворце Мира на площади Карнеги в Гааге – там, где заседает Международный суд ООН и третейский суд.

2. «Эц Хаим»

Наступил Йом Кипур. Чтобы придать ежегодному голоданию смысл, мы поехали в Ханью, город на северо-западе острова, где находится единственная на острове сефардская синагога «Эц Хаим» (дерево жизни). До 1971 г. город Ханья был ещё столицей Крита. С очаровательной

гаванью, он огорожен древней венецианской крепостной стеной и считается самым красивым на острове. Центр города – район Каstellи, лежит южнее Еврейского квартала, где сохранился древний бастион Шиаво и узкие улочки, забитые ресторанами, тавернами и кафе.

Последняя из четырёх жён античного еврейского историка Иосифа Флавия, родившая ему двух сыновей, была родом из Ханьи. Существенного экономического и культурного расцвета еврейская община острова достигла в эпоху венецианского владычества (1204–1669). Крит стал прибежищем для многих еврейских изгнанников из различных стран Европы, особенно с Ближнего Востока. Тем не менее, с 1350 г. евреи были обязаны селиться в своих кварталах, носить отличительный знак на одежде и помечать им свои дома.

Синагога «Эц Хаим» была построена в 14 веке во время венецианского правления как церковь, а после завоевания острова турками передана евреям в качестве храма. Еврейское население Крита насчитывало не более 1200 человек, и было сосредоточено в трёх больших портовых городах на севере: ныне Ираклион, Ханья и Ретимни. На развитие духовной и культурной жизни еврейских общин Крита, вплоть до нового времени, оказывали влияние многие известные учёные раввины и мыслители.

После вторжения Вермахта в Грецию в апреле 1941 г. евреев вместе с греческими и итальянскими военнопленными депортировали в начале июня в немецкие концентрационные лагеря. Через несколько дней после депортации солдаты вермахта вторглись в осиротевшую синагогу, разграбили и разрушили её. Лишь семь евреев из общины Крита пережили Холокост.

В 1996 г. руководство еврейских общин Греции при поддержке Всемирного фонда сохранения памятников культуры начало энергичную кампанию за восстановление древней сефардской синагоги романиотских евреев «Эц Хаим», разрушенной в годы Второй Мировой войны. Романиотами называют греко-римских и византийских евреев, а также их потомков. В 1998 г. началась реконструкция здания, которая завершилась внесением свитка Торы в октябре 1999 г.

В маленьком молитвенном зале молилось пёстрое еврейское собрание различных направлений иудаизма: мужчины с талитами, у входа в зал женщины в скромных платьях и с детскими колясками, эмансипированные реформистские еврейки с кипами на голове... После чтения молитвы «Кадиш» была спета «Атиква». Открылись двери и улицы напомнили о жизни снаружи.

Тёплой средиземноморской ночью под аккомпанимент цикад мы вернулись назад в Херсониссос.

3. Атлантида

Автобус забрал нас у входа в отель и мы отправились в порт Ираклиона – скоростным катамараном нас отвезли на легендарный остров Санторин с его белыми домами и синими крышами. На острове Санторин нет деревьев. Нет пресной воды. Вся вода привозится на специальных судах-водовозах, либо она дождевая, которую собирают в цистернах.

[258]

Остров Санторин, точнее острова Санторини (по имени «Сайнт-Ирэн» – святой покровительницы вулканического острова Тира) – это группа из нескольких островов в Эгейском море, входящих в архипелаг «Киклады». В их числе – самый большой остров Тира. Острова выстроены в виде кольца, внутри которого расположилась глубокая (до 400 м) кальдера действующего вулкана на острове Тира (другое название о. Санторин). Его извержение в древние времена привело к гибели эгейских городов и поселений на островах Тира, Крит и других на побережье Средиземного моря. Эти острова – одни из наиболее загадочных и красивых в группе островов «Киклады». Вулканическая активность дала острову дикие пейзажи, могучие скалы, живописные деревни и города, разноцветные пляжи – розовые, чёрные, белые...

Самое грандиозное, Минойское извержение Санторина, сопровождавшееся образованием кальдеры, произошло приблизительно 3370 лет назад, возможно, во времена исхода евреев из Египта. Оно уничтожило Минойскую цивилизацию Крита и вызвало гигантское цунами. Окончательно катастрофу довершили последующие сильные землетрясения. Многие специалисты считают Минойское извержение вулкана самым мощным в обозримой вулканологической истории планеты.

Древнегреческий философ Платон (правнук афинского мудреца Солона) описывает островное государство Атлантиду, погибшее когда-то давно при загадочных обстоятельствах. Египетские жрецы поведали Солону о могучей цивилизации: *«По ту сторону Геркулесовых столпов»*, возникшей в незапамятные времена. Существуют версии, что:

– к гибели Атлантиды привёл именно взрыв острова и погружение Тиреи в воды Эгейского моря;

– Атлантида – и есть остров Тира.

Долгое время упорно искали следы атлантов. В 1967 г. был выкопан целый город, найдены остатки расписанной керамики и утварь. Фрески Санторин показали убедительное сходство с минойскими на о. Крит, поэтому можно считать доказанным, что остров был колонией минойцев. Очень похожие фризы, выполненные в такой же художественной манере, были обнаружены в Израиле при раскопках в Тель

Кабри близ Нахарии, а геометрические мотивы оказались схожими с артефактами, найденными во дворце Катна в Сирии.

Раскопанные артефакты, среди которых много произведений древнего искусства, выставлены в островных музеях и музеях Афин.

[259]

В начале 80-х годов прошлого века океанограф Жак-Ив Кусто отправился к вулканическому острову Санторин – главному «виновнику» событий 3500-летней давности. Учёный, которому тогда было уже за семьдесят, привёз туда свой батискаф, обследовал побережья Санторина и соседних островов и нашёл погрузившиеся на десятки метров под воду развалины древнего города-порта, предположительно относящегося к Миноийской культуре. На основании своей находки Жак-Ив Кусто подтвердил версию, что скорее всего современный Санторин – это и есть остатки ушедшей под воду

Атлантиды.

Сегодня библейские описание «казней египетских» связывают с Миноийской катастрофой на древнем острове Санторин и последовавшим цунами, которое действительно могло затопить войско фараона, когда-то преследовавшего Моисея и народ Израиля.

Если внимательно читать Библию, то можно увидеть, что многие описанные там явления – это геологические катастрофы, которые могли реально произойти. Так, в главе Исход (14: 22) описано как Моисей воздел руки и «Господь... сделал море сушею, и расступилась воды». Описание позволяет предположить, что неожиданный отлив морских вод возник в результате сильного землетрясения и извержения вулкана. Волна цунами обычно приходит через полчаса после отлива. За это время большая группа беглецов была в состоянии пробежать по внезапно образовавшейся суше на другой берег.

Так библейские сказания позволяют понять геологическую подоплёку катастроф.

Около 1500 г. до н.э. финикийцам удалось выйти в Атлантический океан из Средиземного моря и достичь Канарских островов. Можно обоснованно исходить из того, что важной причиной и мотивацией уникальных мореходных достижений ханаанеян и финикийцев Древнего мира была грандиозная катастрофа – Минойское извержение вулкана на острове Санторин.

[260]

Ди П / 2018

4. Херсониссос

Херсониссос – бывшая рыбацкая деревушка Крита – вытянутый вдоль побережья туристический городок. После того, как мы объехали все достопримечательности, нас выпустили на центральной улице у бара с ивритским меню на доске. Текст был написан неуклюжим почерком, а когда мы заказали еду, подошёл автор меню. Им оказался серб-мусульманин, изучающий иврит. По его словам он помогает увековечить память убитых евреев Югославии.

Недалеко от ресторана серба, на площади рядом с церковью, расположился ещё один ресторанчик, принадлежащий израильтянину, который приезжает на работу на лето из Ашдода.

Среди отдыхающих немало израильтян. От Тель-Авива до Ираклиона всего 972 км. Когда мы на следующий день улетали в Берлин, на стартовой дорожке стоял самолёт компании «Эл-Аль», и диспетчер аэропорта всё никак не могла найти пропавших пассажиров – господ Иоффе, Рабиновича, Раппопорта и примкнувшего к ним Кобленца.

---

¹ Имя страны. «Ханаан» в целом известен как «Земля обетованная». (Название страны до того, как 12 колен Израилевых покорили «Ханаан»).

² Британский учёный. Был Профессором Корнелльского университета по Ближневосточным Исследованиям. Известен своей работой «Темнокожая Афина», в которой он пытается доказать, что древнегреческая цивилизация и язык по происхождению египетские.

³ Земля обетованная – исторический термин и понятие в иудаизме и христианстве, начиная от библейских времён до наших дней. В настоящее время на территории исторической Земли обетованной находятся Израиль, часть южного Ливана, западная часть Иордании, часть Сирии, Иудея и Самария (Западный берег реки Иордан).

Публицистика. Мемуары. Эссе

Грета Ионкис

**Автобиографический
подтекст
«Бахарахского
раввина», или Гейне
и еврейский вопрос**

[261]

Д и П / 2018

Возвращаясь из Кобленца в Кёльн, усталая от лекции, позволила себе расслабиться и припала к вагонному окну. Поезд мчался по левому берегу Рейна, мелькали живописные картины: виноградники на склонах, руины крепостей-бургов на вершинах холмов, поросших густым лесом, аккуратные домики под стрельчатými крышами красной черепицы, старинные кирпичи, увенчанные шпилями, тяжело гружённые баржи, нарядные прогулочные кораблики... И вдруг промелькнула надпись – «Bacharach». Я вздрогнула и напряглась. Боже мой, ведь это – Бахарах! Это о нём писал Гейне! Сколько раз я проезжала мимо и не замечала! Оказывается, до средневековья рукой подать!

Повесть молодого Гейне «Бахарахский раввин» осталась незаконченной. Ей вообще не повезло: рукопись, которую поэт хранил в отчем доме в Гамбурге, сгорела во время пожара в 1833 г. Так что до нас дошло лишь начало – фрагмент из 40 страниц. То, что Гейне решил публиковать фрагмент в 1840 г., – не случайность. Так он откликнулся на громкое ритуальное дело, получившее название «Дамасского» (1840). Речь шла о кровавом навете, который, как шлейф, тянулся (и ещё тянется!) за евреями. Родился он в туманном Альбионе в начале XIII века, затем перекочевал в немецкую католическую Фулду и оказался весьма живучим.

В начале своей повести Гейне пишет: «... обвинением, которое с давних времён, на протяжении всего Средневековья, до начала прошлого столетия, стоило евреям *много* крови и страха, была затасканная до тошноты повторявшаяся в хрониках и легендах басня, что евреи похищают освящённые гостии¹ и до тех пор пронзают их ножом, пока не истечёт кровь, а на Пасху закалывают христианских детей, дабы употребить их кровь в ночном богослужении».

Гейне с детства знал об этом навете. Ребёнком он ещё не понимал, что значило быть евреем. Узнав, что его дед по отцовской линии был

маленьким евреем с большой бородой, он поспешил поделиться удивительной новостью с одноклассниками (он посещал школу при францисканском монастыре). Что тут поднялось! Мальчишки хохотали, блеяли, хрюкали, лаяли, каркали, прыгали по столам и скамейкам, и учитель, примчавшийся на шум, тут же стал искать зачинщика. Гарри был изобличён: своим сообщением о дедушке он подал повод к этой кутерьме, за что и получил первые в жизни побои. Ранние впечатления детства оставляют, как известно, глубокий след. И сам Гейне признался в «Мемуарах», точнее в небольшом отрывке, который уцелел от рукописи: «Каждый раз, когда в моём присутствии заходила речь о маленьких евреях с большими бородами, у меня по спине пробегал холодок жутких воспоминаний». У него навсегда отпало желание делиться сведениями об опасном дедушке.

Детское воображение будущего поэта больше занимали истории, которые рассказывали старая бабушка и тётушки по материнской линии. Рассказы их напоминали сказки из «Тысячи и одной ночи». Оказывается, его предки в XVII веке пользовались большим почётом при дворе курфюрста и курфюрстины, владели особняками, больницей и даже замком. Старуха живописала массивную золотую и серебряную посуду, персидские ткани на стенах, хотя к тому времени, как она вышла замуж за врача Готшалька ван Гельдерна, богатство уплыло из рук. Сам Готшальк, дед поэта, получил университетское образование и стал доктором медицины на деньги, вырученные от продажи драгоценностей, которыми был украшен молитвенник его матери. Истории старых женщин можно было бы счесть выдумкой, но сохранилось одно материальное подтверждение, а именно фронтиспис к «Агаде» ван-Гельдернов, относящийся к XVII веку. Ныне он хранится в библиотеке Еврейского религиозного института в далёком Цинцинати. Репродукция помещена в книге *«Judentum in Literatur und Kunst»*, Köln, 1995. Это – прямое свидетельство богатства и высокого культурного уровня предков Гейне.

Дядюшка Гарри, Симон ван Гельдерн, прошедший в иезуитской школе курс гуманитарных наук и пробудивший в мальчугане охоту к литературным опытам, щедро одаривший его книгами, представлялся племяннику *героем староиспанской драмы*, поскольку обладал честнейшим и благороднейшим сердцем и проявлял истинно рыцарское величие. То, что оригинал-дядюшка «вместо блестящего рыцарского плаща носил невзрачный сюртучок с фалдами, напоминавшими точь-в-точь хвост трясогузки», т.е. представлял собой фигуру отнюдь не героическую, а скорее забавную, комическую, ничего не меняло.

Неизгладимое впечатление произвела на мальчика личность его

двоюродного деда, которого называли Шевалье или Восточным человеком. Она открылась ему не только в рассказах и анекдотах, накопленных старыми тётушками, но и через его записную книжку, которую Гарри откопал в пыльных сундуках в чердачной комнате своего дяди. Позже он обнаружит в библиотеке Дюссельдорфа брошюру на французском и английском языках, изданную двоюродным дедом в Лондоне, где тот жил некоторое время. Это была оратория «Моисей на Хориве». В семейных анналах сохранился факт паломничества деда в Иерусалим, где на горе Мориа ему якобы было видение. Впечатлительный мальчик так глубоко погружался в авантюрную жизнь и полную превратностей судьбу своего покойного деда – завязтого путешественника, что ему начинало казаться, что он заново проживает жизнь этого давно умершего человека. Убедительные свидетельства тому Гейне приводит в «Мемуарах», к которым мы и отсылаем читателя.

Ван Гельдерны гордились происхождением от испанских евреев-сефардов (*Сфарад* – Испания на древнееврейском. – *Г.И.*) и свысока поглядывали на немецких евреев-ашкеназов (*Эрец ашкеназ* – немецкая земля на древнееврейском – *Г.И.*). Биография Гейне брала истоки в далёком средневековье, развитие рода ван Гельдернов отразило историческую тенденцию: они принадлежали к испанским евреям (возможно, среди предков были и насильственно крещёные марраны), которые, уходя от преследования инквизиции, переселялись на север в Нидерланды, где в Амстердаме возникла одна из крупнейших еврейских общин, а также в северную Германию (Альтону, Гамбург).

В «Бахарахском равнине» взгляд Гейне устремляется к Испании, к золотому веку еврейской культуры в зоне испано-мавританского культурного влияния. Драматические события в жизни немецкого еврейства (о них – ниже) ассоциируются при этом с историей изгнания и насильственного крещения евреев Испании и Португалии, временами инквизиции. Произведение явно связано с поиском национальных корней немецкого еврейства и духовных основ собственной родословной. Одновременно эта повесть отражает ту борьбу, которая происходила в душе и сознании поэта. Ведь когда он приступил к её написанию, он уже подумывал о крещении, осуждая при этом себя как дезертира и отступника. Религиозно-этические категории вины и греха получают в повести художественное воплощение.

Главным героем, на что указывает название, является потомственный раввин небольшого прирейнского городка Бахараха – рабби Авраам, человек ещё не старый, но прославившийся учёностью. Семь долгих лет изучал он божественный закон в высшей школе Толедо. Действие происходит в XV веке. Завязкой служит страшное происшествие

во время пасхального седера. Бахаракский раввин празднует Песах в своём доме в окружении многочисленной родни и учеников. Перед читателем развёртывается настоящая религиозная идиллия. Внезапно появляются два незнакомца в тёмных плащах, назвавшиеся единоверцами. Никто не заподозрил беды. Их усадили за стол на почётное место рядом с Авраамом. И вдруг он случайно заметил под столом у своих ног окровавленный детский труп. Его подбросили незнакомцы. В эпоху далёкого средневековья время от времени такие происшествия случались, и каждый раз – на Песах. За «преступление» платила жизнью вся община.

Окаменевший от ужаса раввин понял, что ночью в его доме начнётся резня. Не подав вида, что он заметил труп, Авраам продолжал читать Агаду. Улучив момент перед трапезой, он вышел из комнаты, подав знак жене следовать за ним. Лишь на берегу Рейна он объяснил ей, что им грозит смертельная опасность, заверив её, что их родичей и друзей нечестивцы не тронут, удовлетворяясь грабежом дома. С помощью соседского мальчика-рыбака им удалось уплыть далеко от Бахаракха.

Новый день застал беглецов у городских ворот Франкфурта-на-Майне. Когда стражники их впустили, они направились в гетто, обитатели которого по случаю праздника собрались в синагоге. Супруги тоже вошли туда, прекрасная Сарра поднялась в помещение для женщин. Сквозь решётку она благоговейно наблюдала за обрядом выноса Торы, её восхитило пение кантора, правда, болтовня женщин отвлекала её, но всё же она услышала голос своего мужа. Она вслушалась в его молитву, и вдруг до неё дошло, что он поминает многочисленных родственников, в том числе её сестёр, маленьких племянниц и племянника, поминает как невинно убиенных. Силы покинули несчастную.

Тут мы оставим героиню и обратим внимание читателя на негативную нравственную оценку, которую получило бегство бахаракского раввина в наши дни. В 1937 г. берлинский литературовед Эрих Лёвенталь в послесловии к повести указал на «удивительную безответственность, с которой раввин в минуты опасности тайно покидает доверявшую ему общину во имя собственного спасения». Сам Лёвенталь в отличие от рабби Авраама разделил участь своих соплеменников и погиб в Освенциме в 1944 г.

Задумывался ли сам Гейне над этической стороной поступка рабби? В письме к другу Мозеру (01.07.1825), где он подробно пишет о работе над «Раввином», Гейне выражает уверенность, что только он может написать эту книгу и «что создание её – дело нужное и угодное Богу». В этом же письме меня «зацепил» пассаж, где он ведёт речь о разности натур его и... Гёте. Гейне считает, что Гёте по природе лёг-

кий и жизнерадостный человек, для него самое главное – наслаждение жизнью. «Хоть он и чувствует и догадывается, что значит жить ради идеи, он не принимает её глубоко и не живёт ею». Себя Гейне оценивает как энтузиаста, преданного идее до самопожертвования. Однако он хочет быть честным до конца и признаётся: «Но в то же время я понимаю и наслаждение жизнью, я нахожу в нём удовольствие, и тогда во мне возникает великая борьба между моей ясной разумностью, которая ценит жизненные блага и отмечает как глупость всё жертвенное воодушевление, и склонностями мечтателя...» Прервав рассуждения на эту явно волновавшую его тему, Гейне мимоходом замечает: «Да, эту тему ты найдёшь и в «Раввине».

Вот слово и сказано. Не предвещает ли бегство бахаракского раввина будущего дезертирства из иудаизма самого автора? Некоторые полагают, что Гейне в молодости был далёк от еврейства, так что и говорить о дезертирстве не приходится. Это не так. В 1819 г. хулиганский клич «Хеп! Хеп!» (аббревиатура от «*Hierusalem est perdita*», что на латыни означало «Иерусалим разрушен»), служивший сигналом к погрому, пронёсся по многим германским землям. А в просвещённых кругах нашлись «теоретики» антисемитизма. Профессор истории Берлинского университета Рюс опубликовал брошюру «О претензиях евреев на немецкие гражданские права», в которой настаивал на том, что враги Христовой веры должны быть отделены от всех других граждан: носить особую одежду, жить в особых кварталах. Некто «барон Х» издал памфлет «Зерцало еврейства», в котором предлагал продать возможно больше евреев англичанам для работы на заокеанских плантациях, мотивируя подходящим моментом: английский парламент запретил торговлю чёрными рабами, между тем нужда в рабочей силе увеличилась. Оставшихся в Германии евреев мужского пола барон требовал кастрировать, а женщин и девиц определить в публичные дома. Такое вот решение еврейского вопроса!

В 1822 г. был частично отменён эдикт 1812 г. о гражданских правах евреев Пруссии, и они вновь лишились возможности преподавать в университетах и школах. Можно только догадываться, сколько унижительных уколов и обид претерпел Гейне, если в письме от 14 апреля 1822 г. закадычному другу Христиану Зете, с которым он учился в лицее, а затем встретился на юридическом факультете в Берлине, решил на такие строки: «Я говорю, что не могу быть больше твоим другом, только потому, что всегда был честен и прям с тобой до конца и не хочу тебя обманывать и сейчас. У меня теперь совсем особое настроение, и оно, пожалуй, главная причина всему. Всё немецкое мне отвратительно, а ты, к сожалению, немец. Всё немецкое действует на меня

как рвотное. Немецкий язык режет мне ухо. Временами мне противны собственные стихи; я вдруг понимаю, что они написаны по-немецки... Я бы никогда не подумал, что животные, именуемые немцами, принадлежат к такой скучной и в то же время к такой коварной породе».

На волне подобных настроений Гейне вступил в 1822 г. в берлинское Общество науки и культуры евреев, во главе которого стояли историк еврейской литературы Леопольд Цунц и блестящий гегельянец, доктор права Эдуард Ганс, создавшие Общество в 1819 г. Гейне познакомился с Гансом в салоне Рахели и Карла Фарнхагенов, где он встретил понимание, где его поэтический талант был признан, где не сомневались в его будущем. В Обществе Гейне приобрёл близкого друга Мозеса Мозера, которого называл живым эпилогом к «Натану Мудрому», и сблизился с Йозефом Леманом, Иоэлем Вольфом (Вольвилем). Все они принадлежали к первому поколению эмансипированных евреев и были при этом, как и сам Гейне, «отчаянными гегельядцами». У Общества имелись филиалы в Гамбурге, Франкфурте и других городах, где проживали евреи. Гейне принял настолько активное участие в работе, что и сам начал вести занятия по немецкому, французскому языку и истории Германии, они продолжались всю осень 1822 г.

Пребывание Гейне в Берлине не было очень длительным, он вёл жизнь перелётной птицы, но связи с Обществом продолжались, и они, несомненно, были для него значимы. Молодой Гейне избегал шумных студенческих сборищ, он не стремился в этот круг по многим причинам, не последнюю роль играло опасение услышать в свой адрес пренебрежительное: «Говядина!» Так на студенческом жаргоне называли евреев. Будучи крайне щепетильным в вопросах чести, Гейне не раз дрался с обидчиками на дуэлях. Тем более он дорожил новыми друзьями – интеллектуалами из Общества, с ними на протяжении нескольких лет он состоял в активной переписке. Его письма позволяют судить о том, насколько значима еврейская ипостась Гейне.

Слабость, пассивность евреев рождает у начинающего поэта горькие чувства. В письме к Вольвилю (от 1 апреля 1823 г.) Гейне пишет: «Мы больше не ощущаем в себе сил, чтобы носить длинные бороды, поститься, ненавидеть и из ненависти терпеть; вот источник нашей реформации... У меня тоже нет сил носить бороду, чтобы мне вдогонку кричали: «Еврейчик!», нет сил поститься и т.д. У меня даже нет сил, как следует есть мацу. Я живу сейчас у еврея (напротив Мозера и Ганса), и получаю вместо хлеба мацу, и ломаю себе о неё зубы. Но я утешаю себя и думаю: «Мы ведь в изгнании»».

Чувство сопричастности к Обществу (он даже поселился рядом с его активистами) заставляет Гейне часто прибегать к этому «мы»: «...

Мы, учёные евреи, постепенно совершенствовали немецкий стиль» – это из письма Цунцу. В том же 1823 г. в письме Мозеру он признаётся в любви «к нашему праделу». В этом же письме содержится интересное признание в сослагательном наклонении: «Если бы я был немцем (но я не немец – смотри многие страницы у Рюса и Фриса), я стал бы...» Сегодня эти имена никому ничего не говорят. За ними – берлинский и иенский профессора-антисемиты, писания которых, по мнению Гейне, настолько опозорили немецкую нацию, что ему стыдно быть к ней причисленным.

Сам Гейне в эту пору намерен с энтузиазмом бороться за права евреев и их гражданское равноправие. «И в тяжкие времена, которые неизбежно наступят, – обещает он другу, – немецкая чернь услышит мой голос, эхо которого прогремит в немецких пивных и дворцах».

Признаваясь в другом письме Мозесу Мозеру в том, что он не является «энтузиастом еврейской религии», «которая первая провозгласила неравноценность людей (Гейне имел в виду объявление евреев Богоизбранным народом – *Г.И.*), что причиняет нам теперь столько страданий», Гейне в то же самое время в письме Йозефу Леману (от 26.06.1823) просит приятеля: «Поставьте меня в известность, если где-нибудь найдёте выпады против меня, особенно затрагивающие мою религию».

Отказываясь быть немцем в 1823 г., Гейне тем самым включал себя в еврейский круг. Но во время работы над «Бахарахским раввином» он решает креститься. Сделано это было 28 июня 1825 г. тайно, но с согласия семьи. Мотивировка этого шага была достаточно прагматична: через две недели он должен был получить диплом и рассчитывать на должность. Внутренне он испытывал глубокий стыд. Другу Мозеру он пишет откровенно: «Мне было бы очень жаль, если бы моё собственное крещение явилось тебе в благоприятном свете. Я не вижу, чтобы мне полегчало, напротив, с тех пор я ещё больше несчастлив». А потому, когда до него дошли слухи, что Ганс, крестившийся несколькими месяцами ранее, проповедует христианство и всерьёз пытается обратить сынов Израиля в новую веру, он откликнулся на эту новость следующим образом: «Если он это делает по убеждению, то он дурак; если он делает это из лицемерия, то он подлец. Я, конечно, не перестану любить Ганса, но, тем не менее, признаюсь, что мне было бы гораздо приятнее, если бы вместо этой новости я узнал, что Ганс украл серебряные ложки». А над собой он иронизирует: «Я становлюсь теперь истинным христианином, то есть состою паразитом при богатых евреях». Но его шуточки – маска, а под ней человек, переживающий глубокий кризис.

О том, что предпринятый шаг дался Гейне нелегко, говорит и стихотворение «Отступник», которому переводчик В. Зоргенфрей дал название «Отщепенцу», несколько меняющее смысл, ибо речь в нём идёт о ренегатстве.

*«О, как юность беззаботна!
О, как быстро ты поддался!
Как легко и как охотно
Со Всевышним столкнулся!»*

*Малодушно и бесславно
Ухватился за распятыё,
То, которому недавно
Посылал ещё проклятыя!*

*Вот оно – читать запоем!
Шлегель, Галлер, Берк – о, бредни!
Был вчера ещё героем,
А сегодня плут последний!»*

Стихи были посвящены Гансу, но этот уничтожающий приговор Гейне вынес и самому себе. Ганс, его душа – это то зеркало, заглядывая в которое, поэт узнаёт себя. И он признаётся другу-исповеднику: «Я часто думаю о нём (о Гансе – *Г.И.*), потому что о себе самом мне думать не хочется».

Отправляя Мозеру очередное стихотворение, Гейне представляется молодым испанским евреем, «евреем в глубине души, но из высокомерия и заносчивости принявшим крещение». В этой маске легко узнать героя «Бахаракского раввина» – молодого испанца дона Абарбанеля, который появляется на улице Франкфурта во всём великолепии рыцарского одеяния. И рыцарь преграждает путь героям, подступая к прекрасной Сарре с галантными комплиментами.

Вспыхнуло от боли лицо прекрасной еврейки, и ответила она жёстко: «Когда хотите вы стать моим рыцарем, то принуждены будете сразиться с целым народом и в этой борьбе същете мало благодарности и ещё меньше чести! И когда вы хотите носить мои цвета, то принуждены будете нашить на свой плащ жёлтые кольца или повязать фату с синими полосами, ибо это мои цвета, цвета моего дома – дома, что зовётся Израиль и весьма страждет и над которым глумятся на улице сыны счастья!»

Гордая речь еврейки-парии разрушила маскарад, и «рыцарь», крас-

нея и запинаясь, признался, что он не хотел оскорбить Израиль, что он сам принадлежит к этому народу, ибо его дед, а возможно, и отец были евреями. Гейне дал герою благородное имя Абарбанель, представив его племянником известного сефардского богослова, дипломата и министра при португальском и испанском дворах. Исаак бен Иегуда Абарбанель (1437–1508) – фигура историческая, он прославился комментариями к Ветхому завету, после изгнания евреев бежал из Испании в Италию. Известно, что его младший сын принял христианство. О племяннике раввина история умалчивает, Гейне его придумал. Герой этот чрезвычайно важен, ибо является своеобразным *alter ego* автора.

Из дальнейшего выясняется, что рабби Авраам и молодой дон Абарбанель знакомы. Во время учёбы в Испании рабби Аврааму довелось спасти юношу, тонувшего в водах Тахо, после чего они подружились. Теперь между ними происходит показательный разговор. Раввин стыдит молодого маррана за отступничество: «Негоже льву отречься от самого себя! Как в таком случае станут поступать звери послабее льва?»

«Не смотри на меня с отвращением, – отвечает молодой испанец. – Мой нос не стал отступником. Когда случай завёл меня в обеденное время на эту улицу и хорошо знакомые запахи еврейских кухонь зашевелили мои ноздри, тогда овладела мною та самая тоска, которую ощутили наши отцы, когда вспомнили о горшках с мясом в Египте; вкусные воспоминания юности зашевелились во мне...» Дон Абарбанель приглашает раввина с женой отобедать в «лучшую харчевню Израиля». На этом фрагмент обрывается.

Перечисление вкусов еврейской кухни, память о которых сохранилась у Гейне с детских лет, даёт богатую пищу для разговора о запахах еврейства, который неизбежно приведёт нас к Розанову с его «обонятельным и осязательным», к Мандельштаму с его «хаосом иудейским», заставит вспомнить «особенный еврейско-русский воздух» Довида Кнута и Бог знает что ещё: всё, что вмещается в ёмкую формулу – «мускус иудейства». Предмет разговора безумно интересный, но уводит от главного.

Главное же заключается в признаниях Абарбанеля относительно его истинного вероисповедания. В ответ на упрёки раввина он отвечает: «Да, я язычник, и равно противны мне как сухие, безотрадные иудеи, так и пасмурные, ищущие мучений назареяне... Да простит мне наша богородица из Сидона, священная Астарта, что я преклоняю колена и молюсь перед многострадальной матерью распятого... Только колена мои и язык мой славят смерть, сердце моё хранит верность жизни!»

Нужно ли говорить, что перед нами символ веры молодого Гейне. И он не столько перешёл в христианство, сколько крестился в язычество, в «эллинизм». Впервые он заговорил о назарействе как о понятии, не связанном с религией. Оно станет ключевым в его споре с Людвигом Бёрне. А что касается «Бахаракского раввина», то он остался незавершённым, хотя Гейне собирался опубликовать его в 1825 г., включив в один из томов «Путевых картин». Даже на исходе декабря он не отказался от этого намерения, хотя и признался, что «Раввин» опять не двигается с места». Однако в 1825 г. произошли события, о которых шла речь выше. Они привели к фактическому распаду Общества. Интересы, которыми Гейне жил несколько лет, отходят на задний план, потому что работа над «Раввином» застопорилась.

Однако даже спустя двадцать лет Гейне будет помнить своих друзей, с которыми он сошёлся в Берлине, и посвятит памяти одного из них сочинение «Людвиг Маркус. Поминальное слово», которое было анонимно напечатано в аугсбургской «Всеобщей газете» (май 1844 г.) Некролог покойному Маркусу, духовному наследнику Мозеса Мендельсона (по странному совпадению Маркус тоже происходил из Дессау и был физически щедедушным и слабым) невольно привёл Гейне к некрологу Обществу. Он отдал дань умершим к этому часу Гансу и Мозеру, с любовью написал о Бен-Давиде и Цунце. Это обо всех них им сказано: «Духовно одарённые и глубоко чувствующие люди пытались спасти с помощью этого Общества давно проигранное дело, но самое большее, чего им удалось добиться, это разыскать останки более древних борцов на полях прошлых битв».

Характеристики и оценки вышеназванных членов Общества весьма любопытны, но ещё интереснее и важнее мысли Гейне о необходимости эмансипации евреев: «Да, на эмансипацию всё-таки придётся согласиться рано или поздно, по чувству ли справедливости, по благоразумию, или по необходимости. Антипатия к евреям среди высших классов не имеет уже религиозных корней, а среди низших классов она с каждым днём всё больше и больше превращается в социальную ненависть (курсив Г.И.) к господствующей власти капитала, к эксплуатации бедных богатыми. Юдофобство носит теперь совсем другое название, даже у черни. Что же касается правительств, то они, наконец, добрались до высокоумной идеи, что государство есть организм и что последний не может быть здоровым до тех пор, пока хоть один-единственный из его членов, будь то хоть мизинец ноги, страдает каким-нибудь недугом. Да, как бы гордо государство ни подымало свою голову и как бы ни встречало оно открытой грудью всяческие бури, – сердцу, и груди, и даже этой гордой голове всё-таки придётся

разделить боль с мизинцем, если он страдает от мозолей. Ограничения в правах евреев являются такого рода мозолями на ногах немецкой государственности».

Положение еврейства в Германии продолжало по-прежнему его волновать. Незадолго до смерти Гейне открывает своё авторство «Поминального слова» и дополняет сочинение «Позднейшей заметкой». В марте 1854 г. он высказывает глубоко продуманную, можно сказать, выстраданную мысль о том, что еврейский вопрос в Германии – это, прежде всего, немецкий вопрос. Освобождение евреев невозможно без раскрепощения, без эмансипации самих немцев: «Еврей... лишь тогда будут по-настоящему эмансипированы, когда христиане также полностью добьются эмансипации. *Их дело тождественно делу немецкого народа...*» (курсив Г.И.) Эти строки звучат настолько актуально (и не только в Германии!), что трудно поверить, будто они написаны более 160 лет назад.

[271]

Д и П / 2018

---

¹ Искупительная жертва (лат.) в христианском богослужении (9–11 вв.)

Регина Кон

ПОДАРОК НАОМИ

**К 70-летию образования
Израиля**

Наоми Шемер... Ее называли первой леди израильской песни, своим творчеством неразрывно связанной с историей еврейского государства. Возможно, она как никто другой, воплотила мечту Израиля о мире.

Родители Наоми, Меир Сапир и Ривка Шафрири репатрировались в Эрец Исраэль из Вильны в 20-х годах прошлого века и стали одними из основателей кибуца «Кинерет». Их первенец, Наоми, появилась на свет летом 1930 г. Спустя два года родилась Рутик, затем брат. Детство протекало на лоне природы в сказочно красивом окружении волшебных закатов над уникальным озером Кинерет.

«Когда мама приехала сюда, такая красивая и молодая, отец построил для неё дом на холме. С тех пор прошло более полувека, но эвкалиптовая роща, мост, лодка, солёный запах от воды – они всё ещё там», – поделилась Наоми Шемер в одном из последних интервью. Все эти воспоминания нашли отражение в её песнях. Достаточно назвать «Эвкалиптовую рощу» и «Дом моей мечты».

Родители Наоми вели светский образ жизни, но сохранили религиозную еврейскую духовность.

Когда Наоми было шесть лет, её мама получила в подарок фортепиано, которое она передала детям кибуца, и девочка ежедневно занималась по утрам в небольшом общественном помещении, где стоял инструмент. Вскоре Наоми уже аккомпанировала хору кибуцников.

Мать, Ривка Сапир, ценила превыше всего духовность и культуру, стараясь привести их в жизнь кибуца, и завещала, чтобы над её могилой кибуцный флейтист сыграл мелодию песни «Эвкалиптовая роща», написанную дочерью в честь пятидесятой годовщины родного кибуца.

Но всё это случилось значительно позже...

Наоми училась в средней школе в соседнем кибуце «Дгания», после чего поступила в Академию музыки и танца имени «С. Рубина» в

Иерусалиме, где её учителями были крупнейшие израильские композиторы. Окончив Академию в 1951 г., Наоми вернулась в родной кибуц, преподавала музыку и ритмику в детском саду и школе. Именно для своих учеников она начала сочинять первые песни.

Во время войны за Независимость Израиля в 1948 г. погибли сорок семь членов кибуца «Кинерет». Спустя годы Наоми написала песню «Мы с тобой из одной деревни», посвящённую павшим бойцам.

Военную службу Шемер проходила в соединении «Нахаль» (сокр. от Ноар Халуци Лохем: «Сражающаяся Пионерская Молодёжь»), солдат которого можно узнать по зелёным беретам и красным ботинкам. Музыкальный коллектив «Нахаль» очень популярен в Израиле. Именно с мюзикла «Пять-пять», написанного для него, началась музыкальная карьера Наоми. За этим последовали многочисленные песни и композиции для армейских подразделений и ансамблей, многие из которых мгновенно завоёвывали успех: например, «Горячие ветры на заставе», «Завтра», а «Странствующий менестрель», написанный в мажоре, ошеломил слушателей. «Еврейская мелодия в мажорной тональности – это было неслыханно!», – шутила Шемер.

Ещё одна песня «Норра Неу», написанная для армейского ансамбля в 1960 г. заняла первое место на международном фестивале песни в Пизаро, Италия. Тогда же известный израильский журналист Ури Кейсари (именно он в 1931 г. впервые использовал понятие «сабра»), написал в газете «Гаарец»: «Гои оказались способными оценить лучшую из израильских авторов песен».

Выйдя замуж за актёра Гидеона Шемера, Наоми переехала с ним в Тель-Авив.

В 60-е годы Наоми Шемер – уже очень известный композитор, но подлинный успех пришёл с песней «Золотой Иерусалим», в 1967 г. Написанная незадолго до Шестидневной войны, песня была первоначально личной, основанной на собственных воспоминаниях Шемер о городе. Но вскоре песня приобрела символический и национальный смысл, уникальный статус в списке современных ивритских песен.

Всё началось с того, когда Наоми Шемер предложили написать песню для второй, внеконкурсной части Израильского фестиваля песни 1967 г., в течение которой должны были подсчитываться голоса. Фестиваль песни появился в начале 1960-х гг. по инициативе национальной радиостанции «Коль Исраэль» (Голос Израиля), проводился в Иерусалиме, и был основной программой радиостанции в День Независимости Израиля. В 1967 г. этот праздник, отмечаемый по еврейскому календарю пятого ияра, приходился на 15 мая.

Мэр Иерусалима Тедди Коллек попросил, чтобы все песни, которые

должны были исполняться в День Независимости имели отношение к Иерусалиму. Гиль Альдема, продюсер фестиваля, обыскал архивы и обнаружил не более полудюжины песен, связанных с Иерусалимом, которые были написаны поэтами и композиторами Израиля с начала XX века. Но ни в одной из них не упоминалось, что город был разделён, и евреи не имели доступа к стене Плача. Вот как вспоминала об этом сама Наоми: «Зимой 1967 г. я оказалась в непрестом положении, потому что пообещала радиостанции «Коль Исраэль» сочинить новую песню об Иерусалиме. Гиль Альдема обратился с этим предложением к пяти композиторам. Четверо моих коллег испугались и отказались. Я испугалась и согласилась, и теперь была полна проблем. Иерусалим слишком много значил для меня. Я окончила там музыкальную академию, родила дочь в этом городе, наполненном особом магией. В этом городе жили мои друзья. Но когда я попыталась это выразить, меня охватил страх. Я вспомнила всё, что было написано о городе с древних времён – король Давид, Иегуда Галеви, – кто посмел бы добавить к этому хоть одну букву?! После двух месяцев бесплодных усилий я решила отказаться, позвонила Гилю и объяснила, что писать об Иерусалиме – непомерная ответственность, вынести которую я просто не в силах. И Гиль, мудрый человек и учитель, ответил: «Не пишите об Иерусалиме. Забудьте об этом и сочините то, что захотите, но не оставляйте нас без песни для фестиваля». Когда он положил трубку, то обратился к присутствующим: «Теперь она напишет об Иерусалиме». Так и случилось.

В ту же ночь появился «Золотой Иерусалим». Со школьных дней я помнила легенду о рабби Акиве, который, живя в нищете, пообещал своей любимой жене Рахили, что в один прекрасный день разбогатеет и подарит ей Золотой Иерусалим – золотую диадему в виде стен. Фраза «Золотой Иерусалим» внезапно засияла в моей памяти, как бы говоря: «Вот и я», и стало ясно, что это будет краеугольным камнем моей песни. Но и тогда сомнения еще не покинули меня. Достаточно вспомнить, каким серым, а отнюдь не золотым выглядел тогда город, и возвышенный слог казался неуместным. Я вновь и вновь спрашивала себя: «Из золота? Ты уверена?» И чей-то голос заверил: «Именно так, из золота». Была ночь, я сидела и писала, начав с собственных впечатлений, а затем перешла к древней фразеологии, которая появилась, как бы говоря, «Возьми меня и делай со мной всё, что хочешь». Что же до мелодии, здесь я сплела хасидские мелодии и идишистские песни моего покойного отца с едва заметными следами библейской кантиляции. Когда я добралась до припева, то направила мотив вверх, будто рисуя кривую старую дорогу около Моцы, когда она приближается к Иеру-

салиму, известную как «Семь сестёр»: один подъём, а затем ещё и ещё, и вот город уже открыт нашему взору.

Сочиняя, я горько плакала, но ведь сказано: «Всё, что не рождается в слезах, мало стоит».

На следующий день я принесла песню на радиостанцию. Гиль держал текст в правой руке, ноты в левой, смотрел на них попеременно, и его щёки были влажны от слез. У первой версии песни было только два куплета и припев. Я показала её Ривке Михаэли (актриса, певица), и она спросила: «А как насчет Старого города? «И я добавила среднюю строфу.

Я писала о Старом Городе, думая о двух тысячах лет разрушения, а не только о последних девятнадцати годах разделения».

Наоми размышляла: «Кому же доверить премьеру песни?» Услышав выступление солдатки с необыкновенным голосом, аккомпанировавшей себе на гитаре, Шемер захотела с ней познакомиться. Это была тогда никому неизвестная Шули Натан. Наоми настояла на первом исполнении именно под гитару, а не с оркестровым сопровождением. Песня была встречена бурными аплодисментами. После вручения призов фестиваля, зрители в едином порыве поднялись, желая услышать песню снова. Во время повторения припев пели уже все присутствующие.

Через три недели началась Шестидневная война, в результате которой произошло воссоединение Иерусалима. Парашютисты-десантники, освободившие город, вместе с «Хатиквой» пели на Храмовой горе и у Стены Плача «Золотой Иерусалим». А Шемер добавила к тексту ещё один куплет, чтобы отметить воссоединение города. Недвуслышное послание: «Иерусалим – столица еврейского народа». На концерте в Бейт-Лехеме, когда солдаты зааплодировали ей, она сказала: «Что же вы мне аплодируете? Изменить песню намного проще, чем освободить город».

С тех пор «Золотой Иерусалим» считается самой любимой израильской песней всех времен. В 1998 г. на праздновании 50-летия Израиля песня была признана самым важным музыкальным произведением еврейской культуры. Десять лет спустя, когда отмечалось шестидесятилетие Израиля, по Первому каналу израильского телевидения в прямом эфире прошла праздничная программа, в которой зрители и жюри выбрали «Песней 60-летия» – песню «Золотой Иерусалим». Исполненная на этом вечере, она заняла первое место как в зрительском голосовании, так и по решению жюри, став официальной песней Израиля во время торжеств. «Золотой Иерусалим» для многих людей – естественное продолжение ряда песен, воспевающих возвращение евреев и иврита на их историческую родину после почти 2000 лет изгнания. Песня переведе-

на на множество языков, от японского до финского, её считают вторым национальным гимном Израиля и поют во всем мире.

Поразительны число и имена вокалистов, когда-либо исполнявших эту песню. Это и израильско-йеменская певица Офра Хаза, репертуар которой огромен. И молодой поп-певец Лиел Колет, выросший в том же кибуце, что и Наоми Шемер. Любопытно, что Лиел Колет записал песню в дуэте с Клаусом Майне из рок-группы «Скорпионс».

[276]

Трудно, а вернее, практически невозможно описать воздействие песни, когда она звучит, сопровождая патетическую финальную сцену фильма «Список Шиндлера» Стивена Спилберга.

Неожиданно в композиции Шемер было замечено сходство с баскской колыбельной песней «Pello Joxere» композитора Хуана Франсиско Шенпелара (1835–1869), которую во время своих гастролей в Израиле в 1962 г. исполнял известный испанский певец Пако Ибаньес.

«Подозрения в плагиате беспокоили Наоми на протяжении многих лет, – отмечала первая исполнительница «Золотого Иерусалима» Шули Натан. – Я же не вижу для этого никаких оснований. Подобное в музыкальном мире случается весьма часто. Ведь и израильский гимн «Хатиква» основан отчасти на румынской народной песне «Погонщики воллов», (которая, в свою очередь, восходит к другим мелодиям. И ею же воспользовался Бедржик Сметана в цикле симфонических поэм «Моя Родина» (поэма «Die Moldau / Влтава»). Пако Ибаньес уже после смерти Наоми говорил, что чувство вины она испытывала «совершенно напрасно». По словам певца, впервые он услышал песню Шемер в 1967 г., вскоре после её написания. «Я не считаю её композицию плагиатом, напротив, я был очень рад, что исполненная мной мелодия послужила для Наоми Шемер источником творческого вдохновения», – отмечал певец.

В 2000 г. журналист «Йедиот ахронот» прямо спросил Наоми о сходстве двух мелодий. «Сходство действительно есть, но очень небольшое. Подобное случается очень часто. Где-то услышанный мотив входит в ваше собственное творчество неосознанно, подобно тому, как пыль пристает к одежде», – ответила она.

Когда в 1973 г. началась война Судного дня, то песня Шемер «Lu Yehi» («Пусть так будет»), наиболее полно выражала чувства бойцов, и тех, кто ждал их дома. Слова были написаны по просьбе певицы Хавы Альберштейн на мелодию песни Beatles «Let It Be» («Да будет так»). Однако этот текст на иврите – не перевод, а новая версия, отражающая настроение и страх этого трудного времени.

Второй муж Шемер, Мордехай Горовиц, за которого она вышла замуж в 1969 г., отец её сына Ариэля, считал, что столь высокие стихи

заслуживают своей собственной мелодии. В то время Израильское телевидение пригласило Наоми принять участие в программе «Встреча с художниками», которая транслировалась каждый вечер. Шемер сочинила новую мелодию по дороге в Герцлию, где была расположена студия, из которой транслировалась программа. В тот же вечер она впервые исполнила «Lu Yehi», аккомпанируя себе на фортепиано.

В 1979 г., когда сестра Шемер – Рутти овдовела, Наоми сочинила для неё песню «Мёд и жало», чтобы поддержать сестру в тяжёлые дни. Йосси Банай, актёр и певец исполнил её в телевизионной программе и включил в своё шоу. И с его помощью личная молитва, написанная Шемер, стала молитвой многих.

В 1982 г. впервые прошёл музыкальный фестиваль в Араде, ставший с тех пор ежегодным. Программы всех без исключения исполнителей включают песни Наоми Шемер.

В 1983 г. Наоми стала лауреатом Государственной премии Израиля. Жюри обосновало свой выбор следующим образом: «Её песни поёт вся страна, они отличаются гармоничным сочетанием прекрасных запоминающихся мелодий и берущих за душу стихов, в которых отражаются эмоции израильского общества. Мелодии Наоми Шемер – результат всего, что она впитала в своём детстве и выразила благодаря своему музыкальному таланту».

В течение 1990-х гг. ухудшение здоровья Шемер повлияло на её работу, но каждая новая песня, которую она написала, получала тёплый прием. «Я – гитара», «It's All Open», «Свет» («Or»), сразу становились хитами.

В 1993 г. радиостанция «Коль Исраэль» транслировала парад песен Наоми Шемер, из которых 220 были опубликованы.

В 1995 г. в память об Ицхаке Рабине она перевела и положила на музыку стихотворение Уолта Уитмена «О капитан! Мой Капитан!»

В 1994 г. Еврейский университет в Иерусалиме наградил Шемер почётной докторской степенью, в 2001 г. она получила её от Тель-Авивского университета. Город Тель-Авив-Яффо назвал её почётным гражданином. В 2000 г. она стала членом Академии иврита. В этом же году ревью «Тысяча и одна песня», состоящее полностью из её сочинений, прошло с успехом.

Всего, начиная с 1956 г., Наоми Шемер написала слова и музыку к 311-ти собственным песням, слова к 13-ти песням различных израильских композиторов, сочинила музыку к 80-ти текстам израильских и зарубежных (в переводе на иврит) поэтов, среди которых Рахель Кинерет, Натан Альтерман, Шауль Черниховский, Хаим Нахман Бялик и Лея Гольдберг.

Песни Наоми Шемер звучат в Израиле повсюду – в детских садах, школах, их поют участники молодёжных движений и солдаты в минуты и радости, и траура.

Её последняя песня «Илан», сочинённая всего за три недели до кончины, посвящена израильскому космонавту, полковнику Илану Рамону, погибшему в результате взрыва космического челнока «Колумбия» 1 февраля 2003 года.

[278]

Наоми Шеммер скончалась 26 июня 2004 г. За много лет до того, она написала песню «Ацзув Ли Ламут Бехемца Таммуз» («Грустно умереть посреди Таммуза»), но ушла из жизни именно в этом еврейском месяце.

Её похоронили там, где она родилась, в кибуце «Кинерет», рядом с родителями Меиром и Ривкой Сапир, с видом на озеро, которое она так часто воспевала. Согласно воле Наоми на траурной церемонии, транслировавшейся по национальному телевидению, где присутствовали Президент Моше Кацав и премьер-министр Ариэль Шарон, не произносили хвалебных речей. Вместо этого прозвучали песни Шемер. Страна прощалась с художником...

В тот же день Ариэль Шарон, открывая заседание кабинета министров сказал: «Используя чудесную лирику и мелодии, Наоми Шемер удалось связать нас с нашими корнями, с нашим происхождением, с началом сионизма. Сегодня, попрощавшись с ней, мы с горечью склоняем головы, с благодарностью за прекрасный подарок, который она нам преподнесла».

Символично, что в 2014 году при прощании с самим Шароном, известная израильская певица Сарит Хадад, одна из его любимых вокалисток, признанная в октябре 2009 г. лучшей певицей Израиля 2000-годов, в память о нём исполнила песню Наоми Шемер «Мы с тобой из одной деревни».

Министр образования Лимор Ливнат сказала: «Нам выпала большая честь, что такой гигант, как Наоми Шемер жила и творила в нашем поколении. Золотая женщина, которая смогла вплести этапы жизни страны в свои песни и благодаря гигантскому таланту выразить возрождение Израиля на своей земле, оставив нам бессмертное наследие, которое послужит воспитанию многих поколений израильтян!»

Могила Шемер и дом её родителей стали местом паломничества тех, кто ценит и любит её творчество. В память о Наоми Шемер в 2005 г. Израильская корпорация по выпуску монет и медалей отчеканила серию золотых и серебряных памятных монет.

В 2011 г. семья Наоми Шемер передала её архив Национальной библиотеке Израиля.

Наследие Наоми Шемер включает многочисленные публикации, некоторые из которых относятся к ранним этапам её профессиональной жизни, а также книги, готовые тексты и черновики, партитуры, эскизы, письма, написанные Шемер и адресованные ей, виниловые пластинки, фрагменты прессы и многое другое.

Национальная библиотека пообещала сохранить архив Наоми Шемер, обеспечить доступ к нему исследователям и другим лицам, проявляющим интерес к её жизни и творчеству. Библиотека сотрудничает с семьёй Наоми Шемер и с организациями, деятельность которых направлена на увековечение её творчества.

[279]

Валерий Матэтский

Марк Стрэнд

С английского

[281]

СТАРИК ПОКИДАЕТ ВЕЧЕРИНКУ

Было ясно, когда я покинул вечеринку,
Что хотя, мне было за восемьдесят, у меня, всё ещё,
Красивое тело. Луна светила вниз так, как будто она жаждала
моментов глубокого самоанализа. Ветер затаил дыхание.
И, посмотрите, кто-то оставил зеркало, прислонённое к дереву.
Убедившись, что я один, я снял рубашку.
Цветы медвежьей травы кивали омытыми лунным светом головками.
Я снял штаны, и сороки окружили багряные леса.
Скрипучая река в долине снова текла, как прежде.
Как странно, что я должен стоять в дебрях один на один с моим телом.
Я знаю, что вы думаете. Я был когда-то такой же, как вы. Но сейчас, когда
Передо мной в таком большом количестве столько изумрудных деревьев и
Побелевшие поля марихуаны, и горы и озёра, как я смею
Быть не только собой, этой мечтой о плоти, в каждом мгновенье моей
жизни?

НЕПОСТИЖИМОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СТРАННОГО ПИСЬМА

Это был долгий день в офисе и долгая поездка обратно в маленькую
квартиру, где я жил.
Когда я добрался туда, я щёлкнул выключателем и увидел
на столе конверт с моим именем на нём.
Что-то случилось со временем? Или с календарём?
Это был почерк моего отца, который умер сорок лет назад.
Как бы то ни было,
я начал думать, что, может быть, именно может быть, возможно,
он всё ещё жив и где-то тайно скрывается. Как ещё объяснить
появление конверта? Чтобы успокоиться,

я сел, открыл его и вытащил письмо. «Дорогой сын», – так оно начиналось.

«Дорогой сын» и, больше ничего...

ТАИНСТВО И ОДИНОЧЕСТВО СНА

[282]

Сгушаются вечерние сумерки. Человек, всё глубже и глубже погружается в неспешную спираль сна, в её течение, её длину, через нечто туманное, и наконец,

приходит к открытой двери, через которую он проходит, не понимая зачем, а затем,

не понимая почему, он входит в комнату, где сидит и ждет, пока пространство смыкается вокруг него, а темнота, темнее чего-либо известного ему прежде, и он чувствует нечто, что формируется внутри него, не будучи уверенным в том, что это,

и это нечто удерживает его так, как если бы, перед ним разворачивалась история

с двумя персонажами: «Удовольствие» и «Боль», совершающими одно и то же преступление внутри него, которое он будет исповедовать снова и снова, до тех пор, пока это не потеряет значения.

СУТЬ ВСЕХ ВЕЩЕЙ

Когда я в поле
Я – отсутствие
поля.
Это
происходит всегда.
Где бы я ни был
Я – то, что отсутствует.

Когда я гуляю
Я рассекаю воздух
и всегда
воздух заполняет
пустоты
остающиеся от моего тела.

У нас у всех есть причины
для движений.

Я двигаюсь
Чтобы сохранять суть вещей.

СЪЕВШИЙ ПОЭЗИЮ

По углам моего рта текут чернила.
Здесь нет никого счастливее меня.
Я съел поэзию.

[283]

Библиотекарша не верит тому, что видит.
Её глаза унылы
и она теребит руками своё платье.

Стихи исчезли.
Тусклый свет.
С нижней лестницы приближаются собаки.

Их глазные яблоки вываливаются из орбит,
Их белокурые ноги пылают как кустарник.
Бедная библиотекарша начинает топтать ногами и рыдать.

Она в недоумении.
Когда я встаю на колени и облизываю её руку,
она кричит.

Я теперь новый человек.
Я рычу на неё и лаю.
Я радостно ношусь в книжном сумраке.

Варго

С английского

МОЛЧАНИЕ

Течение молчания – это любовь...
Совместное молчание – это дружба...
Арена молчания – бесконечность...
Вибрация молчания – это творчество...
Явное молчание – это красота...

Поддержанное молчание – сила...
Позволенное молчание – это отдых...
Достигнутое молчание – радость...
Осознанное молчание – это знание...
Только в молчании есть суть...
есть суть...

[284]

Д и П / 2018

Вы тонете в шумах
Что окружают Вас каждый день ...?
Вы боретесь, чтобы держать их взаперти ...?
И временами чувствуете
как вы теряете дорогу ...?
Вас соблазняют голоса
Пытаются ввести нас всех в заблуждение ...?
Не всегда верьте, тому, что они говорят ...
Пойдемте ...
мир и покой не так далеко ...

Если ваш ум не в духе
Чувствуйте молчание...
Вы не знаете, что делать?
Чувствуйте молчание...
Это внутри вас ...
Чувствуйте молчание...
Если вы слушаете, вы можете это услышать...
Молчание в Вас ...

Творчество, Любовь, Дружба, Бесконечность,
Красота, Радость, Знание, Сила

Вы ищите небеса
Где бы вы ни бродили ...?
Это приют, в Вашем собственном оазисе ...
Пойдёмте ...
Вы найдёте...
Вы уже дома ...

Если ваш ум не в духе
Чувствуйте молчание...
Вы не знаете, что делать?
Чувствуйте молчание...

Новые переводы

Это внутри вас ...
Чувствуйте молчание...
Если вы слушаете, вы можете это услышать...
Молчание в Вас ...

Анналиса Теодорани

С итальянского

[285]

Звуки ночи
на дне пустоты
где дышит невидимое море
и вы понимаете
что это дует ветер перемен...

Д и П / 2018

Валерий Матэгский

Белла Якубова

С немецкого

Детлев Фон Лилиенкрон

(1844 – 1909)

ОСЕНЬ

Цветут ещё астры в любимом саду,
но солнце замедлило стрелы лучей.
Цветы угасают, – конец их в бреду,
сквозь стужу хлопочет топор палачей.

Коричневой теменью – пустошь вдали,
и ветер играет взлетевшей листвою.
Лес, пашня, луга уже изнемогли,
застыл аромат на земле синевою.

Деревья стоят у садовой стены,
уже журавли далеко унеслись.
Осенние прелести затенены,
увяли цветы. Осень, угомонись!

Фридрих Ницше

(1844 – 1900)

ОСЕНЬ

Вот, осень! И сердце вконец надломило.
Летите немедля скорее, вперёд!
К горе устремляется нынче светило,
ввысь рвётся оно, непременно, в полёт, –
осталось проделать один поворот.

Что с миром случилось, ведь он увядает, –
устал он, но держит поводья в руках.
Лишь ветер один ему песни слагает,
надежда ушла, – мысли мира в стихах,
и те исчезают, порою, в слезах.

Вот, осень! И сердце вконец надломило.
Летите немедля – скорее, вперёд!
И фрукты с деревьев летят, где их сила?
Но скоро появится солнца восход, –
откуда свои она силы берёт?

О, осень! Ты этому ночь обучаешь, –
озноб ледяной, – на лице твоём страх,
что пурпуром щёки твои покрывает,
и не прекращает свой дерзкий размах,
хоть он поселился теперь на щеках.

Вот, осень! И сердце вконец надломило.
Летите немедля скорее, вперёд!

ОДИНОЧЕСТВО

Вороны кричат, как обычно,
мчат в город наперегонки.
Зима в своём гордом величье
свои начинает витки.

[287]

Стоишь, и уже коченеешь,
глядишь постоянно назад.
Глупец – ты себя не жалеешь,
зима – неизведанный ад.

Весь мир, – это только ворота, –
у тысячи стран – холода.
Не просто, – плохая погода,
потеря, – когда навсегда.

Стоишь, как потерянный, вроде.
Зима отрезает пути.
Как дым, в невесомом полёте,
тепла не ищи, – не найти.

Как птица, – лети лишь быстрее,
как песня, в пустыне звучит,
вовсю, – и её не развеет,
никто, – если сердце стучит.

Вороны кричат, как обычно,
мчат в город наперегонки.
Зима в своём гордом величье
свои начинает витки.

Эрих Фрид

(1921 – 1988)

ЧТО ЭТО?

Это вздор –
узнал рассудок.
Это есть
и будет вновь.
Но при этом
не до шуток,
если сказано:
– Любовь!

Есть и беды,
и расчёты.
Боли нет,
и страха взлёты,
и надежды тоже нет.
Но прозреньё
скажет вновь:
– То, что просто есть
Любовь!

[289]

– Всё смешно, –
сказала гордость, –
легкомысленно – одно,
убывает осторожность,
но предвиденье дано.
Есть одна надежда, –
Опыт,
повторяют вновь и вновь:
– То, что есть,
не просто ропот, –
говорит сама
Любовь!

Эрих Кестнер

(1899 – 1974)

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Тот, кто не родился, тот жизнь и не потерял.
На ветке Вселенной сидит он себе, и смеётся...
Родился я, – значит, и в мир этот тоже попал.
И, явно, уж делать мне что-то в нём также придётся.

Я школьником был, но забыты уроки давно.
Часть жизни промчалась, ведь время несётся куда-то.
Послушным был мальчиком – это уж немудрено.
Приснилось... Но время, возможно, во всём виновато.

Потом, – Мировая война. Я солдатом на ней
Служил в артиллерии, вплоть до войны окончанья.
Я там повидал очень много ужасных смертей,
И реки крови, да и просто потери сознания.

Затем – уже Лейпциг. Инфляция. Разная дрянь.
Кант. Готика. Биржа. Бюро, – перемены работы.
Искусство. Политика. Женщины, – возрасту дань.
Воскресный досуг и, конечно, сюрпризы погоды.

И вот уже сорок, откуда-то грянувших, лет.
Стихи полились быстротечно, как бурные реки.
Пишу я, как будто надуманный автопортрет.
Полнею, и на голове, средь седин, есть просеки.

Сижу между стульев. – комфортно мне так, и легко,
И сучья на ветках Вселенной срезаю охотно.
Чутьё подсказало смотреть далеко-далеко,
Почти до конца, как бы в шутку, до дрожи зевотной.

Я должен рюкзак свой носить на согбленных плечах,
Хоть он тяжелее становится с каждой минутой. –
Так, чтобы меня не терзали сомненье и страх,
И помнить, что мир удивителен с самого утра.

Регина Кон

С немецкого

Марианна Райн

(1911 - 1942)

УТЕШЕНИЕ

Столетний дуб вновь обовьет листва,
Сквозь старый дёрн прорежется трава.
Нетленность скрыта в мимолётном сне,
А увяданье грезит о весне.

Стремится к обновленью всё вокруг,
И вечно нов непреходящий дух.
Не бойся изменившихся примет!
Костёр погас, но будет вечен свет!

Иегуда Амихай

(1924 — 2000)

Один из ведущих современных израильских поэтов Иегуда Амихай родился в религиозной семье в Вюрцбурге (Германия). У него было два родных языка – иврит и немецкий.

Амихай писал верлибром. В 2001г. его стихи были включены в число 100 наилучших произведений современной еврейской литературы.

Стихотворение «Маленькая Рут» посвящено подруге детства поэта – Рут Гановер, дочери раввина Зигмунда Гановера, погибшей в концлагере «Собибор». Ей не было и двадцати лет.

Память о Рут сопровождала поэта всю жизнь. В одном из интервью он сказал:

«Для меня не существует понятия «раньше» или «позже». Время – пространство, в котором я с лёгкостью двигаюсь вперёд или назад. Я не отделяю себя от Рут так же, как я не могу отделиться от самого себя. Возможно, я испытываю по отношению к ней то же чувство вины, что и солдаты, вернувшиеся живыми с битвы, где

[291]

Д и П / 2018

Новые переводы

*полегли их друзья. Сегодня – она часть меня, как и мои родители.
Рут – моя личная Анна Франк».*

МАЛЕНЬКАЯ РУТ

[292]

Порой я вспоминаю тебя, маленькая Рут.

В далёком детстве наши пути разошлись,

Тебя сожгли в лагере.

Если бы ты осталась в живых, то была бы теперь 65-летней женщиной,

Женщиной, стоящей на пороге старости.

В 20 лет тебя убили, и я не знаю, что произошло в твоей короткой
жизни

С тех пор, как мы расстались.

Чего ты достигла, какими знаками отличия

Украшили твои плечи, твои рукава,

Твою смелую душу, какие сверкающие звёзды прикололи,

Какие ордена, какие любовные медали повесили тебе на шею,

Какой мир в тебе, пусть будет мир с тобой.

Что случилось с теми годами, что ты не использовала?

Возможно, все ещё красиво запакованные

Они были добавлены к моей жизни? Ты превратила меня

В банк своей любви, подобно швейцарским банкам,

Хранящим ценности и после смерти их владельца?

Передам ли я это по наследству моим детям, которых ты никогда не
видела?

Ты отдала мне свою жизнь, как торговец вином, остающийся трезвым,

Смертельно трезвым, как ты, такому опьянённому жизнью, как я, в
его забвении.

Порой я думаю о тебе, когда не подозреваю об этом, и в местах, не
предназначенных для воспоминаний.

Но для проходящего и преходящего, что не остается.

Подобно тому, как в аэропорту усталые путешественники

Стоят перед движущимся транспортёром, встречая багаж криками
радости,

Будто воскресшего мертвеца, уходят в свою жизнь.

А один чемодан исчезает и медленно возникает вновь и вновь в
опустевшем зале.

Так мимо меня проплывает твой тихий образ,

Так я вспоминаю тебя, пока лента не остановится. И стоит
неподвижно. Амен.

В 1987 г. в Вюрцбурге была обнаружена бесценная находка, хранящаяся теперь в музее Еврейского общинного центра «Шалом Европа»: самое большое в мире собрание надгробных плит (почти 1500, весом 70 тонн) со средневекового еврейского кладбища, такого же, как то, на котором погребены предки Амихая. Один из основателей музея, профессор теологии Карлхайнц Мюллер, много лет отдавший работе над текстами надгробий, подарил поэту фрагмент мацевы*.

КАМЕНЬ

На моём столе лежит камень, на котором написано «Амен», –
Обломок надгробья с еврейского кладбища,
Разрушенного почти тысячу лет назад в городе, где я родился.
Единственное слово – «Амен» – глубоко отпечталось в камне.
«Амен» – тяжело и бесконечно над всем, что было и никогда больше
не вернётся.

«Амен» – мягко, как в молитве.

«Амен» – да сбудется Его воля!

Надгробье разбито. Слова исчезают и забываются.

Губы, что произнесли их, превратились в пыль.

Что однажды было сказано, умирает, как люди.

Другое же сказанное – воскресает.

Боги изменяются в небесах. Боги появляются и исчезают.

Молитвы остаются навсегда.

И хотя мне известно обо всём и о конце дней тоже,

Этот камень на столе дарит мне спокойствие.

Он – камень истины, которая не меняется.

Камень мудрости – мудрее любого философского камня.

Обломок разбитого надгробья,

Он всё же полнее, чем любая беспредельность.

Камень – свидетель всех событий, что произошли с незапамятных
времён,

И всех, что ещё произойдут в вечности.

Камень благословения и любви.

«Амен, амен» и да сбудется Его воля.

* мацева – надгробье.

РОСКОШЬ

Мой дядя похоронен в Шейх Бадере в Иерусалиме.
Другой мой дядя пал в Первой мировой войне,
И его прах развеян в Карпатских горах.
Мой отец – на Синедрии, в Иерусалиме,
Моя бабушка – на Масляничной горе.
А их родители лежат на полуразрушенных еврейских кладбищах
В Нижней Франконии, между лесами и ручьями.

[294]

Д и П / 2018

Дедушка, дедушка,
Владевший еврейской, глазастой коровой,
В хлеву под кухней.
Ты вставал в четыре каждое утро,
Это от тебя я унаследовал привычку рано просыпаться.
Со ргом, ещё полным горечи от ночных страхов, лелею
И оберегаю я мои недобрые сновидения.

Дедушка, дедушка, главный раввин моей жизни,
Продай мои боли, как дрожжевой хлеб,
Что продавал ты накануне Песаха;
Так, чтобы боли оставались со мной,
И продолжали саднить, но больше мне
Не принадлежали, не оставались в моём владении.

Так много надгробных камней разбросано в прошлом моей жизни.
Имена, высеченные на них, как названия
Покинутых железнодорожных станций.
Как же я смогу их, столь отдалённые,
Обойти
Как смогу всё связать между собой? У меня нет средств,
Чтобы содержать такую дорогую железнодорожную сеть: это
роскошь.

Леонид Бердичевский

Сидиш

Итцик Мангер

(1901 – 1969)

[295]

Я - ОСЕНЬ

Я – осень, мчусь к себе домой.
Отары чёрные овечек,
в хлеву рассыпавшись, беспечно,
спят на соломе золотой.

Что небу звёзды говорят?
Что яблоне нашепчет ветер?
Кого в пути прохожий встретит –
ему подарит беглый взгляд?

Я – молчаливый царь земли.
Я – этой осени хозяин.
Я ею нынче развлекаем.
Я ей дорогу устелил.

На флейте я сыграю ей:
– Иди, твори, шути разумно,
неспешно и почти бесшумно.
Я – грусть шагов, твой апогей.

– Взгляни. Сверкает каждый круг,
цвет жёлтый в дрожь бросает тени.
Игривый ветер, – вдохновенье,
хоть рыже-жёлтым стал он вдруг.

Прядёшь рубашку из дождя,
Марфуша, словно ты цыганка.
Взялась за это спозаранку
ты, – в ритм весёлости войдя.

Тебе я яблоко дарю,
коралловые бусы тоже,
и платье, – с облаками схоже,
восхода красную зарю.

Спешу, не забывай, трудись,
а впрочем, ты всегда в работе,
без лени, на высокой ноте,
то вверх паря, то снова вниз.

– Спешу, как я к тебе спешу,
играя на осенней флейте.
Вы лишь прислушаться сумеете –
её с собою я ношу.

Сонеты Итцика Мангера

1. БРОДЯЖЕСТВО

Ты в парке спишь, как подлинный святой,
со святостью превозмогая бремя.
Кусает ветер, робко тает темень,
тебе приснилось, вроде ты – Святой.

А дома еженощно скачет время,
любовь – во сне, перехлестнув волной.
Натянешь шляпу с золотой канвой,
в домашних туфлях мчишь, в дороге дремля.

А над тобою – облака с дождём,
то ль с братом, то ли с преданным дружкой
бежишь, петляя улицей кривою.

И вместе вы, – баллад осенних, звук.
Споёте, слыша сердца перестук, –
вас ими Итцик Мангер удостоил.

2. НЕЗНАКОМЕЦ

Он выходит из стен. Он из ночи и ветра.
Он вздохмачен. Кивок головы утомлён.
Он – из осени лист, хоть дрожит, возбуждён.
Нюх бродячей собаки. Он чует сквозь метры.

Днём желает, как филин, он видеть свой сон
розоватый, – иного не чувствует цвета.
Исключая вопрос, всё равно ждёт ответа.
Он зигзагом спешит, словно сам ветрогон.

Я стремлюсь поскорей уложить его спать, –
ведь уже за окном моим полночь мрачнеет,
и толкает часы, без оглядки, бежать.

Я гляжу на него. Он как будто в дурмане, –
растворился мой призрак. Устал он сверкать...
Звёзды место нашли на свободном диване.

3. ПРОСТИТУТКА

Ноябрь. Сумрак. Освещён бульвар.
Скучает лейтенант. Дождь морозящий.
Красотки взгляд томительно-маящий, –
их тени застилают тротуар.

Встречаются глаза их чаще, чаще.
В его груди – желания пожар.
«Не завернуть ли, лейтенант, нам в бар?» –
вопрос её зовущий, но просящий.

Бар. Музыка. Каналья-дирижёр,
он в смокинге. Он всем несёт задор –
минора и мажора перепады.

Запенилось шипучее вино, –
для встреч подобных создано оно, –
к картине этой, в дополненье, взгляды.

[297]

Д и П / 2018

Леонид Бердичевский

4. МАРТОВСКИЕ КОТЫ

Коты на крыше. Март. И звёзд недвижим отчерк.
И звуков острый писк мышинных серенад.
Бог арфу теребит, нарушив звукоряд.
Зелёные глаза рассыпаны по ночи.

[298]

В возне и шуме наслажденья наугад.
Кровь яростно кипит и бьётся в пульс височный,
И жадность тел к совокупленью рвётся срочно.
Дрожь лихорадочней, сильнее во сто крат.

Коты на крыше. Март. И точно знает ветер
Агонии волну. Её он сладость метит
От тела к телу, возбудив мои мечты.

Об этом знаешь ты, и как голодный пёс,
Когда мой стих ко рту, ты, словно кость поднёс
И с ним наедине в март окунулся ты.

5. СТАРЫЕ ЕВРЕИ

Евреи старые рядами в синагоге.
В разлёте бороды, и кудри прячут лбы.
Прощенье просят все у Бога и судьбы,
у предков, что давно покинули дороги.

Вспотели. Напряглись от времени гоньбы,
хотят библейские усвоить диалоги.
Изнемогая, шепчут, – их молитвы строги.
И Богу воздают за жизни похвальбы.

Вот, первый Рабби говорит, затем – второй
и третий мчит, как по дорожке беговой:
«Я возражаю. Я своё имею мнение».

Евреи старые отбрасывают тень
свою, на свечи, и на каменность стен, –
но к общему, никак, им не прийти решенью.

6. СИЕСТА*

Летний полдень. Рынок спит непринуждённо,
даже фрукты глубже в короба нырнули,
облака на кирхе, и они вздремнули,
спит, под звона грусть, еврейская мадонна.

На небе лучи от сна лишь улизнули,
изучают фрукты, что болтают сонно,
мухи синие жужжаньем будят стоны, –
в летний полдень, вроде, все себя вернули.

И торговки снова с криками, на рынке,
предлагают фрукты, что лежат в корзинках,
шлёпают детишек, и считают деньги.

Облака проснулись, понеслись в дорогу,
но усталость гложет девкой босоногой
в вышитой сорочке. Пережить им день бы.

*Сиеста (исп. siesta) – послеобеденный
отдых в жаркое время.

Я - ТРУБАДУР

Я – трубадур препятствий и ветров.
Мы все стоим у вечного предела
И машем красным мы: «Adieu!».
Несчастье наше, – это наши звёзды.
Мы от себя уходим в никуда,
Прежде, чем дозреет икра.
Прежде цветов, лепестки не открывших.

Я– трубадур препятствий и ветров.
Хотите вы рождать лишь красоту в подвале?
Мы все утомлены, мы все устали
От звёзд, от песен и от тел своих.
Понуро движемся к своим воротам,
Прежде, чем дозреет икра,
Прежде овса, не готового к срезу.

[299]

Есть тишина и блёклость от икон.
Летим куда-то мы сентябрьской ночью,
А за углом родные, неизменно,
Напоминаная нам, стучатся робко,
Что жизнь ошеломляет всех сюрпризом,
    Прежде, чем дозреет икра.
    Прежде овса, не готового к срезу.

Хотите шёпотом услышать вы слова,
В безгрешной темени, чтобы они звучали?
Навстречу с ними полететь к звезде,
И после падать снова на колени?
Всем, безусловно, всем,
Познать ошеломленье жизнью,
    Прежде, чем дозреет икра.
    Прежде цветов, лепестки не открывших.

СУМЕРКИ

Укрылись сумерками кроны,
И ночью птицы не поют.
Лесной массив нам сон приносит.
Направлен к звёздам птиц полёт.

В тумане жертвою фигура
Хранит тепло отцовских рук.
Зимой звёзды очень остры,
Но дрожь их, вроде бы, молнит.

Всё для тебя, прекрасный Ангел, –
Дыханье у тебя в руке.
Мечтательны мы в пору страха, –
Преследует он нас всегда.

Свет сохрани топор повисший
Нам угрожает неспроста,
Он жертвой нас своей считает,
и ненавидит ни за что.

Стремятся звёзды утром книзу,
В сонливость осень бросит нас.
По-ангельски ведём беседы,
Мы юны, – есть у нас отцы.

Нам дети библию читают.
Увы, топор в руке тяжёл.
Сонь точит вдесятеро больше,
Спасенья ждём, – чтобы пришло.

[301]

Укрылись сумерками кроны,
И ночью птицы не поют.
Лесной массив нам сон приносит.
Направлен к звёздам птиц полёт.

Иллюзия не отпускает,
Оставив голубой фонарь.
Звезда цветёт, – ей подобает,
Чтоб свет был вечен на земле.

Моисей Тейф

(1904 – 1966)

АННА ФРАНК

Над планетою ночь высоко,
там и птицам летать нелегко.
Анна Франк там поёт, кружится,
и Голландии спать не даёт.
Посмотрите, как она пляшет,
а в руках Менора на страже.
– Анна, – я кричу, – пободрее,
Минора пусть печаль развеет,
и согреет собой наш народ.

Песня Анны под мягким снегом,
то спокойней звучит, то – бегом,
продолжая течение дня.
Ханука в золотистых бликах, –

для евреев праздник великий,
он пришёл из волшебного сна.

Рядом слышен плеск океана,
нам его усилила Анна,
звонкой песней и танцем своим.
Амстердам на улицы вышел,
Менора осветила крыши, –
танец Анны кружится по ним.

Посмотрите вот, Анна – рядом
улыбаясь, с открытым взглядом
по планете парит, жива.
Всё поёт она, всё танцует,
вместе с ней планета ликует, –
всё нашли «Дневника» слова.

Белла Лурик,
Виктор
Майрановский

Аннотация к книге
В. Г. Майрановского

**«20 лет уникальной деятельности еврейских
иммигрантов-учёных в Берлине, 1996 – 2016»**

*(V.G. Mairanowski: «20 Jahre einzigartiger Aktivität
eingewanderter jüdischer Wissenschaftler in Berlin 1996-2016»)*

В 1990-е годы Германия стала принимать еврейских эмигрантов из бывшего СССР. Среди них значительную долю составляла интеллигенция с высоким образовательным уровнем: учёные, инженеры, преподаватели, врачи и другие специалисты. В то время, после падения Стены, в Берлине сложилась необычная ситуация. Закрывались исследовательские институты. Уровень безработицы резко поднялся. В этих условиях иммигранты старше 50 лет практически не имели шансов найти работу. Но смириться с пассивной ролью учёные не могли. Энтузиасты инициировали создание Научного общества (WiGB) при Еврейской общине Берлина – оно стало первым объединением такого рода в послевоенной Германии.¹

Научное Общество было организовано при участии Центрального Благотворительного фонда евреев в Германии (ZWST), в лице руководителя Берлин-Бранденбургского отделения Иосси Варди. Все эти годы работа Общества высоко ценилась и поддерживалась руководством Еврейской Общины Берлина. С особой теплотой мы вспоминаем недавно скончавшегося д-ра Александра Бреннера, бывшего Председателя Правления Общины. Мы помним поддержку, оказанную членами Правления: Фредди Гроссом, Михаэлем Ребо, и другими. Сегодня мы выражаем свою благодарность Председателю Правления д-ру Гидеону Иоффе и руководителю интеграционного отдела Ханнелоре Альтман (Vorstandsvorsitzenden Dr. Gideon Joffe und der Dezernentin

für Integration Frau Hannelore Altmann) – выпуск этой книги был в значительной мере financирован также из средств Общины. Несколько проектов мы смогли осуществить благодаря поддержке Центрального Совета евреев Германии. Так иммигранты из бывшего СССР смогли вести и дальше активную научную и педагогическую деятельность в новых, необычных условиях.

Со времени возникновения Научного Общества прошло двадцать лет. Эта книга – о людях Общества и о том, что было сделано за эти годы. Менялись условия, корректировалась и программа работы. Но основные, принципиальные установки оставались неизменными. Они вытекали из понимания состояния людей, многие годы занимавшихся наукой, изобретательством, преподаванием и оказавшихся в огромном мире университетов и фирм, в котором им нет места, а также из желания найти пути применения их интеллекту, опыту и знаниям.

Большое число включённых в текст иллюстраций должно дать наглядную картину: эта книга – одновременно дневник многолетней научной и педагогической деятельности уникального коллектива энтузиастов.

Научное Общество *WiGB* при Еврейской Общине Берлина

Купол золотится – купол восстановленного здания Новой синагоги на Ораниенбургерштрассе. «Новой...» В этом году синагоге исполнилось 150 лет, этот юбилей широко отмечался. Строительство её (архитекторы Э. Кноблаух, А. Штюлер), самой большой в Берлине и во всей Германии, началось в 1859 г.; в церемонии освящения участвовал Бисмарк – тогда Министр-Президент Пруссии.

Текла размеренная жизнь внутри и вокруг синагоги, в этом традиционно еврейском районе Mitte, центральном районе города. Знаменитый немецкий учёный Александр Гумбольдт жил на этой улице с 1848 г. до конца жизни. И Эйнштейн бывал здесь – в январе 1930 г. в сопровождении синагогального органа исполнял скрипичную партию баховского концерта на благотворительном музыкальном вечере (средства шли в помощь еврейским студентам). Здание Новой синагоги, уцелевшее во время ноябрьского погрома 1938 г. благодаря решительным действиям полицейского, было разрушено при бомбежке Берлина в 1943 г.

Это место хорошо известно берлинцам и многочисленным туристам. Купола здания видны издалека; в перспективе Ораниенбургерштрассе серебрится сфера телебашни. Золото прошлого, серебро сегодняшнего города.

В 1995 г. в здании Новой синагоги начал работать Центр иудаики –

одновременно музей, архив и место проведения интересных выставок. И в январе 1996 г. в здании Новой синагоги обосновалось Научное общество.

Кого оно объединяет? Можно ответить так: члены Общества – это еврейские иммигранты из бывшего СССР, имеющие высшее образование. Но такой ответ слишком формален. Он не вмещает в себя всё многообразие характеров и судеб тех, чьи пути сошлись в этом необычном сообществе; сведения о некоторых членах Общества приводятся в книге в разделе «Персоналии».

[306]

Д и П / 2018

Краткая информация.

Научное Общество *WiGB* при Еврейской Общине Берлина, официальная дата основания 16 января 1996г., название *WiGB* с 1998. Работает на добровольной и безвозмездной основе, организационные и издательские расходы финансируются Общиной. Основные направления – научная, изобретательская и педагогическая работа. Создание Общества было поддержано Центральным Благотворительным фондом евреев Германии, инициатором и первым председателем был профессор, д.т.н., Ян Беленький. С 1998 года Научное общество возглавляет к.х.н., (Dr.-Ing. Chem.), Белла Лурик; руководитель Семинара, с начала работы Общества – проф. д.х.н., (Prof. Dr. Chem.), Виктор Майрановский. Число членов Общества в разные годы: 40 – 80 человек, среди них доктора и кандидаты наук, профессора, члены российской, американской и др. академий, руководившие лабораториями и предприятиями.

Научное общество *WiGB* награждено почётными грамотами, является победителем Всегерманского Конкурса 2004 г., проводившегося государственным «Союзом за демократию и толерантность» («*Bündnis für Demokratie und Toleranz*»).

Цели и основные направления деятельности

Коротко говоря, целей три: содействие интеграции еврейских иммигрантов-учёных; вхождение в еврейскую жизнь; педагогическая и образовательная работа с молодёжью.

Это и определило направления работы Общества:

– Научная и изобретательская деятельность; издание научных трудов; проведение семинаров и конференций; совместная работа с коллегами из других городов; установление рабочих контактов с немецкими научными учреждениями, с отдельными немецкими и зарубежными учёными;

– Изучение еврейской традиции и истории;

Гости альманаха

– Передача молодёжи научных знаний, привитие школьникам интереса к науке, развитие их способностей.

Изложение книги построено в той же последовательности, ниже дается краткий обзор этих материалов

Научная деятельность включает издание Сборников «*Abhandlungen der WiGB*» («*Труды Научного Общества*»), организацию рабочих семинаров, коллоквиумов и тематических конференций, также совместно с учёными-иммигрантами из других городов и немецкими учёными; в частности, большое число семинаров, коллоквиумов и конференций мы провели вместе с «*Deutsche Assoziation der Absolventen und Freunde der Moskauer Universität e.V.*» (DAMU) и «*Leibniz-Sozietät der Wissenschaften Berlin e.V. (LS)*».

Вот некоторые итоги. В 3 томе «*Abhandlungen der WiGB*», ISBN 3-926652-49-7, опубликовано 74 научные работы 76-и авторов из 14-ти городов Германии, а также из Израиля и из России. А всего за эти годы членами Общества опубликовано в широкой области знаний – от теоретической физики до медицины, более 30 книг, свыше 200 научных статей, получено 25 патентов на изобретения. Учёные Общества выступали с докладами на многих международных конференциях и выставках.

Участие в еврейской жизни. Внутреннее ощущение принадлежности к Еврейству было стимулом для учёбы, поисков и деятельности. Учёные стали искать и находить следы тысячелетней еврейской жизни в Германии (поездки в различные города, посещение музеев и выставок). Собственная активность Общества проявляется уже в темах семинаров: «Праздник деревьев и вода»; «Заметки по еврейской истории» (с участием автора одноименного проекта Евгения Берковича); «Еврейские интеллектуалы во времена нацизма» (совместно с Prof. Wolfgang Benz, Direktor des Zentrums zur Erforschung des Antisemitismus der Technischen Universität, Berlin); доклады наших ученых на Международном коллоквиуме «*Albert Einstein in Berlin*»; молодёжный эйнштейновский семинар *WiGB* «*Meine Zugehörigkeit zu diesem Volk... ist ein Geschenk des Schicksals*» (Моя принадлежность к этому народу – подарок судьбы); совместная с немецкими учеными конференция «*Albert Einstein in Berlin in der Oranienburger Strasse. 75 Jahre danach*» («Альберт Эйнштейн в Берлине на Ораниенбургер штрассе. 75 лет спустя»); ряд других мероприятий в «Год Эйнштейна». Научное Общество было участником Ярмарки «Еврейская Книга и Образование» («*Jüdische Buch-und Bildungsmesse*»). Совместно с юношеской груп-

пой учёными была издана книга «Jüdische Symbole, Feiertage, Werte» (Das Projekt von HVD, Humanistischen Verband Deutschland, und Civitas, Initiative gegen Rechtsextremismus in den Neuen Bundesländern).

Теме евреев-учёных уделялось особое внимание. Например, были составлены и изготовлены оригинальные стенды «Немецко-Еврейские Ученые» («Deutsch-Jüdische Wissenschaftler»); организован цикл лекций «Deutsch-Jüdische Gelehrte. Ihr Beitrag zur Wissenschaft und ihre Schicksale» («Евреи-учёные в Германии: их вклад в науку, их судьбы»), которые были прочитаны в JSB – Jüdischer Studentenverband in Berlin, затем в Еврейской общине Лейпцига, а также перед немецкой аудиторией в Берлин-Бранденбургском Обществе Зарубежных стран (Berlin-Brandenburgische Auslandsgesellschaft BBAG, Potsdam).

В книгу вошли две публикации членов Общества, посвящённые теме «Евреи в Германии»: Michail Chwartz, «Zur Geschichte der Jüdischen Gemeinde und der Synagoge in Potsdam» (М. Шварц, «К истории еврейской Общины и синагоги в Потсдаме») и Victor Mairanowski, «„Relativ jüdisch“? Die jüdische Herkunft und das Weltbild von Albert Einstein» (В. Майрановский, «*Относительно еврейский*“? Еврейское происхождение и мировоззрение Альберта Эйнштейна); при их написании был использован ряд архивных материалов.

Педагогика, образование молодежи

«Если тебе пришлось преподавать в молодости, то должен ты обучать и в старости...», – эти слова Рабби Акивы, 1 в. н.э., стали нашим лозунгом. В Научном обществе была разработана комплексная педагогическая программа, включавшая индивидуальные занятия по 5-и дисциплинам, семинары, лекции, кружки, тематические экскурсии и олимпиады. Только несколько цифр. За прошедшее время доценты *WiGB* дали более 9000 часов индивидуальных занятий и консультаций школьникам и студентам; провели около сотни семинаров и лекций (следует особо отметить циклы семинаров по физике, по химии, по биологии и генетике, по английскому языку – в том числе с участием нашего «гаст-профессора», студента университета Стенфорд, США), цикл из 10-и оригинальных семинаров с участием студентов берлинских университетов в помощь гимназистам по выбору профессии); 8 Олимпиад по математике и по физике, в которых приняли участие школьники из десяти еврейских общин Германии.

Наши ученики окончили университеты и сами стали специалистами в самых различных областях: в науке, в технике, в бизнесе; в книге приводятся их письма.

Как уже отмечалось, среди почётных наград, которыми была отме-

чена работа Научного общества, есть также диплом победителя Конкурса Германского Союза за демократию и толерантность – *Urkunde für Engagement und Zivilcourage von Staatlichem Bündnis für Demokratie und Toleranz (BDT)*. Диплом был вручён Научному обществу в Красном Ратхаузе Берлина (*Berliner Roten Rathaus*). Передавая его, Председатель Комиссии профессор Барбара Ион сказала: «Решение конкурсной Комиссии вытекало из неординарности предпринятой инициативы: Привлечение иммигрантов-учёных к дальнейшей научной деятельности; передача знаний молодому поколению; установление контактов между еврейской и нееврейской молодёжью; способствование организации подобных организаций в других городах Германии»².

Целью книги «20 Лет уникальной деятельности еврейских иммигрантов-учёных в Берлине, 1996 – 2016», аннотация которой приводится в Альманахе «До и После», является отражение многообразной деятельности Научного общества WiGB при еврейской Общине Берлина.

---

¹ Интересно, что в конце 19 века в Берлине эмигрантами из России было создано *Российско-еврейское Научное общество*, в которое вошли будущие руководители сионизма – в их числе *Генрих Лёве*, *Лев Моцкин*, а также *Хаим Вейцман* – впоследствии профессор химии, основатель Иерусалимского Университета и первый президент Израиля.

² „Die Entscheidung der Kommission wurde von der Ungewöhnlichkeit der vorgestellten Initiative geleitet: das Heranführen der Wissenschaftler-Migranten zur Fortführung ihrer wissenschaftlichen Arbeit; die Weitergabe von wissenschaftlichen Kenntnissen an die junge Generation; die Herstellung von Kontakten zwischen der jüdischen und nichtjüdischen Jugend; die Verbreitung positiver Erfahrungen und Hilfe bei der Organisation ähnlicher Vereinigungen bei Jüdischen Gemeinden in anderen Städten Deutschlands“ (Frau Prof. Barbara John).

Леонид
Березин

КРАБЫ
или воспоминания
о командировке
на Дальний Восток

Вспоминаемые мною события происходили около пятидесяти лет тому назад.

Почти сорок лет я проработал в Центральном Научно-исследовательском институте морского приборостроения. Трудный, непростой путь от инженера-разработчика новой техники до руководителя коллектива. На вооружение Военно-морского флота СССР должны были поступить современные подводные лодки, оснащённые новейшими видами техники, в создании которой наш институт принимал активное участие. Выступая однажды в ООН, Н.С. Хрущёв, обещая показать предполагаемому супостату «Кузькину мать», имел в виду именно эти виды современного вооружения, которыми противник, по нашим данным, не располагал.

Однажды начальник лаборатории полусутоя спросил: «Знаю ли я, как выглядят живые крабы, где они живут, как их добывают, съедобны ли они, и если да, то с чем их едят?» Конечно, в то время, я ничего не знал о крабах. О салате с крабами я узнал только годы спустя. Помню, когда-то прочёл в воспоминаниях Э. Рязанова: «Помню, что банка крабов стоила семьдесят семь копеек. Приходишь в любой магазин, а там – одни крабы. Их не покупал никто. Что это и где это водится – никто ни фига не знал». Неожиданно я обнаружил, что наши ощущения на эту тему совпадают. Об этом и мне захотелось вспомнить: мои познания о крабах ограничивались тем, что я видел на полках гастрономов пирамиды сверкающих консервных банок с загадочным названием «СНАТКА». Спустя какое-то время – пирамиды баночек исчезли. Полки в магазинах опустели.

В начале шестидесятых годов прошлого века летим с коллегой в командировку из Ленинграда в Приморский край. Взлёты и посадки – Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск. Все пассажиры выходят из самолёта на время заправки горячим. Мы – уже в другом

часовом поясе, поэтому полусонные болтаемся по залам, коридорам и туалетам аэропортов. И снова – взлёт и посадка. Аэропорт «Артём». Утро. Едем во Владивосток. В штабе Тихоокеанского флота выясняем маршрут следования до места назначения. В бухту «Конюшково» можно попасть двумя доступными путями – морем или по железной дороге. Катером через бухту дорога заняла бы сорок-пятьдесят минут. Но где его взять? Мы – не инспекторы высокого ранга... Мы – представители отраслевой науки и промышленности. Наша задача – лишь помочь персоналу войсковых частей быстро и без потерь изучить и освоить новую технику. На заключительных этапах необходимо всё проверить в реальных условиях. Чтобы добраться до места назначения остаётся только один вариант – местный паровик, который нас туда доставит.

В оставшееся до отправления время знакомимся с городом, его памятниками, краеведческим музеем. Впечатления от увиденного и услышанного больше отрицательные, чем положительные. Всё выглядит очень провинциально. На вокзале стоял состав, сформированный из вагонов таких моделей, которых мы давно не видели – настоящая историческая находка для любителей экзотики. О, ужас! Народу столько, «яблоку негде упасть» – местные жители, закончив рабочий день, едут домой. Вдруг со стороны перрона раздался колокольный звон. Много лет не приходилось слышать такой сигнал к отправлению. Поезд тронулся. Не успел отзвучать звон станционного колокола, а поезд уже остановился. Каждые пять, десять минут – очередная остановка.

Приблизительно через час размеренной езды между морем и сопками, между цивилизацией и почти полным её отсутствием, в вагоне появилось много свободных мест. Прошёл ещё час, и вагон опустел. Остались только мы одни. Через шесть часов мы прибыли на станцию назначения – в бухту «Конюшково». Дальше поезд не идёт. Край Земли! Скромный перрон, вывеска едва заметна. Через пару сот метров в наступивших сумерках показалось одноэтажное деревянное строение. Это – единственная на всём побережье гостиница «Приморская». Никаких элементарных удобств. Командировочные не зря дали ей очень меткое название «Бухенвальд».

Нам предстоит прожить здесь целую вечность. Больше всех рад нашему появлению коллега по работе, которого мы сменяем. Он познакомит нас с состоянием работ на объектах и полетит домой. Так называемый номер – небольшая комнатка на троих. Три железных койки, прикроватные тумбочки, табуретки, стол. Под потолком болтается одинокая лампочка. Ни телевизора, ни радио. В такой серьёзной командировке специалисты не должны отвлекаться от выполнения главной задачи. Удобства – в коридоре и на улице. Завтрак и обед – весьма

ограничен и не очень съедобен в единственной на всю округу закуской.

Однажды услышал от старожилов – специалистов из других городов: «Сразу пойдём в «Бухенвальд» или заглянем в магазин?» Заходим в сельпо. Рядом с тканями, платьями – валенки, спецодежда, сельскохозяйственная утварь, инструменты, скромная парфюмерия – одеколоны Шипр, Тройной, разные духи. Продуктовая часть прилавка не вызывает положительных эмоций. Продавец с интересом разглядывает свежие лица: «Откуда взялись? Надолго ли пожаловали?» Зайдя в этот магазин через несколько дней, увидели опустевшие полки. Исчезли даже пробные духи. Наивные подумали бы, что здесь так много молодых женщин, и потому так высок спрос на эту продукцию. На самом деле – в этом краю уже несколько лет действовал «сухой закон» – в продаже не было никаких крепких и даже креплёных напитков.

Невдалеке от «Бухенвальда» – «Городок подводников», где тоже в силе «сухой закон». «Городок» этот – возникший среди сопки посёлок – полтора десятка пятиэтажных зданий, в которых живут офицерские жёны с детьми и семьи сверхсрочников. Есть там магазин с пустыми полками, школа начальных классов, детская площадка, баня с паром, дубовыми вениками и поочерёдным составом моющих. В расписании определены женские, мужские и семейные дни помывки.

Помимо банных дней – дни учений и боевых тревог, дни политзанятий. Мы думали, что этот распорядок к нам не относится. В один из дней пошли к морю. Погода выдалась солнечная. Вода чистая, прозрачная, тихо плещется о каменистый берег. Рассматриваем прибрежную живность: улиток, рачков, морских петушков, ракушки. Укромная бухта располагает к моржеванию – исключительно редкая возможность выкупаться в Тихом океане посреди зимы. Начинаю раздеваться. Но не тут-то было. Откуда ни возьмись в поле зрения появились патрули со стороны сопки и со стороны моря. Офицер и два солдата, старшина и два матроса: «Кто такие? Ваши документы?» – «С собой нет. Мы командировочные специалисты, приехали помочь, живём в местной гостинице». – «Разве не знаете, что сегодня и завтра объявлен режим тревоги? Немедленно собирайтесь! Следуйте за нами!» Нас задержали на пару часов. С трудом разобрались, кто мы такие. Отпустили, но с внушительным выговором и с предупреждением впредь не нарушать режим. Постепенно мы усвоили правила местной жизни и службы, перезнакомились с жильцами «Бухенвальда», специалистами из других городов.

Приближался праздник. Здесь, на краю земли, сам воздух был им пропитан – 23 февраля – «День Советской армии и Флота». Именно в

феврале 1918 г. части Красной гвардии под Псковом и Нарвой остановили успешное продвижение немецкой армии на молодую Советскую республику.

Итак, праздник на пороге, но действует «сухой закон». Какой же может быть праздник у командировочных «на сухую»? Старожилы подсказали – на ближайшем от нас острове «Путятин», названном в память о генерале Путятине, этот закон не действует. Но как туда добраться? Ленинградцы – особый народ, – находчивый, инициативный, всегда могут найти выход. Идём к морю. Обстановка обнадеживающая. Несколько человек, полные ожидания и надежд, ходят кругами. У пирса причалена шлюпка с подвесным мотором. А вот и капитан приглашает занять места на борту утлого судёнышка.

Волны небольшие. Ветер около трёх баллов. Продувает, качает, укачивает. Через полчаса сходим на берег. Случайные попутчики разбежались, мы, впервые попав на остров, хотим ознакомиться с достопримечательностями. Одну из них найти нетрудно – по резкому запаху находим дорогу. Подход к клеткам с маленькими зверьками свободный. Идём вдоль длинных рядов клеток с юркими, шустрыми норками. Разводят их здесь и выращивают по несколько тысяч штук в год. Настало время кормления зверьков. Сотрудники зверофермы кормят животных в основном рыбой местного улова, похожей на мелкую треску. Трудно понять, как совместить такой приятный, пушистый, сверкающий дорогой мех этих зверьков с таким неприятным запахом, распространяемым фермой на всю округу.

С погодой в этот день повезло. Освежающий ветерок, умеренный мороз. Солнце светит ярко. Снег сверкает, над нами высокое голубое небо. Впереди – корпуса рыбоконсервного комбината. Ворота открыты. Мы спокойно прошли в один из цехов. Работает конвейер по производству шпрот. По обе стороны конвейерной ленты – работницы в белых халатах и косынках. На наших глазах на движущейся ленте появляются хорошо знакомые консервные баночки с деликатесной закуской. Благодарим начальницу цеха за экскурсию и выходим на улицу.

Далеко на горизонте появилась тёмная точка. С увеличением точки и постепенным её превращением в очертания судна, на всей территории комбината стали появляться люди, направляющиеся к пирсу. Мы заспешили к причалу. Рыболовецкий траулер медленно подошёл к пирсу и начался процесс швартовки. Судовой матрос с полубака ловко набросил носовую чалку¹ на кнехт², установленный на пирсе. Траулер подтягивается вплоты к стенке пирса. Рыбаки-матросы начинали выгрузку улова. Прямо в трюме – загрузка судового ковша-авоськи. Ковш с уловом поднимается высоко над бортом и огромная сетка в

несколько сот килограмм раскачивается над бункером. Напряжённое зрелище. Кажется, вот-вот что-то произойдёт. Верхняя часть бункера представляет собой грубо сколоченный деревянный квадратный ящик, примерно размером два на два метра и высотой полтора метра. Изнутри бункер покрыт оцинкованным железом. Нижняя часть бункера сужается на конус и завершается выходным отверстием сравнительно небольшого диаметра. Прямо под ним начинается соединительный лоток. Матрос, стоящий у бункера, по команде с судна быстрым ловким движением выдёргивает чеку, сетка открывается, и её содержимое мгновенно устремляется в бункер и далее по наклонному длинному деревянному лотку-жёлобу, обитому жёстью, перемещается в разделочный цех.

У разгрузочного бункера собрались любители порыбачить. У многих рыбаков в руках оказались необычные удочки. Это просто палка длиной 70-80 сантиметров с гвоздём на конце. Каждый так называемый рыбак стремится занять место поближе к горловине бункера. Народ активизировался и, расталкивая друг друга, стал располагаться с обеих сторон жёлоба, чтобы успеть первым проткнуть гвоздём добычу: схватить лакомый кусочек, камбалу невиданных размеров и красоты, ставриду, пикшу, тихоокеанского краба и другую съедобную снедь. Важно успеть мгновенно бросить добычу в сумку, пока не появилась охрана.

У нас удочек не было, но надежды мы не теряли. С интересом наблюдая за процессом выгрузки и азартной ловлей местных рыбаков, мы должны были быстро найти правильное решение. Неожиданно наш коллега достал из сумки пол-литра «Московской» и обещающим жестом показал бутылку капитану, сказав, что мы из Ленинграда и находимся здесь в командировке: «Нам хотелось бы поймать немного живых крабов!» – «Ах, вы из Питера? Так что же вы стоите и молчите?» Капитан скомандовал: «Прыгайте быстро в трюм! Будут вам крабы». Наш коллега быстро оказался в трюме. Матросы вилами продолжают загрузку следующей сетки, не забывая при этом ловко вылавливать и отбрасывать на палубу судна нужных нам крабов.

Можете себе представить этих крупных крабов с панцирем более двадцати-тридцати сантиметров в диаметре, с огромными шевелящимися клешнями и четырьмя мясистыми, сильными, мохнатыми лапами. Живых, шевелящихся крабов, прямо из моря, видим впервые в жизни. Что делать с ними дальше, мы не имели ни малейшего представления. Увидев наше недоумение, капитан велел нам быстрее идти в разделочный цех – там, несмотря на выходной день, найдутся люди, которые охотно помогут.

В цеху нас встретила средних лет женщина, одетая в резиновые сапоги и огромный клеёнчатый фартук. Через несколько минут станет понятно, зачем нужна такая спецодежда. Мгновенно из сетки все крабы полетели в огромный чан с морской водой. Затем женщина взяла в руки шланг большого диаметра, опустила один его конец глубоко в чан и открыла вентиль с горячим паром под высоким давлением. Минуту спустя вода в чане забурлила. Цех наполнился густым солёным паром, дышать стало трудно. Мы едва могли видеть друг друга. Такое активное кипение-бурление в клубах пара продолжалось минут десять, пятнадцать, пока панцирь у крабов не поменял цвет и не стал тёмно-красным. Подача пара прекратилась, и наша спасательница, ловко орудуя ковшом-сеткой, начала вылавливать из чана крабов и выбрасывать их прямо на бетонный пол. Шлангом с холодной пресной водой каждый краб был тщательно промыт сильной струёй. Извлечённые внутренности тут же выбрасывались в отходы, и почти готовая продукция откладывалась в сторону. На полу в одном ряду лежали тёмно-красные панцири, из-под которых в разные стороны торчали клешни и лапы.

Работница рассказала, что обычно свежие крабы аккуратно укладываются в картонные упаковочные коробки с красочной, фирменной этикеткой, запечатываются и летят в Москву, прямо в Кремль. В пути-ну – специальное время лова крабов, расфасованные таким образом крабы идут на заморозку в холодильники. Затем, как редкий дальневосточный деликатес, разлетается в разные концы света. Теперь и мы получили возможность полакомиться натуральным морским продуктом.

Зимний день короток. Солнце клонится к закату. Мороз крепчает. Наш катер качается у причала на морской волне. Желающих вернуться на Большую землю становится всё больше, а рулевого всё нет.

Не теряем надежды на возвращение в наш «Бухенвальд», продолжаем поиски матроса-рулевого.

Вскоре нашёлся умелец, которому мы доверились. Катер быстро наполнился пассажирами, отчалил от пирса и, слегка покачиваясь на волнах, вырулил на морской простор. С наступлением темноты мы вернулись в гостиницу. Наши коллеги из Москвы, Саратова, Уральска, Уфы, ждали нас с большим любопытством и нетерпением. Всем хотелось узнать о результатах нашей вылазки на остров. В первую очередь, действительно ли там не действует «сухой закон»? И, во-вторых, что же мы привезли? Ко всеобщей радости мы выставили поллитровки «Московской» и выложили целую грудку варёных крабов. Наша добыча – впечатлила. Что дальше? Как обработать этот полуфабрикат, чтобы превратить его в закуску? Все растерялись. Никому из нас ранее не приходилось встречаться с приготовлением такого оригинального

блюда. А в американских ресторанах никто из нас ещё не бывал. Хотя, много лет спустя мы узнали, что там подают на закуску почти аналогичное блюдо – лобстеры, приготовление которого тоже требует «спецодежды», по крайней мере передника и инструмента.

Мы обратились за помощью к местным жителям и были удивлены их находчивостью. Нам дали самые примитивные инструменты: молотки, отвёртки, ножи и миски для складывания добытой из лап и клешней мякоти крабов. Поднялся стук и скрежет, работа закипела, и миски стали быстро наполняться нежнейшим бело-розовым мясом.

Нам рассказали, что, кроме салата «Оливье», с ним можно приготовить яичницу, поджарить с картошкой, смешать с отварным рисом или макаронами. Список блюд дальневосточного меню не имел границ. За неимением необходимых ингредиентов, мы впервые в жизни закусывали натуральным продуктом.

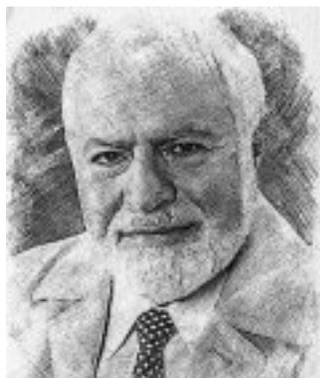
Праздник продолжался до поздней ночи. Часть добычи мы подарили нашим советчикам и помощникам. Любителям воспоминаний раздали несколько штук панцирей крабов на память о нашей совместной работе и дружном праздновании дня Советской Армии. Разлетелись панцири в качестве сувениров по разным городам страны.

Много лет в моём рабочем кабинете висел на стене подчищенный и отлакированный красивый панцирь тихоокеанского краба. Каждый раз, взглянув на него, я невольно вспоминал тихоокеанские просторы, непростую службу военных моряков и рыбаков, Владивосток, уютные бухты, прибрежные сопки, поросшие низкорослыми дубками...

---

¹ Причальный канат или трос для причаливания речного судна;

² Тумба на причале для крепления тросов.

[317]

Д и П / 2018

Борис Шапиро

* * *

Метафора, зерно метаморфозы,
Но прорастает вдруг, вибрируя, дыша,
И, куклу тела разрывая грёзой,
Летит, порхает бабочкой душа
Метафоры – начало превращения,
Когда на прежнее уже не станет сил,
И смерти нет, и вместо погребенья –
Преображение – следующий цикл
Метафор кратких, словно однодневки
В лесу весеннем свадебный полёт,
Но странен лес – не дерева, а деревки,
А в форме куколки она одной живёт
Метафорой – ни тени перемены,
Ей неподвижность кажется милей,
Наверное, надёжней новой сцены:
В спектаклях этих что ни акт, то злей
Становится метафора вопроса
О будущем – искусство вопрошать
Всё дальше в прошлом,
Впрочем, все прогнозы
Ошибочны, и остаётся ждать
Метафору надежды.
Где-то близко

Метафора надежды и любви,
И полог лёгкий звёздами обрызган,
И в горлах ком сглотнули соловьи,
И кто-то взглянет
Вдруг прозревшим оком:
В громадной мельнице от неба до земли
Из тихой глубины
Хрустального ковша Большой Медведицы
Низринется потоком
Надежда, бабочка, душа,
Но глыба неба крутится без проку.
А у черты вдали
Проходит, не спеша,
Кораблик, мотылёк,
И видят сон матросы:
Висит над мачтой, искрами меча,
Предгрозовой огонь голубоватой розой,
Мерцанье, мрак, мечта,
Метафора, зерно метаморфозы.

Леонид Данцигер

БАБИЙ ЯР И КУРЕНЁВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

[319]

Д и П / 2018

Это случилось пятьдесят семь лет назад в Киеве. Мне было тридцать три года. Я жил тогда в частном секторе недалеко от психиатрической больницы имени Павлова, где снимал временное жильё. В тот день по пути на работу я, как обычно, подошёл к трамвайной остановке на улице им. Фрунзе, недалеко от стадиона «Спартак».

Не обратив внимания на мокрую мостовую, сел в переполненный трамвай, не подозревая, что случится здесь через несколько мгновений... Приехав на работу, узнал о случившемся... Отпросившись, я бросился к такси – хотел добраться до своего дома. Мысли о жене и маленькой дочери, оставшихся дома, который находился недалеко от разыгравшейся трагедии, не давали мне покоя. Однако, мне не удалось добраться до них – район трагедии уже был оцеплен солдатами.

Только вечером, с трудом добравшись до дома, я с облегчением узнал, что мои родные в безопасности – трагедия обошла нашу времянку стороной. Провидение пощадило и меня, и мою семью.

В четверг, 13 марта 1961 г., в 6:45 утра, начала разрушаться дамба, перекрывавшая **Бабий Яр***. В него уже более десяти лет сливали пульпу – сточные воды с Петровских кирпичных заводов. Прорвало дамбу окончательно в 9:20 утра: вода, а вслед за ней волна пульпы высотой до 14 метров со скоростью около 5 м/сек хлынула с горы вниз на Куренёвку, убивая всё живое, снося на своём пути здания, людей, столбы электрических сетей, трупы и остатки гробов с близлежащего Копыловского кладбища, переворачивая по ходу весь транспорт, который сталкиваясь – взрывался...

В считанные минуты смесью глины, песка и воды были затоплены стадион «Спартак», депо имени Красина, все здания по улице им.

Фрунзе и прилегающих к ней улиц, парк им. Фрунзе – всё было погребено под громадной толщей глины и песка.

Ситуацию усугубило и то, что вовремя не была отдана команда отключить энергоснабжение, поэтому в трамвайном парке было много погибших от поражения электрическим током.

Произошедшая трагедия унесла жизни от полутора до двух тысяч киевлян. Точных данных нет. Устояло лишь здание больницы Подольского района, на крыше которой, прижимаясь друг к другу, находились пациенты и случайные прохожие, которые успели спастись. На площади около 30 гектаров было уничтожено всё живое. Тела погибших извлекали из затвердевшей пульпы на протяжении месяца. Информация о Куренёвской трагедии подверглась жёсткой цензуре, погибших хоронили на разных кладбищах города Киева и за его пределами, указывая в документах и в надписях на могилах разные даты и причины смерти.

Самолеты «Аэрофлота» в течение нескольких недель после трагедии меняли курс, чтобы пассажиры не смогли увидеть в иллюминаторе истинный размах бедствия.

В тот день в Киеве была отключена междугородная и международная связь. Официальное сообщение о катастрофе было передано по радио только 16 марта.

Произошедшая катастрофа стала символом всей управленческой системы того времени.

Первый шаг к катастрофе Киев сделал за несколько лет до этого. Вот как оценивает причины трагедии историк, Татьяна Евстафьева, один из авторов книги *«Бабий Яр: человек, власть, история»*: Руководство города утвердило проект организации гидроотвалов в отроги Бабьего Яра, решив, что на его месте – *на костях и пепле сотен тысяч евреев, расстрелянных фашистами в конце сентября 1941 г.* – должны появиться улицы и парк «Культуры и отдыха» с аттракционами и танцплощадкой. Будто бы в Бабьем Яру лежали вовсе не уничтоженные фашистами люди...

Бездушная коммунистическая власть не реагировала на тревожные сигналы специалистов в течение многих лет. Не встревожилась власть и в начале марта 1961 г., когда город уже находился на пороге катастрофы – тревогу забили простые киевляне, увидевшие ручейки, текущие по дамбам. Не встревожилась власть до самого момента трагедии, которую потом засекретили на долгие годы.

День 13 марта 1961 г. стал днём крупнейшей в истории Киева техногенной катастрофы. Властями было принято решение не афишировать масштабы трагедии, говорить о которой было запрещено долгие годы.

29 сентября 1941 г. – в урочище «**Бабий Яр**» нацисты начали массовые расстрелы еврейского населения Киева. Именно эта трагедия стала всемирным символом Холокоста.

Войска Гитлера убивали евреев и до Бабьего Яра, но именно Киев стал первым городом Европы, где уничтожили всю еврейскую общину.

Когда 19 сентября немцы заняли Киев – никто из киевлян не знал, что за два месяца до этого Геринг издал директиву об *«окончательном решении еврейского вопроса в Европе»*. Никому и в голову не могло прийти, что именно Киев первым испытает на себе это «решение».

[321]

Первый расстрел пришёлся на 27 сентября 1941 года: тогда убили 752 пациента психиатрической больницы им. Павлова, которая находилась непосредственно рядом с «Бабьим Яром».

На следующий день, 28 сентября по всему Киеву появились листовки со следующим содержанием: *«Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября на угол Мельниковской и Дегтярёвской улиц (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также тёплую одежду, бельё и прочее. Кто из жидов не выполнит это распоряжение и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян»*.

К «Бабьему Яру» потянулся бесконечный людской поток из женщин, детей, подростков, стариков, а также немощных, которые не могли сами передвигаться – их несли на носилках.

Оказавшись в районе, окружённом колючей проволокой и полицией, люди потеряли возможность вернуться назад – ловушка захлопнулась. Продвигаясь дальше вперед, они слышали лай собак и выстрелы, спасения уже не было. «Дорога смерти» начиналась от угла современных улиц Мельникова и Дорогожицкой.

В овраг, глубиной около 25 метров, людей загоняли палками. На противоположном краю их ждал пулемётчик. После того, как овраг заполнялся несколькими слоями тел убитых, их присыпали землей и начинали всё сначала.

Волна расстрелов, начатая 29 сентября, продолжалась непрерывно полтора месяца – до середины ноября 1941-го.

В 1944 году по распоряжению министра внутренних дел Германии Гимmlера в Киеве была создана «команда 1005» для ликвидации следов массового уничтожения еврейского населения.

Были созданы рабочие команды, которые раскапывали Бабий Яр и сжигали трупы.

Долгое время советская власть пыталась замолчать трагедию в «Бабьем Яру», и только после многолюдного стихийного митинга по случаю 25 годовщины трагедии – 29 сентября 1966 года с участием известных диссидентов: Ивана Дзюбы и Виктора Некрасова, о ней начали говорить на государственном уровне. Позже был установлен первый памятник жертвам Холокоста.

[322]

В Куренёвской трагедии часто видят «Высшую кару»: люди решили строиться на костях и пепле сотен тысяч уничтоженных фашистами евреев – и грязевой поток убил живых, превратив в могилы их дома.

Михаил
Эненштейн

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

[323]

В Одессе много парикмахерских, но только в той, что находится на улице Тираспольской, один-два раза в месяц мастера мужского салона не расходились после работы. Они ожидали человека. Он «давал» для них гастроль, как говаривал заведующий.

Кресла для клиентов поворачивались спинками к зеркалам, и на них восседал почти полный состав заведения: сторожа и уборщицы, кастелянша, кассиры, стажёры и сами мастера, в основном – молодые женщины. Все они были ухожены и хорошо одеты. Холёные пальцы, унизанные кольцами и перстнями, не знали стирок и кухни. От женщин пахло дорогими духами и покровительством состоятельных любовников.

Пошептавшись в каптёрке, здесь можно было купить дефицитную коробку конфет, французские духи и многое из того, что не появлялось на прилавках магазинов.

В крайнем кресле сидел заведующий, Михаил Яковлевич Шульман, низкорослый человек с обрюзгшим лицом. Несмотря на все старания мастеров салона, его зачёсанные назад редкие волосы не скрывали большую лысину. Его губы всегда улыбались, а маленькие глазки настороженно, с подозрением осматривали собеседника. Это сбивало с толку большинство его подчинённых. Только старший мастер, Степан Николаевич Царёв, красивый элегантный brunet лет сорока, с лёгкой проседью на висках, единственный обладатель белоснежного нейлонового халата, легко улавливал настроение шефа. Он имел влияние на заведующего и его расположение использовал на благо салона, получая больше парфюмерии и прочих мелочей, необходимых для работы. Злые языки говорили, что расположение начальника было не бескорыстным и стоило мастерам по рублю в день.

Царёв имел обширную клиентуру: чиновников высокого ранга,

женихов перед свадьбой, дельцов разного калибра и даже директора «Привоза». Все они обслуживались вне очереди, остальные – по записи, но всё равно приходилось томиться в ожидании по несколько часов.

По случаю представления заведующий выписал на салон лишнюю бутылочку дефицитного одеколona «Шипр». Такой жест стоил ему больших усилий – Шульман был человеком прижимистым и расточительства в своём хозяйстве не допускал. «Гастроль» ожидали не только работники заведения, но и я – один из последних клиентов. Ожидая «артиста», все весело переговаривались, шутили и посматривали на часы. Словом, вели себя так, как ведёт себя публика в цирке перед выходом шпрыхсталмейстера. В дверь постучали.

– Арик, – всполошилась уборщица тётя Варя и пошла открывать.

– Вам бы такую пунктуальность, – ухмыльнулся заведующий.

Арик – высокий, худой, плохо одетый человек лет пятидесяти, поздоровался и, ни на кого не глядя, прошёл в угол салона. Он снял пиджак, фуражку и бросил их на свободный стул. Сквозь расстёгнутую рубаху проглядывали костлявая грудь и несвежая майка. Серые волосы рассыпались по плечам, казались нечёсаными и давно не мытыми. Многодневная щетина на впалых щеках ещё больше его старила.

Одним движением рук Арик собрал волосы в пучок и завязал их на затылке тёмным шнурком. Зрители аплодировали. «Артист» стоял, безвольно опустив руки, и смотрел себе под ноги. А когда поднимал глаза, взгляд был тусклым, равнодушным, словно в салоне он был один и всё, что здесь происходит, к нему не имеет никакого отношения. Но в какие-то моменты пелена равнодушия спадала, и тогда его взгляд становился внимательным и печальным. Весь его облик говорил, что он из другого мира и прекрасно это сознаёт, как и своё место в жизни. Я понимал, что его тяготит эта обстановка и люди, которые его окружали. Но ему почему-то очень нужно было быть здесь, и ради этого он готов вытерпеть все унижения. Ощущение, что я где-то встречал этого человека, удерживало меня и заставляло смотреть это печальное зрелище. Между тем зрители начали волноваться:

– Давай, артист, давай – кричали они. – Начинай, не тяни резину, нам ещё домой добираться.

Заведующий подал знак. Арик вышел на середину салона и стал разминаться. Он тяжело, с хрипотцой, дышал, лицо его покраснело, вены на шее вздулись. Успокоив дыхание, артист переминался с ноги на ногу, как это делают футболисты перед выходом на поле.

– Реквизит, – крикнул Царёв.

Тётя Варя растелила коврик и у одного края поставила маленькую бутылочку с какой-то зеленоватой жидкостью.

– Готов? – спросил старший мастер.

– Готов, – почти неслышно ответил Арик.

– Дамы и господа, – торжественно начал Царёв, – прошу внимания!

Этот человек много лет гастролировал где-то очень далеко на севере в лучших мужских салонах. Эти заведения охраняли люди в военной форме, то ли от медведей, то ли от морозов, – публика захихикала. – А морозы там были сильные, но ему было жарко от работы.

Артист побледнел, прикрыл глаза и сжал кулаки. Пальцы рук впились в ладони. Зрители аплодировали и топали ногами. Ведущий поднял руку:

– Господин артист, не буду напоминать условия, на которых мы заключили с вами контракт. – Слово «контракт» он произнёс с французским прононсом, но почему-то ударение сделал на первом слоге. Говорить в «нос» и грассировать он считал признаком хорошего тона.

Арик поднял глаза и кивнул головой. Вдруг наши взгляды встретились. В этот миг я его узнал. Это был мой одноклассник в далёком сибирском селе и однокурсник по университету, Арик Сироткин. Его губы тронуло что-то похожее на улыбку – он узнал меня.

– Господа! – продолжал Царёв. – Прошу соблюдать абсолютную тишину. Итак – смертельный номер!

Исполнитель аттракциона подошёл к коврику.

Староста пятого класса Арик Сироткин развёл сажу водой и на куске старой фанеры написал: «Всё – для фронта, всё – для победы!» – и привязал её ивовыми прутьями к дереву у кромки убранного пшеничного поля, где его класс собирал колоски. Издали фанера сливалась с пожухлыми красками предзимья, а чёрные буквы, казалось, висят в осеннем небе. Нестройная шеренга школьников растянулась по полю. Было холодно, ноги вязли в набухшей от дождей земле.

Арик был крепким, рослым мальчиком и почти не уставал. Чтобы чем-то развлечь одноклассников, шутил, а иногда надевал старые рукавицы и колесом проходил перед ребятами. Весёлый подросток мечтал о подвигах и жалел, что по малолетству не берут на войну. Он много читал, был романтиком. Отец, уходя на войну, подарил ему солдатский вещмешок: «Ну-ка, примерь! Смотри, Анята, наш сын – совсем взрослый, – и, похлопав его по спине, добавил. – Пока я буду воевать, вот тебе защитник и советчик. Детство закончилось...»

Они бежали из окружённой Одессы. Бомбёжки парохода и эшелона не пугали его. Он быстро вырослел и уже опекал мать, которая часто болела и с трудом приспосабливалась к сельской жизни.

...Война закончилась. Сироткины уезжали на родину. Перед отхо-

дом поезда классная руководительница сказала: «Сироткин, без тебя в классе будет скучно. Думаю, ты найдёшь своё место в жизни».

И моя семья, пережившая войну в том же селе, вернулась на родину через полгода.

[326]

Д и П / 2018

Арик Сироткин успешно учился на юридическом факультете. Он хотел стать адвокатом. В те времена однокурсники изредка собирались в доме у какого-нибудь студента – потанцевать, поиграть в преферанс и пообниматься с девчонками. В назначенный день хозяин квартиры шутливо говорил: «Собираемся у меня на “Малый Совнарком”». В те годы книги Ильфа и Петрова почти не издавали, но студенты цитировали их по памяти.

В разгар очередной вечеринки в дверь громко забарабанили. Хозяин побежал открывать. Квартира заполнилась людьми в штатском во главе с офицером. «Всем оставаться на месте! – крикнул он. – Блядством и картами хотите прикрыться? Впустить понятых!» – Он обошёл квартиру и сказал. – Вы здесь под власть копаете, а нам, ночь – не спать».

Начался обыск. Вскоре квартира превратилась в свалку книг, бумаг, разбитой посуды. В ту ночь несколько десятков студентов были арестованы. Их обвиняли в планах свержения советской власти и создании сионистской организации и правительства в подполье с условным названием «Малый Совнарком». Всех «подпольщиков» приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. После смерти «отца народов» все они были реабилитированы.

На юридический факультет Сироткин не вернулся. Закончил геологический и уехал работать на Крайний Север.

Однажды в экспедиции, на привале, один из рабочих долго объяснял, почему Гитлер ненавидел евреев, и что он, рабочий, может его понять. Сидящие вокруг костра люди ему не возражали. Сироткин отозвал его в сторону:

– Фашисты убили сорок шесть моих родственников. Сейчас ты узнаешь, что я думаю о Гитлере и о тебе, – и со всей силой въехал ему кулаком в переносицу.

Рабочий беззвучно свалился и ударился головой о бревно. Через два часа он умер. Суд присудил Сироткину максимальный срок. Знакомься с личным делом заключённого, начальник колонии заметил: «Он ещё и сионист, подлюка. Интересно, с каких это пор жида убивают православных? Наши «клиенты» на нарах этого не поймут. Я ему не завидую».

Завидовать Арику, действительно, не приходилось. Редкий вечер

Гости альманаха

заканчивался без избиения, и только крепкие кулаки спасали его. Сидя на цементном полу в карцере, он с теплотой вспоминал людей, с которыми сидел в первый раз. Учёные, инженеры, священнослужители, люди творческих профессий... Они не давали спуску уголовникам. Атмосфера, созданная этими людьми, помогла выжить и не сломаться.

Однажды к нему подошёл священнослужитель (которого Арик ещё весной вытащил из-под рухнувшей сосны и помог отнести его в больничку), и спросил:

– Отрок, не иудей ли ты?

– Да, отец! Я – еврей.

Священник всплеснул руками и печально сказал:

– Я тебе завидую, хоть это и грех. Господи, прости. Временно мы на земле, отрок. А Богом избранному народу в царствии небесном райские кущи обещаны.

Только к концу второго срока, когда «шестёрки» донесли пахану, что Арик прочёл много книг и знает уйму баек, отношение к нему изменилось. Издевательства прекратились, его стали ставить на лёгкие работы, кормили, дали место в тёплом углу барака, рядом с паханом. Смотрящий потреблял только одеколон «Шипр» и щедро угощал Арика. Но что-то в нём изменилось. Словно стержень, который много лет не давал ему согнуться, надломился. Он стал равнодушным и заторможенным, а когда заканчивал рассказывать очередную байку, долго молчал, уставившись в одну точку.

– Первая попытка! – объявил Царёв.

Арик стал спиной к половуку. Сделав несколько глубоких вдохов, поднял руки и стал медленно выгибать спину, одновременно сгибая колени. Худые ноги, обтянутые мятыми брюками, дрожали от напряжения, казалось, не выдержат вес длинного туловища.

– Осторожно, Аришка. Осторожно, – шептала старая уборщица. – Не торопись, соколик. Не торопись.

Лицо её было печальным, в глазах стояли слёзы. Остальные зрители шумели, заключая пари, громко обсуждали его шансы.

Ладони «артиста», запрокинутые за голову, медленно приближались к полу, а ноги всё сильнее сгибались в коленях. Вдруг, потеряв равновесие, он рухнул на спину. Зрители захлопали. Острая жалость к сокурснику и отвращение к устроителям этого балагана заставили меня пристальней всматриваться в их довольные, весёлые лица. И крикнуть:

– Прекратите! Что вы делаете?

Но в салоне вдруг исчез воздух, и я стал погружаться в душную темноту. Руки тряслись и стали чужими. Я сунул под язык таблетку нитроглицерина.

Ожирев от чаевых, эти люди забыли о жалости.

– Вторая попытка. – грассировал Царёв.

Арик ещё минуту лежал на коврике. Стряхнув пот со лба, он довольно легко поднялся на ноги.

[328]

Постоял. Расслабил мышцы и рывком откинулся назад. В этот миг его тело казалось собранным, гибким и молодым. В полёте, а это был именно полёт, он прогнулся и, приземляясь, одновременно коснулся пола пальцами ног и ладонями. Спина, прямые ноги и руки образовывали почти правильную дугу. Мелкая дрожь снова стала сотрясать его тело, а тётя Варя шептала:

– Молодец, Арик. Ещё немного, соколик, ещё немного.

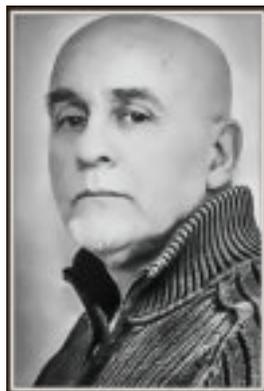
Лицо артиста стало пунцовым, майка взмокла. Почти прижав затылок к спине, он медленно сгибал руки. Бутылочка с жидкостью была уже под подбородком. В этот момент шнурок на голове развязался, и волосы серой завесой закрыли лицо. Арик на минуту замер и осторожно потрянул головой. Из волос, закрывающих бутылочку, проклюнулось горлышко. Стало тихо, и только уборщица шептала:

– Господи, помоги!

Казалось, Арик услышал шёпот старой женщины, и это придало ему силы. Резко согнув руки, он едва уловимым движением схватил зубами горлышко и, оторвав ладони от пола, встал на ноги. Зрители захлопали. Арик открутил крышечку и с жадностью стал высасывать содержимое. Запах одеколona «Шипр» поплыл по салону.

In memoriam

**ПАМЯТИ
ИГОРЯ КОГАНА
(23.11.1947 – 21.03.2018)**

[329]

Клуб Литературы и Искусства постигла невосполнимая утрата. После тяжёлой болезни ушёл из жизни один из лучших наших поэтов и прозаиков. Боль утраты бесконечна.

Смерть Игоря привела к осознанию его значения для всех нас – коллег и друзей по литературному цеху. Он обладал ярким талантом литератора, особым взглядом на литературную жизнь. С его уходом возникла пустота, которую трудно восполнить. Он безудержно любил жизнь, радовался каждому её мгновению. Увы... Трудно говорить о нём в прошедшем времени...

Родился Игорь в Москве. Закончил постановочный факультет Школы-студии МХАТ им. А.М. Горького. Работал в Государственном Академическом Большом Театре, в Кремлёвском Дворце Съездов, в других музыкальных театрах оперы и балета России.

Публиковался: в периодике России; В Альманахе «До и После» (№№ 10 – 21, Берлин).

Стал победителем 2-го поэтического конкурса среди соотечественников, живущих за рубежом: «Я ни с кем никогда не расстанусь» (М., Росзарубежцентр, 2008 г.).

Игорь Коган – лауреат литературного конкурса: «Человек и природа. Времена года» (в номинации «Поэзия», литературное объединение «Источник», Гамбург, 2008 г.).

В 2009 г. вышла его собственная книга: «Между небом и землей» (сборник поэзии и прозы, изд-во ООО «Интер-ЕС», Пермь).

Мы глубоко скорбим о его безвременном уходе, и выражаем соболезнование его жене и другу – Елене. Мир праху Игоря. Мы будем помнить о нём всегда.

Авторский коллектив Альманаха «До и после»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово 5

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Саади Исаков	8
Валерий Матэцкий	22
Леонид Бердичевский	37
Генриетта Ляховицкая	58
Марина Овчарова	77
Анжелла Подольская	84
Нора Гайдукова	109
Елена Зельгер	122
Виктория Пышная	136
Михаил Погребинский	149
Масуд Панахи	157
Михаил Пикер	176
Константин Кербель	186
Давид Брацлавер	197
Мина Полянская	210
Альберт Леин	221
Борис Бронштейн	226
Михаил Вайман	227
Игорь Коган	232

ПУБЛИЦИСТИКА. МЕМУАРЫ. ЭССЕ

Яков Бердичевский	238
Мина Полянская	242
Борис Альгшулер	252
Грета Ионкис	261
Регина Кон	272

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Валерий Матэтский	281
Белла Якубова	286
Регина Кон	291
Леонид Бердичевский	295

ГОСТИ АЛЬМАНАХА

Белла Лурик,	
Виктор Майрановский	304
Леонид Березин	310
Борис Шапиро	317
Леонид Данцигер	319
Михаил Эненштейн	323

In memoriam

Памяти Игоря Когана	329
---------------------	-----

[331]

Д и П / 2018

